

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**СЕНТЯБРЬ
2004**

**ЭЛУЛ
5764**

№ 9 (149)

телефонные звонки?! И получит ли хоть раз подлинное удовольствие от общения с семьей, если эта семья почти никогда не собирается за праздничным столом?..

Тот же, кто не соблюдает заповеди Шабоса, так и будет «вкалывать» без отдыха, да и без особого толку, потому что непонятно, как его труд соотносится со смыслом жизни. А потом станет плакаться – не успел, мол, и одно, и другое, и семью запустил, и сам устал... Честно говоря, мне ни разу не доводилось встретить человека, который в старости почувствовал бы себя виноватым, оттого что мало времени отдал работе. А вот забвение семьи – этот грех совершается сплошь и рядом.

Другими словами, заповеди Б-г дал нам ради нас самих, ради того, чтобы в жизни было больше счастья. И говорить, что заповеди выполнять тяжело, – это все равно, что говорить, будто тяжело мыть руки перед едой или чистить зубы.

Любая заповедь Всевышнего, по замыслу Его, идет на пользу тому, кто ее исполняет. Особенно отчетливо это видно на примерах заповедей, что на первый взгляд имеют целью пользу других. Вот, скажем, заповедь о благотворительности. Вроде бы речь лишь о том, что надо помогать бедным, поддерживать неимущих. Однако будь это так, Б-г мог бы создать мир по-иному: чтобы все благоденствовали и не было деления на богатых и бедных. На деле же заповедь о благотворительности подразумевает в первую очередь духовное возвышение благотворителя. Если бы в виду имелась польза лишь для облагодетельствованного, проще было бы сразу дать ему крупную сумму и забыть о нем навсегда. Но мудрецы Талмуда, благословенна будь память о них, рекомендуют нам, если мы хотим выполнить заповедь в соответствии с велением Г-спода, поступать иначе. Пусть в каждом доме стоит маленькая копилка; опускайте в нее ежедневно по монетке и время от времени, собрав накопленное, ступайте туда, где принимают пожертвования.

Какая разница? Для получающего – никакой, для дающего – большая. Он изо дня в день не забывает о необходимости совершать благое дело – помогать другим. А разве не в этом главное назначение человека и смысл его деятельности? Не в том, чтобы улучшать земное бытие и повышать нравственный уровень мира людей? Оказывая помощь другим, каждый из нас как бы способствует воплощению б-жественной идеи. Самому Б-гу помогает! Недаром слово «мицва», означающее «заповедь» на иврите, – того же корня, что и слово «бе-цавта» («совместно»). А делая нечто «совместно» с Б-гом, мы, если хотите, «подтягиваемся» к Нему.

Воистину так: каждая заповедь в отдельности и все заповеди вместе созданы Б-гом в стремлении сделать нашу жизнь богаче. И если вам порою кажется, что Он «нагружает» вас, вспомните: «груз» этот есть не что иное, как крылья у вас за спиной. А без крыльев в небо не взлетишь.

УЧЕНИЕ РЕБЕ ОБ УЧЕНИИ

ŃĀĪ ŐBĀDŪŃĒĒ Ī Ī ŃĒĀĪ ĒB ĒP ĀĀĒĒ × ŃĒĪĀĪ ĐĀĀĀ

Āđĭā Ńāēīī īī

Ńāāū īē Ēpāāē-īēēē Đāā Ī āī āōāī -Ī āī āē Őī āāđīī (1902 - 1994) āūē āāā ēē īā īāī ūī ēēāāōīŭī āāāēēēī ēēāāđī īđīēēīā āēēā Ā ōā-āī ēā īđīēā ēāō īī Ńōīyē āī āēāā Ēpāāē-īēēīā āāēāāīēy ōāīēēēī ā, āēāāāāđy ēīōīđīō īđīēēīōāē đāīāīīāī āāāēīēēē āōōīāīīđē ā ī ēāđ īīāēāīīī Őīēēīīđōīī. Īī āūē īāīōāāīēēēī āēy ōūīy- ē ōūīy- āāāāā Ī ā īīīāō āā ō-āī ēēāō ē īāāīy īōīā-āōīē īāīīāōīđēī īē ēē-īīīđē Đāā

Ā :āī āūē īī ūīē āā āōōīāīīā ō-ēōāēīīōāī?

Ēīēā, ēīōīđīp ī ū īā-ēīāāī īāēēēīāāōū īōđāī ēōīy īōāāōēōū īā yōīō āīīđīī Āā āāōīā, Āđĭā Ńāēīī īī, īīīā ēāō ēāīēīāēīy ēp-āīēāī īāāāāē-āīēēō ī āōīāā Đāā ē ēāīēōēē āēīīāđōāōēp īā yōō ōāī ō ā Ī āēīāōđīīēēīī ōīēāāīēōāōā La Trobe. Őđĭā Āđĭā Ńāēīī īīā - yōī īāāāy īīī ūōēā īēīōāī āōē-āīēīā āī āēēā īāāāāē-āīēēō āī ēōāī ēē Đāā

Движение Любавичского хасидизма Хабад придает особое значение пониманию – пониманию Писания, пониманию человеком своей роли в мире. Установка на осознанные действия человека, на признание роли «сотрудника Б-га» лежит в основе нашего учения. Но что такое понимание? Во многом оно определяется воспитанием и образованием. Однако речь идет о воспитании особого рода – воспитании души. И с этой точки зрения Хабад может считаться воспитательной организацией.

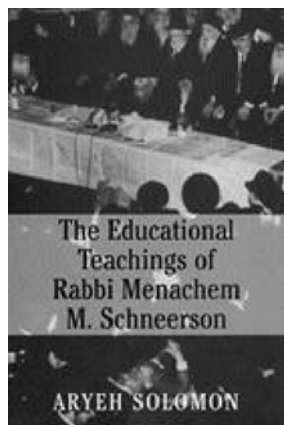
Ребе очень много сделал для развития этого направления в деятельности нашего движения. Труд, предлагаемый вашему вниманию, ставит целью прояснить, что именно Ребе понимал под моральным и религиозным воспитанием. Мы с уверенностью можем утверждать, что он был великим педагогом. Его беседы и послания содержали массу ценных педагогических наблюдений. Но почти всегда эти наблюдения, образующие стройную систему, не были самоценны, а увязывались с другими проблемами, поскольку Ребе свойственна была широта взгляда. Он был мыслителем, ученым, духовным наставником. А. Голдман в некрологе, напечатанном в «Нью-Йорк Таймс» в 1994 году, отметил, что Ребе называли «одним из самых известных в мире еврейских лидеров». Адин Штейнзальц тогда же писал: «Достижения Ребе Шнеерсона столь многочисленны и принадлежат столь разным сферам человеческой деятельности, что нам даже трудно представить, как все это могло быть порождено одним-единственным человеком».

Ребе подчеркивал, что движение Хабад «считает образование не только краеугольным камнем еврейской жизни, но и основой жизни всего человечества, и вот уже более двухсот лет, с самого момента своего появления, уделяет образованию величайшее внимание». При этом Ребе говорил не только о

специфическом еврейском образовании, но об образовании. Он делал все, чтобы направить общество к такой жизни, в основе которой лежали бы высокие идеалы иудаизма, понимая, что эти идеалы требуют соблюдения более строгого морального кодекса, чем тот, который общество готово принять сегодня. Главный раввин Великобритании Дж. Сакс заметил, что в истории Нового времени «трудно найти личность, больше сделавшую для того, чтобы вновь затеплить пламя нашей веры в мире, все более и более думающем не о священном, а о светском». Благодаря деятельности Ребе идеи хасидизма стали понятны людям, очень далеким от хасидского учения: «Он изменил представление нашего мира об учении, возникшем в Любавичах, и об иудаизме в целом. Он поставил иудаизм лицом к лицу с современным миром и всю свою жизнь положил на то, чтобы еврейская община, прошедшая через трагический опыт Катастрофы, осознала, что мир проникнут присутствием Б-га живого», – писал Дж. Сакс. А главный раввин Израиля Исроэл Лау утверждал: «Никто не сделал столько, чтобы еврейские традиции были восприняты в самых далеких уголках земли, чтобы они выжили, сохранились и развивались дальше. Причем, это было сделано в самых неблагоприятных условиях».

Исследование, предлагаемое вниманию читателей, основано на анализе многочисленных бесед и посланий Ребе. Яков Таубер, один из учеников Ребе, отмечал, что обычно такие беседы «служили отправной точкой для путешествия к тому, что есть душа Торы, – в самую глубину ее идей, законов, положений, в самую глубину истории человечества. Каждая такая беседа была своего рода дорожкой, ведущей к сущности Торы: отсюда в новом свете представляли “лики” Торы и отсюда было видно, насколько все они образуют единое целое <...> В этих беседах Ребе касался таких тем, как противоречивость человеческого существования; напряжение, возникающее из-за того, что на нас воздействуют противоположные импульсы со стороны общества и со стороны нашего “я”; элитарность и равенство; развитие личности и творческая реализация. В этих беседах можно было найти ответы на вопросы, как хасидизм относится к образованию, браку, языку, бизнесу, собственности, преступлению. Здесь же – изложение взглядов Ребе на “религиозные” вопросы, на сущность еврейства, на то, насколько “догматична” Тора и насколько она требует от человека творческого отношения к реальности, каковы взаимоотношения религии и государства, в чем функции заповедей, что есть награда и воздаяние, размышления о Мошиахе и Мире грядущем».

В беседах Ребе можно выделить ряд повторяющихся тем – своеобразных «центров притяжения мысли».

À ÎÑÍ ÎÁÁ ÑÁÎÁË × ÁËÎÁÁË - ÔÎ ÐÎ Ø

Î òîì, ÷ òî ÷ àëî àëéó èçí à: àëüü î ì ðeñòùá ñò ðàì éáí èá é áëàã

Ребе доказывал: иудаизму свойствен в высшей степени оптимистичный взгляд на человека и мироздание. Мир и человек изначально благи. Но следует помнить: из этого еще не следует, что человек инстинктивно склонен к благу. Речь идет о том, что в своей сокровенной глубине человек стремится найти

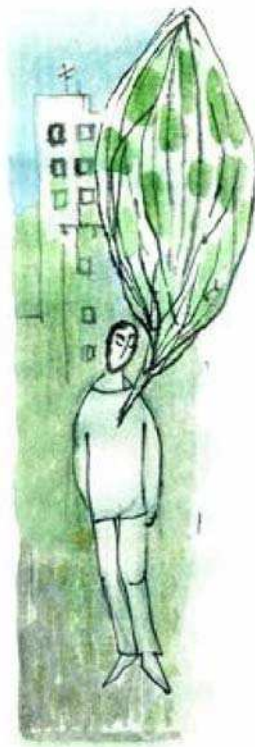
выход духовной жажде реализации, которая может проявляться в совершенных, с этической точки зрения, поступках и высокоморальном поведении. Однако Ребе обращал внимание: все это может дать плоды лишь в том случае, если человек смирит воздействующие на него противоречивые силы, таящиеся как в собственном его сознании, так и в социуме. Более того, подчеркивая, что человек изначально наделен потенциалом духовного развития и способностью установить связь с Б-гом, Ребе отмечал, что тем серьезнее ответственность за совершенный человеком грех и уклонение от Б-жественной воли.

Подобный взгляд согласуется с духом учения Хабад и богословскими нормами хасидизма, однако важно, что Ребе раз за разом, со страстью, возвращался к этим темам, развивая их. Его глубоко волновало то обстоятельство, что человеку и мирозданию изначально присуща благая природа, а значит, они по самой сути своей причастны духовному миру. При таком подходе неправильное поведение, грех и зло выступают факторами внешними по отношению к человеку: их следует считать временным уклонением от истинной природы.

Ребе неоднократно подчеркивал: в первую очередь, человек является моральным существом, и заложенный в нем потенциал такого рода неисчерпаем. Способность меняться к лучшему, присущая человеку, доказывает, что зло – это результат деформации нашего истинного «я» под давлением внешних обстоятельств, мешающих проявлению изначально благой природы. Заключенное в нас благое начало стремится к реализации, к проявлению себя в бытии. Образование же помогает активизировать «духовное внимание», побуждая наш дух к действию более эффективно, чем простая демонстрация неких внешних по отношению к человеку ценностей.

И́ гаò ááðæääí èÿ èçí à: àèíí í áéääé í ðèðíäü : àèíáàè, ñááðæàüè àíÿ á Õíðá

Обычно Ребе останавливался на нескольких эпизодах Писания. Одна из таких бесед была посвящена заповеди о необходимости совершать обрезание: «А в день восьмой пусть обрежут крайнюю плоть» новорожденного (Ваикро, 12:3). Акт обрезания символически отражает путь к обретению духовного совершенства, подтверждением чему служит упоминание об «обрезании сердца»: «И обрежет Б-г сердце твое и сердце потомства твоего, чтобы любил ты Б-га, Всесильного твоего, всем сердцем твоим и всей душой твоей» (Бемидбар, 30:6). Аналогии, которыми пользуется Тора, никогда не бывают произвольны. «Обрезание сердца» ассоциируется с удалением духовных препятствий, мешающих связи человека с Б-гом, и переживанию полноты любви. Только посредством этого состояния человек достигает статуса, назначенного ему Б-гом, и удостоивается Б-жественного благословения. Поняв смысл акта обрезания, мы поймем, к чему следует стремиться на путях духовного совершенствования. Человеку свойственно желание реализовать дары, отпущенные Б-гом. Но для того, чтобы это произошло, необходимо устранить внешние факторы, довлеющие над сознанием и мешающие поступать в соответствии с природой нашего духовного «я». Поэтому роль наставника заключается в том, чтобы помочь ученику высвободить стремление к самовыражению благого «я».

Òàèì óàè: àíèèá ì ìäò ááðæ äáí èý èçì à: àèüü î áèääé ì ðèðìáü : àèì áàèà

Ребе указывал: у мудрецов Талмуда можно найти множество подтверждений того, что человек по природе своей благ, а поступки, идущие против морали, находятся в противоречии с нашим истинным «я». Так, он ссылался на известное талмудическое утверждение: «Человек не совершит прегрешения, покуда не вмешается дух недомыслия или безрассудства» (Сота, 3а). Но что такое «дух недомыслия»? Это иррациональные импульсы, «раздирающие» наше сознание. Пока они не властны над нами, мы не поддадимся соблазну совершить проступок против морали. В талмудическом трактате «Сота» речь шла о случае, когда замужняя женщина подозревается в неверности. Талмудический комментарий восходит к описанию ритуала из пятой главы книги «Бемидбар»: «Если чья-либо жена совратится, и поступит с ним нечестно <...> и это было скрыто от глаз мужа ее, а она осквернилась втайне, и свидетеля против нее нет <...> а на него найдет дух ревности <...> то пусть приведет этот человек жену свою к козну, и принесет за нее жертву <...> и подведет ее козн, и поставит ее пред Б-гом <...> и заклянет ее козн» (Бемидбар, 5: 12–19). На иврите моральное прегрешение такой женщины определяется словом «тисте», буквально означающим «уклоняться в сторону» и этимологически восходящим к определению своевольного или иррационального поведения «штус». Очевидно, что Тора увязывает своеволие и иррациональность с опасностью прегрешения.

Остановившись на том, насколько серьезные последствия может иметь уклонение от норм морали, Ребе акцентирует внимание на таком специфическом свойстве греха, как временность: грех можно совершать вновь и вновь, но сам он не способен длиться, а оступившийся может раскаяться и вернуться к праведной жизни. Грех не имеет опоры в самом себе, а это свидетельствует о том, что он не укоренен в природе человека.

Следует обратить внимание на два других аспекта, поясняющих, почему мудрецы Талмуда связывают грех с духом недомыслия.

Вернемся к тому фрагменту из «Сота», где речь идет о подозрении в неверности замужней женщины. Брачные узы очень глубоки и значимы. Вспомним, ведь Синайское откровение рассматривается как завет между Б-гом и Израилем, когда Израиль обещает хранить верность Б-гу, как невеста – жениху. Параллель эта понятна: всякая неверность может интерпретироваться как неверность Б-гу. Талмуд специально оговаривает, почему при подозрении в неверности жены муж должен принести за нее «жертву: десятую долю эйфы ячменной муки, но масла не возливает на нее и ароматной смолы на нее не кладет, ибо это дар ревности» (Бемидбар, 5:15). Ячмень и ячменная мука – это еще и пища, даваемая скоту. И Тора дает нам понять, что неподобающее поведение подозреваемой женщины было спровоцировано животными

устремлениями, присутствующими в ее сознании. А значит, неверность – преступление против морали вызвано иррациональными побуждениями и недостатком самоконтроля. Это отдаляет жену от мужа и подчеркивает всю серьезность проступка, в котором подозревается женщина, подвергающаяся особому ритуалу.

Но, наряду с аспектами греха, Ребе затрагивает вопрос об изначальной невинности: ведь ритуал, совершаемый козлом над женщиной, подозреваемой в измене мужу, прежде всего призван очистить ее от подозрений в глазах мужа. Вспомним: вина женщины не доказана, а о муже говорится, что «на него найдет дух ревности» (Бемидбар, 5:12). И если женщина в измене не виновна, ритуал являет это мужу, восстанавливая глубинные связи между супругами.

Талмуд анализирует ситуацию подозрения в измене как ситуацию, поясняющую механизм любого прегрешения. Принципы истолкования этого случая можно распространить на любой грех: ведь любой грех оказывается временным состоянием человека, далеким от внутренней реальности, когда мы тождественны глубинному «я». Неправедность на поверку оказывается временным помутнением сознания, капитуляцией перед животными импульсами, однако мы можем восстановить контроль над этими силами и преодолеть свое падение.

Второй важный момент ситуации состоит в том, что подозрение также является чем-то внешним по отношению к человеку. Достаточно «ревности мужа», чтобы женщина оказалась в положении подозреваемой. С другой стороны, уверенность жены в том, что она невинна перед мужем, служит гарантией положительного исхода ритуала. Таким образом, возвращение статуса праведной жены связано с внутренним «я» женщины.

Благо – вот истинная опора человека, грех же является чем-то внешним, нарушающим внутреннее равновесие нашего «я» и нашу связь с Б-гом. Отпадение от Б-га в результате совершения некоего проступка не может вести к прекращению связи между человеком и Создателем навсегда. Отказ от греха дает возможность восстановить эту связь, обрести опору и равновесие.

Однѣ аѣа і іаò ааде ааі еу есі а-аеиі і аеаі е і де ді аі ÷ ает аеа

И мудрецы Талмуда, и хасиды много размышляли о цадиках – праведниках, всецело вверивших себя воле Б-га. Ребе, сравнивая талмудический и хасидский подходы к проблеме праведности, подчеркивал, что они не противоречат друг другу. И Талмуд, и хасидизм отмечали: духовные силы цадика проявляются не только в том, что соприкосновение с ним выявляет духовный потенциал людей, когда по отблескам его света в их душах можно судить о духовной просветленности цадика. Ни Талмуд, ни хасидизм не игнорировали и природу самого цадика, проявляющуюся в его действиях. Так, Талмуд приписывает цадику – то есть человеку, в котором персонифицирована праведность, – способность выносить суждения, которые могут влиять на Б-жественную волю или отменять уже решенное на Небесах.

Будучи цадиком, основоположник хасидизма Баал-Шем-Тов провидел, что его учение будет принято всеми евреями. В связи с этим Ребе подчеркивал: сегодняшний мир недостаточно принимает хасидизм, не потому, что его идеалы чужды или непостижимы, – это объясняется лишь тем, что хасидизм недостаточно стремится возвестить о своих идеалах и вступить в интенсивный диалог со всем миром. Ребе вспоминал о видении Йосефа: «Вот мы вяжем снопы посреди поля, и вот поднялся мой сноп и стал, и вот кругом стали ваши снопы и поклонились моему снопу» (Брейшис, 37:7). Йосеф – это идеальное воплощение цадика, не имеющего собственной воли, но во всем подчиняющегося Создателю. В интерпретации Ребе этот эпизод учит еще и тому, что мир чтит праведника, а в его лице – некий идеал. А значит, не всегда осознавая это, каждый из нас внутренне желает следовать идеалу.

Практика наставника, исходящая из представлений об изначально благой природе человека

Какое все это имеет значение для практики наставника? Конечно, он должен быть внимателен к ошибкам ученика, однако не на них он должен делать акцент. Главное – раскрыть положительные качества, присущие ученику. Наставник должен видеть сильные стороны обучаемого, его потенциал, и всеми силами стараться, чтобы ученик стремился реализовать свое истинное «я». Роль наставника еще и в том, чтобы устранить препятствия, мешающие раскрытию личности обучаемого: способствовать «обрезанию сердца» своего ученика.

УСЛОВИЕ ДОСТОЙНОЙ ЖИЗНИ

ΒΑΪΑΕὸÈÎÍÏÛÉÄÍÁÎËË

Словно подтверждая слова поэта о гибели без «правды сущей», рухнул вроде бы несокрушимый Советский Союз. До поры до времени держался, играл мускулами, а потом развалился, как карточный домик.

Политологи наперебой называли причины краха, постепенно приближаясь к главной: коли нет правды – жизни не будет. Какое-то время удастся протянуть на полуправде, лжи. Как умирающему на каплях или таблетках, но и снадобьям наступает конец. Или они перестают действовать.

Само понятие правды далеко не однозначно: у каждого может быть собственное о ней представление.

Но мы ведем речь о наименее спорном – о правде факта, о правде устоявшейся в памяти исторической даты. То есть пытаемся свести к минимуму возможности напрасной в данном случае полемики, чреватой все затапливающим словесным потоком.

Среди читательских писем, наряду с выражающими солидарность, есть и несогласные. Или сомневающиеся: «Так ли уж необходима правда?», «Нельзя ли без нее?» И прочее в подобном духе. Не то чтобы отказ от лжи и полуправды, но согласие на частичную, дозированную правду, вполне, дескать, достаточную для существования.

Речь, однако, не о существовании, а о полнокровной жизни и осмысленности шагов, поступков. Об отказе от немудрящего принципа: «День да ночь – сутки прочь». Жизни, достойной выдающегося народа, на своем тернистом пути испытавшего все виды лжи – от вроде бы безобидной, довольствовавшейся анекдотами, до несшей кровь и смерть.

Кому-кому, а евреям непозволительно соглашаться на осьмушку, половинку правды. «Сущая правда», на которой настаивал большой российский поэт, не поддается нарезке на кусочки. Нужна целиком. «Да была б она погуше, как бы ни была горька».

Сама человеческая природа, поря

дком изуродованная обыденной, далеко не всегда благополучной жизнью, готова смиренно принять четвертушку правды.

Но не для евреев подобного рода компромиссы.

«Почему?» – удивятся иные читатели, вспоминая, быть может, давние попытки различных людей в этом направлении. «Ну велика ли разница – сколько солдат билось у деревни Н., отражая вражескую атаку?»

Разница в одном – нужна или не нужна нам подлинная правда войны, когда миллионы людей, в том числе евреев, сражались, беззаветно отдавая жизнь за клочок земли. Каждый из этих обогранных кровью клочков дорог не только сам по себе, но и как символ стойкости, права на личное достоинство. Как прецедент.

При подобных проблемах слов нет, параллели относительны. И все же...

Да, нам дороги ратные успехи израильтян в неравной борьбе с численно превосходящим противником. Мы ищем и обретаем поддержку в собственном опыте, когда хватает и чего-то сходного с затычным единоборством на Ближнем Востоке, когда одна из сторон, не всегда имея численный перевес, имеет нравственное превосходство, гарантированное правым делом.

Правота эта подтверждается многовековой историей, далеко не всегда благоволившей к высоким и благородным целям народа, пережившего ни с чем не сравнимые муки. Но никогда не склонявшего голову в знак принятия навязываемого ему смирения.

Вряд ли подобное качество в такой степени присуще еще какому-либо народу, готовому перенести всё, выпавшее на долю евреев. Перенести – и остаться собой, как оставались веками.

ТОРА В СИ-МИНОРЕ

Деннис Прагер

Српипде ааоіе і іае ааааае ааа іаеооо: еоааесі е і оаіеа Іа дауу аааа іааааау: іао ее ппуре і аеао ааеаеіе і оаіеіе е ааеаеіе даеааае, іаааа і і і аеао еаааае-ааеіе і оаіеіе е еоааесі і і ? Еу і деоіаеа е і іае, оі іаіаа і іае і і ааааеоу і аааааа і і еі і оаеаа і аеао і е і, іаеае і ааааа і і е ппуре.

Один из возможных аспектов этого конфликта касается монотеизма. Суть иудаизма – признание Единого Б-га и отрицание каких-либо других божеств. А искусство является именно тем божеством, которому особенно хочется поклоняться. Эстетическая красота может бросить вызов вере в Единого Б-га. Почти в каждом обществе, начиная с глубокой древности, многие поклонялись красоте и обожествляли ее.

Чем больше была моя любовь к музыке, тем лучше я понимал, как музыка и вообще искусство могут заполнить человека. Искусство легко захватывает, и человек начинает думать, что именно в служении искусству смысл его жизни.

Тора знает, что власть красоты может подтолкнуть человека на неверный путь. В повествовании о том, как человек впервые ослушался Г-спода, говорится, что мужчина и женщина Б-гу предпочли красоту: Адам и Ева съели запретный плод, потому что он был «красив на вид». А вторая из десяти Б-жьих заповедей запрещает создавать рукотворные образы, потому что они могут увести человека от Бга.

Искусство, музыка и эстетическая красота необязательно способствуют укреплению нравственности. Один из печальных уроков двадцатого века гласит: можно любить искусство, глубоко чувствовать красоту и вместе с тем быть убийцей. В кинофильме «Заводной апельсин» молодые люди терзают людей под звуки классической музыки. Автор сценария, Энтони Берджес, хотел опровергнуть представление о том, что великая музыка подразумевает высокую нравственность. Действительно, разве нацисты не гнали евреев в газовые камеры под музыку Моцарта и Штрауса? И едва ли не самая культурная страна дала человечеству Освенцим. А Сталин, этот величайший серийный убийца в истории, умер, слушая любимого им Моцарта. В то же время музыка имеет власть возвышать людей и приближать их к Б-гу. Надо признать: музыка, как и другие виды искусства, в моральном и теологическом аспекте нейтральна. Она способна возвышать душу человека, но может привести к его деградации, может уводить от Б-га, но может и приближать к Нему. Ведь вряд ли человек, слушавший тяжелый рок, уйдет с концерта с ощущением нравственного подъема, смягчив свою душу. Неслучайно подобные концерты часто заканчиваются скандалами и драками. Последний рок-фестиваль в Вудстоке – яркий тому пример. А если бы там исполнялись мелодии Шабоса, вряд ли слушатели пришли бы в такое возбуждение и настроились на драки и насилие.

Из книг Танаха явствует, что музыка играла существенную роль в храмовой службе. «Хвалите Г-спода на струнах и органе, хвалите Его на звучных кимвалах, хвалите его на кимвалах громогласных. Хвалите его со звуком трубным <...> Пойте славословие Г-споду, пойте Бгу нашему на гуслях», – говорится в книге Теилим. Любой еврей, растроганный хасидскими нигуним (мелодии) или хазонус (молитва, исполняемая кантором), знает, какую вдохновляющую роль может играть музыка.

В иудаизме музыка служит особым средством восхваления Г-спода и выражения эмоций молящихся людей. Евреи в синагоге не просто читают Тору, они читают ее нараспев. И всякий, кто бывал на традиционной еврейской свадьбе, знает, что именно еврейская музыка превращает свадьбу в запоминающееся праздничное действо.

Любя классическую музыку, я чувствую себя вдвойне благословенным. В будни я могу приблизиться к Б-гу, слушая Баха и Генделя (библейские темы составляют основу их ораторий), а в еврейские праздники я ближе к Г-споду, слушая еврейские мелодии. В такие дни Шлоймо Карлебах и Дебби Фридман, два величайших еврейских мелодиста нашего времени, – это мои Бах и Гендель!

В известном смысле музыка не отличается от самой религии: с ее помощью человек может возвыситься или, наоборот, низко пасть. Но мало что сравнится с музыкой, когда она используется для благой цели.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

СЕНТЯБРЬСКИЕ НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

אַעאַי ןע דאַאַעײַ די נײַע אַאדע ײַאָאָד ײַיִנוֹעֶע ײַדאַאַיִנוֹעֶע. ײַי אַזע יִדעִיגֹו אַאַאִי אֹיִדִי ײַדאַאַיִנוֹעֶע אַאָאָ אַעאַאַיִאִי דעִיִיִעִיִי ם יִדִיאַע ןִיעִי יִאִדאַאַיִדִי יִי סעִדִעִיִו ם םִאָאָ אִיִדִיִאָ םאַאַרִעִעִיִ אִיִדִעִאַיִעִי ם דאַאַעִעִי אַאַאַעִיעִע אַעִיעִ ם אִיִדִיאַ ם םִאָאָ דאַאַעִי אַאדע ײַאָאָד אִיִדִעִעִיִ דאַאַעִי ןִי יִדִי ײַדאַאַיִנוֹעֶע יִאֹדִי יִעִי אַעִיעִיִ, ןִי אַאַאַעִיעִע יִאַאַיִאִיִ יִיִנוֹעֶע אִיִדִיאַ

13 epey aaiue daaei dinne Aade Yaad iinooe Edaiyone. Ii aze ydeigo aaii adii Edaiyoneia eday Aaeiaadi Deiiieiu e idiae niei yadaadii ii sedeti o edaa aidiia eapureey aidaaiey e daaeoy aaeiee aege a aidaa e edaa Daaei Aade Yaad aiodaey daaei ni ydi Edaiyonea Iadi Iei aeiaii, ni aaeiee iaiadaai inof aida

Беседа с губернатором Хлопониным состоялась в администрации Красноярского края. В ней приняли участие исполнительный вице-президент Федерации еврейских общин России Александр Борода, раввин Красноярска и Красноярского края Биньямин Лейб Вагнер и директор авиационной компании «Красэйр» Борис Абрамович.

В ходе встречи речь шла, в частности, о завершении строительства красноярского еврейского общинного центра на улице Сурикова, а также о предоставлении общине здания для еврейской общеобразовательной школы.

В реализации обеих проблем наметился существенный прогресс. Уже в самое ближайшее время будет создана рабочая группа для принятия решения о здании для школы. Стороны договорились, что общинный центр будет достроен совместными усилиями Федерации еврейских общин России и местных спонсоров.

Участники встречи подробно обсудили ситуацию в еврейской общине, ее роль в жизни региона, ее вклад в улучшение экономического потенциала и жизненного уровня жителей Красноярского края, наметили пути координации дальнейших действий в этом направлении.

Во время встречи в администрации был затронут вопрос о миссионерских и сектантских организациях, действующих в Красноярском крае, и найдено полное взаимопонимание о недопустимости их работы.

По окончании беседы раввин Берл Лазар и Александр Хлопонин подчеркнули конструктивный характер начатого ими диалога.

И. Диев

ÁÁÐÁËÑËËÁ ËÁÁÁÐÐ ÎÒÁÛÛÁ: ÑÁÇÎÍ 2004 ÁÎÁÁ

Ëáòí 2004 ááá ïíáíóëí è èííóá, ááðáëíëá íáíëíú è íðáíëçáòëè ïíááíýò èòíæ èáòíáá íðáíóá ááðáë. Á ýòíí áááó ááðáëíëá èááíýò íðáíóá á Ðíííë è ÑÎÁ ïðëíýëè íëíëí 13 òúíý: ááòáë óëíëííáá áíçðáíòá Ýòí íáíëíëíëí ï áíúóá ÷áí á 2003 ááá, èíáá á ááðáëíëëò ááòíëëò èááíýò íðáíóí óëè íáíóá 14,5 òúíý: è óëíëííëëíá Í ðë:ëíá á òíí, ÷òí ËÁÐÍÍÐ, ïí íáëçááíòíúí ïðë:ëíáí, á ýòíí áááó ðáòëè íá òíððáëááòú ááòíëëò èááíðáë. Ëáë ïííáíëëá íðëíí áíááëáð Ëííáðáíá Ááëëíá Õí áííëáý, èáòíí 2004 ááá ËÁÐÍÍÐ íáíáíë:èëíý ïíí íúíþ á íðáíëçáòëè ï íëíááëíúò èááíðáë ï áçéáòí áðíáí íë íðáíëçáòëè «Ááíáò Ëíííý», ðëíáííëðáíí íë èç ÑÕÁ.

Самой крупной сетью детских лагерей на постсоветском пространстве остается «Ган Исроэл» Федерации еврейских общин СНГ. Летом 2004 года в этих лагерях отдохнули чуть больше девяти тысяч школьников: это столько же, сколько в предыдущем году, и две трети от общего числа детей, посетивших еврейские лагеря отдыха. Лагеря «Ган Исроэл» устраивались в девяти из 15 государств бывшего СССР: 26 лагерей на Украине, 21 лагерь в России, по два в Белоруссии и Казахстане, по одному – в Узбекистане, Азербайджане, Эстонии, Латвии и Литве. Лагеря «Ган Исроэл» размещаются на берегу моря или большой реки, в живописной местности – как правило, организаторы арендуют престижный дом отдыха. Заезды производятся отдельно для мальчиков и для девочек. Кухня строго кошерная: где бы ни был устроен лагерь, община присылает своих поваров. Кормят здесь щедро: по шесть раз в день. Активный отдых и спорт дети совмещают с занятиями ивритом, еврейской историей и традицией; под руководством мадрихов-инструкторов, в том числе из Израиля и США, изучают заповеди, а девочки учатся готовить дом и стол к Шабосу.

«Ган Исроэл» – лучший лагерь, где мне приходилось бывать, – сказал нашему корреспонденту 10-летний Женя Малец из Омска. – Здесь без опаски можно сказать, что ты еврей, можно носить кипу и не бояться, что кто-то из-за этого затеет с тобой драку. Можно слушать и петь песни на иврите. Здесь я дружу и общаюсь с близкими мне по духу людьми, учусь говорить на родном языке. А главное, здесь можно понять, что быть евреем – огромное счастье».

О том же говорит и Ксения Новоточенова из днепропетровского «Ган Исроэл»: «Мне очень нравится этот лагерь прежде всего потому, что он еврейский, я могу быть здесь среди своих и больше узнать о традициях и культуре своего народа». А ее подруга Саша Индикт добавляет: «Еще для меня очень важно, что в лагере соблюдаются еврейские традиции. Да и языковая практика в английском и иврите – это большое преимущество».

А вот что рассказала инструктор «Ган Исроэл» в Одессе Шейна Бистен, дочь раввина из Флориды (США): «Иудаизм в играх и развлечениях – основной способ нашего общения с детьми. Мы хотим показать, что еврейский мир – это не только учеба и соблюдение традиций наших предков, но еще и летнее веселье, радость полноценной жизни. Мы часто веселимся, поем, танцуем и даже балуемся – и это неплохой вариант возвращения к своим корням».

Особый подарок преподнес фонд «Ор Авнер» белорусским детям, живущим в зоне, подвергшейся радиоактивному заражению в 1986 году в результате чернобыльской аварии. Для этих детей «Ган Исроэл» был устроен... во Франции, где их принимала местная община Хабад-Любавич. А по пути «на родину мага Абрамелина и трех мушкетеров», в Берлине, белорусских детей принимала местная секция Всемирного конгресса русскоязычного еврейства, которая организовала для детей ряд интересных экскурсий по германской столице.

Кстати, в этом году больше полутора тысяч еврейских детей школьного возраста с помощью своих общин отдыхали за границей. Главным местом такого отдыха был Израиль. Федерация еврейских общин СНГ и фонд «Ор Авнер» в рамках программы «Мекорот» отправили около тысячи детей и подростков познакомиться с родиной еврейского народа. «Мекорот» стала в этом году второй по значимости программой еврейского детского отдыха. В общей сложности общины, входящие в Федерацию еврейских общин, обеспечили отдых более чем десяти тысячам еврейских детей.

В организации детского отдыха участвовали и другие еврейские общины и организации. Около 700 школьников отдыхали в детских лагерях, организованных «Сохнотом» в Подмосковье, Верхнем и Нижнем Поволжье. Более трехсот детей отдохнули в Словакии и Венгрии по линии Еврейского центра искусств при Российском еврейском конгрессе (правда, этот отдых, в отличие от программ ФЕО СНГ, был платным). Примерно столько же школьников принял подмосковный детский лагерь религиозной общины «Шамир». 250 детей школьного и дошкольного возраста из Центрального района России отдохнули в «семейном лагере» «Джойнта», 150 школьников – в двух лагерях реформистской общины под Москвой и в Западной Сибири. Несколько небольших летних лагерей организовали с помощью зарубежных (главным образом американских) общин еврейские школы, действующие вне системы «Ор Авнер».

ΑΙ ΝΗΘΑΙ ΓΑΕΑΙ ΕΑ ΝΕΙ ΑΑΓΑΕ- ΝΕΙ ΑΓΕ ΑΓΩΓΑΑΑΙ ΕΒ ΑΑΒΑΕΝΕΙ Ε ΑΕΕΙ Ε

**20 εβρύ 2004 ααα α Εααί Γα πποίγέααα οίδεααοααίγυ οααί Γίεγυ αεεααεε Ιαααα
εαί Γγ α ααοοί Γα αεα ποδρεοαεααοαα πεί αααε.**

Со словами приветствия к собравшимся обратились ведущие праздника. Они рассказали, что камень, который будет заложен в стену новой синагоги, долгие годы служил опорой первой синагоги дореволюционного Луганска. Они поведали о разнообразной и активной жизни еврейской общины, о евряях-предпринимателях, которые внесли немалый вклад в развитие экономики края.

В жизни еврейской общины Луганска бывали и скорбные дни: в 1935 году вышел указ правительства о закрытии синагоги; в 1942-м немецко-фашистские захватчики расстреляли 2000 евреев на Острой могиле... Семьдесят лет Советской власти – это непрерывающиеся попытки возобновить духовную жизнь еврейского народа, это создание и закрытие молельных домов, конфискация свитка Торы, это борьба за право на существование.

В 1992 году произошло радостное событие для евреев, живущих в Луганском регионе независимой Украины: власти вернули свиток Торы представителям еврейской общественности. В 1997-м создается еврейский благотворительный фонд «Хесед Нэр». А в 1998-м в Луганск приехал посланник Любавичского Ребе Шолом Гопин, раввин Луганска и Луганского региона. Создаются новая школа, детский сад, летние лагеря отдыха, общинная газета, журнал для еврейских женщин. Возрождается духовная жизнь: вновь отмечаются еврейские праздники, изучается Тора, проходят встречи в клубах и, самое главное, начинается строительство синагоги.

Торжественную церемонию открыл раввин Шолом Гопин. Он тепло поздравил всех евреев и гостей с праздником закладки первого камня синагоги, прочитал благословение, поблагодарил всех, кто помогал небольшими пожертвованиями и крупными денежными вкладами.

Со словами приветствия к собравшимся обратились почетные гости: председатель Луганского областного совета В.Н. Тихонов, городской голова Е.Д. Бурлаченко, председатель попечительского совета еврейской общины, председатель правления Укркоммунбанка Э.М. Лозовский.

Тарелку на счастье разбил «душа Луганской общины», ветеран войны Р.М. Кримерман. Почетное право первыми заложить камень в стену синагоги предоставили почетным гостям и раввину Шолому Гопину.

ΑΑΓ

איִצְחָק אַאִי עֵא עֶץ יֵאִיעֵא

א ייִ-ווּ פֿ 26 יא 27 עֶפֶךְ אַ עֶדֶסוֹנִיעֶע נֵיאַאִיאַ נֵסוֹ-עֵפֶךְ יִיאַעוֹ, עִיִּוִּדִיעֶ יֵאִיאַ צֵאִיעֶפֿ יֵאִיאַעֵאעֵיִוֶעֶ אִוִּי. אַיאַדֵאעֶ יֵאִדֵאעֶ יִזֵאעֶ עֶ ייִ-וֶעֶ אַפֿ עִוִּאֵפֿ. אִיעֶ-וִיאַעֵאִאֶ אֵעֵעֵיִוֶאֵעֵא, עִי יִיפֿוֹאִוִ, נֵיאַדֵאעֶ יִינִיעֶע, יִדֵאִיאַ אַ אֶ-אַסוֹ עֵאפֿ אַפֿ יֵאֵיִיאַאִיאַ אֶ-אִי יִוֹ -עֵאִ יֵאִיאַדֵאעֵעֶ יֵאִיעֵיִוֶ.

Как сообщил главный раввин Иркутска Аарон Вагнер, предварительно установленная причина пожара – короткое замыкание в электропроводке. В момент возгорания в синагоге никого не было, сработала автоматическая противопожарная система, сигнал которой приняли в милиции, а милиционеры вызвали пожарных. Первый расчет прибыл на место уже через четыре минуты. Если бы прошло больше времени, спасти было бы нечего: здание старинной постройки имеет множество пустот в конструкциях.

Возгорание началось с первого этажа, где находятся еврейский культурный центр и подсобные помещения. Оттуда огонь распространялся вверх по деревянным межэтажным перекрытиям. Пожарным пришлось разбирать все эти перекрытия и тщательно заливать водой то, что не выгорело полностью, иначе сухие балки продолжали бы тлеть, что стало бы причиной возобновления пожара. По просьбе членов общины пожарные нашли и извлекли из-под завалов ценные книги, в которых содержится информация обо всех еврейских захоронениях на городских кладбищах. Однако выяснилось, что не хватает главной рукописи: списков захороненных на Иерусалимском кладбище города. Пожарные работали самоотверженно, с риском для жизни, на поиски документа ушел еще час, и только после этого командир пожарного расчета отдал приказ: в целях безопасности всю сгоревшую кровлю, 250 квадратных метров, обрушить.

Здание иркутской синагоги было построено 125 лет назад на пожертвования верующих. Синагога горит уже в третий раз: первый сильный пожар случился в 1879 году, затем – в 1990-х годах. Здание ни разу не ремонтировалось с 1917 года и при советской власти использовалось в самых разных целях. Через неделю здесь должен был начаться капитальный ремонт. По мнению специалистов, именно ветхость проводки явилась наиболее вероятной причиной пожара. Дело усугубилось тем, что в середине июля Иркутская область стала жертвой небывалого урагана, серьезно нарушившего систему энергоснабжения.

9 августа в соответствии с национальными традициями состоялся обряд захоронения священных еврейских книг и документов, пострадавших в пожаре.

«По еврейским законам книга является частью человека, – рассказал главный раввин Иркутска Аарон Вагнер, – ее нельзя выбрасывать, если книга погибла или не подлежит восстановлению». На кладбище были захоронены двести из пятисот книг, особенно пострадавших от огня и воды, среди них раритеты, совершенно не пригодные для священнической работы. Всем преданным земле книгам собравшиеся на церемонию члены еврейской общины отдали человеческие почести.

«В каждой синагоге существует “гениза” – хранилище вышедших из употребления ветхих книг и рукописей, – продолжал раввин Вагнер. – Хранить такие книги следует из-за их святости: они содержат имена Б-га. Так вот, во время пожара пострадали книги, находившиеся в “генизе”, а также новые книги, использовавшиеся при б-гослужении в синагоге. Теперь эти старые фолианты обретут свое место на еврейском кладбище. Мы также хотим привлечь внимание еврейской общественности города к плачевному состоянию еврейского кладбища и вместе с тем продемонстрировать, что община не предала забвению память усопших. Захоронения на старом участке еврейского кладбища прекратились сорок лет назад, многие надгробия упали и покосились. Из-за недавнего урагана участок буквально завален упавшими деревьями и сломанными ветками».

Раввин Вагнер подчеркнул, что, по предварительным подсчетам, на восстановление сгоревшей синагоги потребуется около 50 миллионов рублей. «Здание синагоги является памятником архитектуры, – сказал он, – и при финансовой поддержке Федерации еврейских общин России мы надеемся воссоздать его точную копию. Во время пожара сгорели деревянные перекрытия и кровля, но остались целыми несущие кирпичные стены. В отстроеном здании разместятся еврейский общинный центр, миква и благотворительные организации».

יִי יֵאִיאַדֵאעֵאֵי עִיִּוִּדִיעֶ אֵעֵעֵיִוֶאֵעֵא אִיאַ אִוִּי

ВНЕСЕНИЕ СВИТКА ТОРЫ В УЛЬЯНОВСКЕ

28 epey a beuyitanea mpoiyeny i dachee afaiey meoea oidi a adaeiee faueiue oai od

Oadi iyey ia-aeani ai aadi Ainoe damieieeini ai oeoaidi aedai maeeaii ia afaiey, ia eioida aeoeieiu fauei iia aeiaoeii aiaie meoie, iaadioue aeim aeiu daeani.

Aeoeieiu fauei i meoei oidi.

Поздравить евреев Ульяновска со знаменательным событием прибыл архиепископ Симбирский и Мелекесский Прокл и заместитель главы областной администрации Михаил Шканов.

Исполнительный директор еврейского общинного центра Игорь Бакаров рассказал о деятельности возрождающейся еврейской общины Ульяновска. «Свиток Торы имеет для нашей общины огромное значение, – сказал он. – Пока в Ульяновске нет синагоги, но мы надеемся, что с появлением свитка Торы в скором времени у нас появится раввин».

Почетный гость из Москвы, руководитель образовательных программ ФЕОР раввин Зеев Вагнер поблагодарил дарителей от имени российских евреев и выразил надежду, что внесение свитка Торы станет важным шагом на пути создания в Ульяновске полноценной еврейской общины.

Заместитель главы администрации области Михаил Шканов от имени губернатора Ульяновской области пообещал оказать содействие еврейской общине в передаче здания под синагогу.

Перед ульяновскими евреями выступил музыкальный ансамбль из Казани «Симха». А затем каждому гостю преподнесли подарок – пакет с кошерным угощением и письмом с благодарностью за участие в жизни общины.

Y. Oeoi ai

«I AEI DIO»: AI ÇADA UAI EA E ENOI EI

Iúiaóiei éaóii Óaaáðáöëý áaðáéñéö íauei NÍÁ è óííá «Ið Ááíáð» íá-áéè ííáðí íðíáðáí í ó «I áéíðíó» («Éñóíéè»): ááíí éaóí óð ííáçáéó á Èçðáéèü äëý ñò áðááééáííí èéíá è ñò óááí óíá Óáèü íðíáðáí í ú - íðéáéèçèóü ááðááá áúááóááí NÑND è Èçðáéèð, íí íííáíðáíááóü áóðíáí íí ó ááéí ñò áó ááðáéñéíáí íáðíáá è ñíçááíèð óíéíáéé, íðé èíðíðíóð ááíáðéááöëý ááðááá á Èçðáéèü áúááò èí áóü íííçíáííúé óáðáéòáð íáðéííáéüííáí áúáíðá Íúíáóiei éaóii íí íðíáðáí í á «I áéíðíó» Èçðáéèü íííáðéèè áíéáá óúííý:- è í íéíáúó èðááé èç ñòðáí NÍÁ.

«Истоки» – это насыщенная десятидневная программа. Бесплатный тур включает перелет в Израиль, размещение в гостиницах, питание и разнообразную культурную программу. Каждая группа отправляется в путешествие в сопровождении охранников, врача и представителя общины.

Главное отличие новой программы в том, что она делает значительный акцент на проблемах еврейской духовности. Поэтому «Мекорот» предусматривает посещение святынь еврейского народа: например, Махпелы – «Пещеры патриархов» в Хевроне, могилы рабби Шимона бар Йохая и других мест, связанных с историей и культурой Израиля. Чтобы участники поездки смогли в полной мере оценить все, что увидят в стране своих предков, им предварительно читают лекции по еврейской традиции.

«За это лето мы успели показать Израиль ребятам из десятков еврейских общин России и СНГ, – рассказал координатор программы раввин Леви Шмоткин. – Каждая группа совершала десятидневное путешествие по стране. Путешественники поднимались на стены древней крепости Массад, символа еврейского героизма, окунались в воды Мертвого моря, знакомились с историей Иерусалима и Тель-Авива, посещали Тверию и Цфат – центры средневековой раввинской мудрости... Каждый день мы организовывали для подростков из стран СНГ встречи с израильтянами – школьниками и студентами, солдатами, политиками и бизнесменами. Они ощутили тепло настоящего еврейского Шабоса, включающего посещение Стены плача в пятницу вечером. Мы постарались дать ребятам начальное представление об иудаизме, оживить дух еврейства в сердцах молодежи».

Разумеется, число желающих посетить Израиль в рамках программы «Мекорот» намного превысило число мест в туристических группах, поэтому в общинах пришлось устраивать конкурс среди молодежи. Однако тем, кто не сумел попасть в первые группы, не стоит огорчаться: в будущем году программа будет возобновлена.

ААІ

ЕВРЕЙСКИЕ МЕСТА РОСТОВА-НА-ДОНУ

*8 epey a aai eieio daoeai i oai oai Paifai oaaadaeiii fa fedaa aue ioeioo iiaie
yeieoie i iue i adeoio «Aaaieiea i aioa Dno faa-ia-Aifa».*

Первыми экскурсантами стали одинокие пожилые люди – участники программы «Дор ле дор» ростовского «Хеседа Шолом-Бер».

Более чем двухчасовая программа экскурсии, подготовленная ведущим специалистом Ростовского музея краеведения Маргаритой Соколовой, позволяет составить целостную картину истории и современной жизни еврейской общины на Дону.

Началась экскурсия, конечно же, от синагоги, которая стала сегодня духовным центром ростовской еврейской общины. Здание, построенное в 1872 году на средства еврейских солдат-кантонистов, является памятником истории и архитектуры. Здесь действуют все основные общинные программы. Здесь принимает своих подопечных еврейский благотворительный фонд «Хесед Шолом-Бер», названный в честь Пятого Любавичского Ребе, последние годы жизни которого прошли в Ростове-на-Дону. Участники экскурсии побывали в святом для многих евреев мира месте – усыпальнице пятого Ребе, которая находится на старом еврейском кладбище.

0: aio i eie yeieoie i i aadaeiee i aioa Dno faa-ia-Aifa

Еврейская история Ростова изобилует интересными фактами и деталями, и сохранившиеся в архивах музея документы свидетельствуют об огромном вкладе евреев в экономику и общественную жизнь города и края на протяжении последних двух с половиной столетий.

В конце 80-х годов XVIII века Ростов и другие близлежащие города и уезды, числившиеся за Екатеринославской губернией, предполагалось присоединить к Области Войска Донского, особой административной единицы, где даже представители христианских (но не православных) конфессий были весьма ограничены в правах, а проживание евреев вообще запрещено. В этой связи ростовская Городская дума адресовала на Высочайшее имя письмо следующего содержания: «Городская Дума, принимая во внимание, что присоединение признано Государем Императором желательным и что для обсуждения подробностей исполнения образована была, по Высочайшему повелению, особая комиссия, сочла своим долгом обратить особое внимание правительства на такие подробности, от разрешения коих, в том или другом смысле, зависит будущее нашего города. Город Ростов – есть пункт исключительно торгового, промышленного и фабричного характера и его население в этом отношении весьма отличается от населения области, к которой Ростов предполагается присоединить. Торговые и промышленные обороты города доходят до 150 000 000 рублей, а обороты банков, в нем действующих, до 60 000 000 рублей в год; в этих громадных оборотах принимают участие не одни русские, но также иностранцы и евреи. Выселение из Ростова 10 000 евреев, которым жительство может быть запрещено, имело бы весьма грустные последствия для города и его обывателей...»

Было и другое письмо, опубликованное в газете «Правда» за 1912 год, инициаторами которого выступили ростовские купцы. Основной идеей его было разрешение евреям торговли без лимитов и снятие ограничений на прием еврейских детей в высшие учебные заведения.

Участники экскурсии с интересом узнали, что одно из крупнейших в Ростове промышленных предприятий АО «Донской табак» своим экономическим расцветом в предреволюционные годы обязано братьям Ною и Борису Гордонам. Они также контролировали типографское дело в регионе: газета «Приазовский край», одна из самых популярных в начале века и возродившаяся несколько лет назад, издавалась благодаря этим известным в России промышленникам, включенным в список представителей финансовой олигархии Российской империи.

История еврейской общины Ростова знала и трагические страницы, в том числе погром 1905 года, в котором пострадало много еврейских семей, а синагогу после пожара восстанавливали несколько лет.

Среди исторических вех ростовского еврейства последнего столетия – мемориал «Змиевская балка», где участники экскурсии минутой молчания почтили память тысяч жертв нацизма.

Экскурсионная программа «Еврейские места Ростова-на-Дону» станет «визитной карточкой» для гостей и возможностью интересного, содержательного досуга для членов общины всех возрастов.

È. Øàíðü àí

Во многих общинах Германии сегодня уже есть люди с опытом работы в области еврейского образования из числа приехавших из СНГ в последние годы. Они призваны сыграть особую роль в реализации нашего проекта: многие из них сами когда-то прошли сложный путь возвращения к традиции, а это залог особого взаимопонимания и контакта с учениками.

Аײנאײנעם ע. ױאעווער

Всемирный конгресс русскоязычного еврейства собирает средства на создание еврейских школ в Восточных землях Германии.

Поддержите нашу инициативу – пожертвуйте средства на приобретение книг и оборудования для воскресных школ.

Наш телефон в Германии:

+49 30 219 96 762

Номер счета: Commerzbank Berlin, BLZ 10040000, Konto № 191933101

אײנאײנעם ע. ױאעווער אײנאײנעם ע. ױאעווער אײנאײנעם ע. ױאעווער

В июле главный раввин Николаева Шолом Готлиб был принят мэром города Владимиром Чайкой. Такие встречи стали традиционными, поскольку городской голова проявляет интерес к жизни еврейской общины. Раввин Готлиб поделился с руководителем местной администрации радостными новостями: построены здания для еврейской общеобразовательной школы «Ор Менахем» и общинного центра. Николаевский мэр поблагодарил раввина за визит, пожелал удачи во всех начинаниях и скорейшего осуществления намеченных целей.

י אדע א אדא נוא

30 июля президент Союза еврейских общин Белоруссии Эдуард Париж посетил пограничный город Брест, где состоялась его официальная встреча с мэром города Гордеенко. В беседе с мэром приняли участие главный раввин Бреста Хаим Рабинович и председатель городской еврейской общины Эстер Каплан. Речь шла о перспективах развития брестской общины при поддержке городской администрации. Также на встрече обсуждалась система еврейского образования в городе и потребности общины в дополнительных помещениях. В этой связи особо было отмечено согласие администрации Бреста рассмотреть вопрос о возвращении евреям двух зданий.

ΜΑΖΛ ΤΟΒ!

Άγιος Ιερόσ Άγέμας Άγιός, άπό άδία ίάδισί ίά ίάδισί έ, ηό άδισέά άδισά ×άάδισί ίίκαδισί ή 80-έάδισί. Εέάι κάδισί, η-άδισί έ άέάέάδισί.
×έάί ×άάδισί έ άάάέέέ ίάίέί

Άγιος Άέέ έ Νάα

*Εέάι ίάέί ίάάά-ίί, ×όά άάέ άέ έάέέέ έ άά-ίί, ×όά άί άάά άέ ίίέέ-άά, Εέάί άά-ίί έάέέ άί έ Άί ίί έ άάάά έίέίέ.
Άέάέέ*

Άέίό Άάάέβ Άέέίάάίό, άάάέόόά άάάά «Άάά ίάέίά» ίό ίάίέάέέέ έέάά, ίίκαδισί ή 50-έάδισί! Εέάι κάδισί έ άέάέ η-άδισί έέέέ.

*Νάά έάέί ίά ίίί-έά **Άέίάάά Άέί ά Άάέάέ-ά*** ίίκαδισί ή 50-έάδισί έάέάί. Εέά κάδισί έ η-άδισί άί 120 έάó!
Εέάί ί ίά

Άέέ Άάόέ Έέάίάίό, άάί ί ίά ί άάάέ έ άάάέ ίό άάέ ίίκαδισί ή 80-έάδισί έάέάί. Εέάί άί 120 έάó έέόί ά έάάέ, άά άάάά έ άά!
Άάί Άέέ Υέέέ, Όέάέέ Έά

ПАМЯТЬ НУЖНА ЖИВЫМ

נָאִיֹדְעִי אֶל־אֱלֹהֵי אֲבֹתַי

Асри а Евейи е-ла Оевеиц и гамаи и те савеат а 1941 аао іа Оевеіа і іпауіааоіу

В конце концов все станет известно, поэтому страшись Всевышнего и соблюдай Его заветы, потому что в этом вся суть человека

Еіуеаі 12:13

А.Е. Оевеиц

ĚŮŇÀВ Ĭ ĬĚВІÀ

Межциемский (Погулянский) лес. Рядом шоссеиная дорога Даугавпилс-Рига. Ближайшая железнодорожная станция – Межциемс, ближайшая деревня – Визбули. В шести-семи километрах от центра Даугавпилса, если идти лесом, набредешь на лысую поляну: сухой мох и скудная трава покрывают песок.

В июньский день 1989 года Шолом Фиш шел к Жемчужной даче. Копнул ногой какой-то из песчаных холмиков «лысой» поляны и увидел человеческие кости.

Среди местных жителей нашлись люди, подтвердившие, что именно в этих местах в 1941–1942 гг. были расстреляны узники даугавпилского гетто и военнопленные Красной Армии.

Гітэ ітэрабэе а шіо оіт Ааоааі еейа..

ААДАЕ А ААОААІ ЕЕНА

Город поначалу назывался Динабург, затем Борисоглебов, потом снова Динабург, потом Двинск и, наконец, Даугавпилс. Документальных данных о появлении первых евреев на территории города не найдено. Статистический учет населения по вероисповеданию и полу велся с конца XVIII века.

В 1772 году, согласно генеральной переписи земель, городов и уездов Латгалии, в городе официально числилось 3573 жителя (2046 мужчин и 1527 женщин). Среди них было 1543 еврея, что составляло 44,3 % всех жителей города.

По данным справочника «Двинчанин» (1914), на 1 июля 1913 года в Двинске проживали 112 848 жителей, среди них 55 686 евреев – то есть больше 49 % населения города. Это – наибольшее число евреев за все годы их жизни в Даугавпилсе. В 1920 году численность евреев составила 41 %, а в 1935 году – 25% населения города.

После погромов в России в начале 80-х годов XIX века и под воздействием других факторов началась эмиграция евреев в США, Канаду, Палестину, Аргентину и т.д. Эмиграция порой принимала массовый характер и продолжалась вплоть до первой мировой войны.

В манифесте Екатерины II от 11 августа 1772 года евреи были ущемлены в правах – кроме права отправления религиозных обрядов и пользования имуществом. 21 февраля 1778 года Екатерина II утвердила план строительства Даугавпилса (Динабурга), где из 20 кварталов шесть было отведено для еврейского населения (план остался не реализованным). В 1780 году евреи получили право записываться в купеческое сословие. Но многие причислили себя к мещанству, ставшему доминирующим элементом городского самоуправления – магистрата. В результате евреи впервые обрели право войти в руководство города, стали бургомистрами, ратманами, судьями.

В конце XIX века евреи Динабурга-Двинска были, в основном, заняты в промышленности, торговле и ремесле, в учебно-воспитательной работе. Многие еврейские предприниматели получили звание

почетных граждан города: М.П. и М.М. Фридлянды, купцы В. Натансон., И. Шацкес, М. Коварский, Х. Лурье, А. Аптор и другие.

В 1935 году свыше 66 % частных собственников мастерских и работников составляли 185 евреев.

Большинство евреев Даугавпилса были связаны с религиозной общиной.

Перед Второй мировой войной в Даугавпилсе действовали 40 синагог (общественных и частных), молельни различных ремесленников – столяров, портных, мясников, извозчиков. Одну и ту же синагогу посещали миснагим и хасидим. В городе находилось Высшее иудейское духовное училище «Бейс Йосеф».

В течение 38 лет, вплоть до своей смерти в 1926 году, раввином Даугавпилса был мудрец, знаток Торы Меир-Симха Кац-Каган. Известен такой случай. В субботний день, когда курить запрещено, Меир-Симха встретил молодого человека с папиросой. Тот поспешил смять ее в кулаке. Раввин сказал ему с отеческой добротой: «То, что ты куришь в субботу, конечно, плохо. Но то, что ты, уважая старшего, рискуешь обжечь ладонь, – хорошо и достойно одобрения».

Другого знаменитого раввина Даугавпилса, Йосефа Розина, называли Рогачевер гоэн, гением из Рогачева. Он переселился в Даугавпилс из белорусского городка Рогачев.

Когда Розин юношей сдавал экзамен на раввина, то на вопрос о том, что он знает, ответил:

- Половину Талмуда.
- Какую половину?
- Любую.

Раввин толковал Священное писание и был общепризнанным судьей; к нему обращались не только евреи, но и христиане – в случае конфликта с евреями.

דאָס איז עס «אַדאַענע יאָר אַי י' די נאַ» אַ אַאָס אַאָי עענאַ

י' אַ עדי י עא דאָא מ דאָאע נ י עו יאָאע אַי.

י' אַ יאָאָי י אַדו אַיִוֹ וִי אַע אַאָאֹ מ יִ די נַ

י' אַ עדי י עא דאָא, אַאָ אַי עע, אַאָ י אַאָאע אַי

נֹו יַאָע עַפּאָע, אַי יִ דיִ עאָעני אַ דיִנֹו.

עאי י עא עי אַאָע

В период немецкой оккупации города (1941 – 1944 гг.) состоялось «окончательное решение еврейского вопроса». В Декларации Верховного Совета Латвийской Республики от 19 сентября 1990 года сказано, что в результате фашистского террора на территории республики были убиты более 80 тысяч евреев Латвии и по меньшей мере 200 тысяч евреев из других европейских стран.

Великая Отечественная война началась для Даугавпилса 22 июня 1941 года: первые бомбы этой войны немецкие самолеты сбросили именно там. После вторжения гитлеровцев сразу же начались гонения на евреев.

Первым актом было уничтожение мужчин от 18 до 60 лет. Их хватали на улице, отлавливали в очередях за хлебом. Всех поместили в тюрьму и в течение двух недель казнили.

Остальных загнали в гетто. 30 июля 1941 года местная газета сообщила: Даугавпилс свободен от 14 тысяч евреев. На каменной стене появилась надпись: «Гетто для евреев». В гетто пригнали также евреев из Индры, Илуксте, Ливан, Субате, Резекне, из Дагды, Карсавы и других мест.

Прежде всего разделили семьи: мужчины и женщины жили отдельно. Только малюток разрешали оставить матерям. Во дворе разжигали огонь между камнями, чтобы приготовить еду. Кухонь не было, бани не было, туалет был общим для мужчин и женщин.

В одной из комнат казармы религиозные люди сразу же приступили к молитвам и учебе. Из города принесли Тору и другие священные книги. Через несколько месяцев синагогу в гетто ликвидировали; во дворе выкопали яму, в нее свалили священные свитки Торы и сожгли.

Евреев в гетто Даугавпилса загнали в узкую клетку, огороженную со всех сторон, чтобы было удобно сторожить и уничтожать. Расстрелы в Даугавпилсе тоже были особыми: все акции осуществлялись компактно, продуманно, организовано – одна за другой. С бухгалтерской точностью фиксировался кровавый баланс – когда, где и сколько человек уничтожено.

Было найдено подходящее место, соответствующее всем требованиям: в двух-трех часах ходьбы от города, чтобы жители не видели происходящего. Это место в Погулянском лесу, недалеко от деревни Визбули и железнодорожной станции Межциемс: евреев туда можно было привозить поездами издалека. Кроме того, их уничтожали и прямо за городом, в песках – около льнозавода и недалеко от Межциемса – в Старофорштадтском лесу. Там заранее подготовили ямы. Акция была секретной. Из жертв не осталось в живых никого; исполнители молчали. То был даугавпилсский Бабий Яр.

Ēai ai ū i ai yō i ēē

Ī Ā Ī BŪŪ

Ī ai yō ū ai ū i ai ē i ō ai,

ai ē i ō i ō i ai i ē ō i ai i ai ō i ai ō i ai ō i ai

Ī ai yō ū - i ai ō i ai i ai ō i ai

Ē i ē ai i : ai i ai : ai ē ō ai ō i ai i ai ō i ai

Долго не удавалось найти эти места. Помог случай, о котором рассказано выше. Для организации раскопок и для перезахоронения жертв фашистского террора предприятия города выделили необходимые технические средства. Две недели, день за днем, автобус отвозил добровольцев на эти работы. Основными добровольцами были студенты и школьники – евреи, латыши, русские. Работы велись под руководством, при финансировании и активном участии председателя Даугавпилсского отделения Латвийского общества еврейской культуры, председателя Даугавпилсской еврейской общины Анатолия Фишиля.

Простреленные черепа, череп с длиной девичьей косой, много костей. Останки поместились в двадцати пяти гробах; в четырех из них – кости и черепа детей. А кроме того, детская обувь, женские косы, очки, деньги, часы, которые позволили уточнить время расстрела: они остановились на половине четвертого (вероятно, на рассвете). Найденные в ходе раскопок вещи передали в музей Катастрофы в Иерусалиме.

Мая Зарх (ныне Абрамович) и ее родители были узниками Даугавпилсского гетто. Их няня, Петрунела Вильманис, с большим риском для себя помогала Зархам продуктами. А затем спрятала у себя дома Маю и тем самым сохранила ей жизнь.

Месяцами скрывался зубной техник Авром Магид у местного немца Дадендорфа.

Семья Капусты жила в деревне Довьяты Браสลавского района Витебской области. Было их четверо – Егор Капуста, его младший брат Константин с женой Соломеей и их мать Анастасия. Годами они прятали евреев – бывало, до 12 человек одновременно.

С конца ноября 1941 года Ида Гравец и трое евреев из Даугавпилсского гетто скрывались у польской семьи Щербинских. Два с половиной года прожили они в землянке, почти без света. Щербинские охраняли их от чужого глаза, всю войну ежедневно носили в землянку еду и воду.

Маня Циблис спасла Саула Перельмана.

Провизор Ева Ляк и ее муж Соломон были спасены Игнатом Матулем. Он прятал их в яме больше двух лет, до самого прихода Красной Армии.

Троих детей Ляков убили. В яме у них родился сын, названный Яном. Выросший без света ребенок долго не мог смотреть на солнце.

В некоторых случаях трудно установить фамилии спасителей. Мужественные люди, они достойны звания «Праведника мира» и медали института Катастрофы «Яд ва-Шем», на которой высечены слова из Талмуда: «Спасший одну душу спас человечество».

Ááúè, í áéääí í úá í á à í áñò á ðáññò ðáéà

ÁÉÁÁÍ ÒÁÍ ÐÈÒÁËËÚÍ Î ÑÒÛ

Áóóíáí í á áíééí í áíéí í áò úí : áéí á áéà á íéú óá, : áí í àò á ðé áéúú í á, í í í àò á ðé áéúú í á áéááí í í éó : éá áòááí áí ééí í á úí ò ú í á ó áé áéááí í é áóóíáí í é í ðí á éáí í é.

Ðáááé Èíñíýé Ñáéáí ò áð (1810-1883), í úí í áò ò áéúú ááé áéáí éý Í óñò

Áíí ðíñ óéááá áéý í áí ý - í àò á ðé áéúú ú é áíí ðíñ í í áññò à ò ú óéáá áéý í í ááí ðíñáá - áóóíáí áý çááá : á

Í ééí éáé Ááðýáá (1874-1948), óáññéé ðáééáí í çí ú é ðééí ðñò

Организация раскопок, перезахоронение жертв фашистского террора в Латвии – это не единственное подтверждение наличия благотворительной деятельности в Даугавпилсе. Есть имя и адрес благотворителя – Анатолий Фишиль, первый председатель Даугавпилсской еврейской общины в 1989–1994 гг., председатель Еврейского коммерческого объединения с 1990 года, учредитель индивидуального предприятия «Алеф». Под его руководством были организованы еврейская воскресная школа (1989 год), раскопки и перезахоронение жертв фашистского террора, строительство мемориала памяти евреев, погибших во время второй мировой войны (1989–1991 гг.). Его заслуга – подготовка и издание книги

«Евреи в Даугавпилсе» (1990–1993 гг.), возвращение евреям трех синагог (1992–1994 гг.), помощь продуктами питания инвалидам и немущим – евреям, полякам, латышам, русским, детским садам и больницам (с 1989 года и по нынешний день).

Всеми уважаемый член первого правления Даугавпилсской еврейской общины, ныне покойный Максим Комрас, сказал однажды: «Если бы не было “Алефа”, не было бы еврейской общины». И это сущая правда.

Αάδιε, μ'αμύί τ'άεç αἰòòί è òά èòί èò μ'αμύ

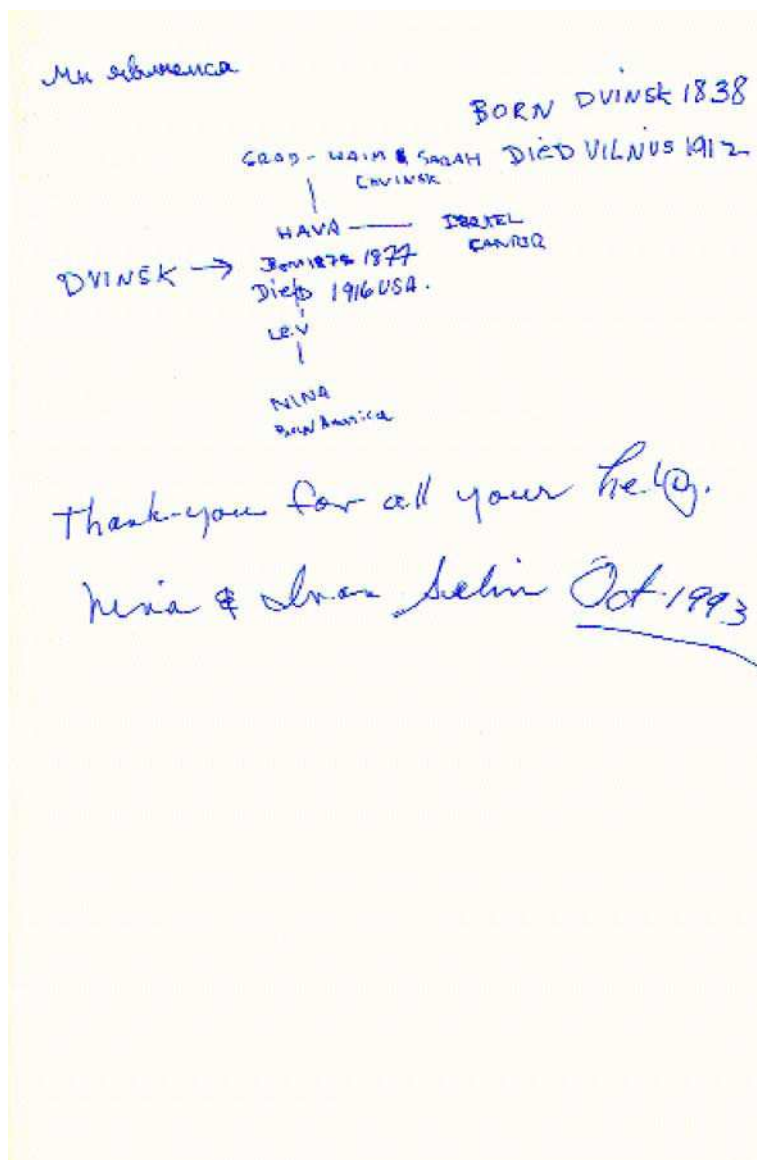
Αάαμύί èèηέé ðάαέί Έηηό Δίçεί (Δίηη-άηηò μύί).

Αάαμύί èèηέé ðάαέί Ì àèò-Νèì óά Èαò-Èάμύ.

Doc 141 e4 a404a4i e4e4e0 a4a4a4e i m4a4a4 e4 a4a4e4e4e a4a4a4a4 i e4 o4e4u a 1989 a4a4

I4o4a4a4 i4m4o4e4a4e4 i a4 i4o4e4a4 a4 A4a4a4a4 e4e4a4

To the Jewish Community of Daugavpils

Sept. 13, 1992

My grandmother, Bessie Zikman (née Secunda) left Daugavpils (then known as "Dvinsk") in 1914 for Siberia. There she met my grandfather (Sam Zikman - Simcha Zikman) and they lived there until 1923. They came back to Riga & stayed until 1927 when they left for Montreal, Canada to join their sisters and brothers. They also met my grandmother's parents, Michel Bar Secunda and his wife, Ita Gofenavitz (whose mother was Foyge Baske).

My grandmother ("Bubi") is now 90 years old and still living in Montreal. Her husband Sam died in 1949 and she has many grandchildren, great-grandchildren and, of course, her 4 children, Julius, Solly, Roshy and my father Joel.

I am proud to be the 1st member of my family to come back to Dvinsk after 65 years. Moreover, I am pleased to have met the surviving Jewish community, my grandmother's town.

in Berlin:
Stephen Zikman
Albrecht Achilles Strasse 58
1000 Berlin 31
Germany

Stephen Zikman
879 Manning Avenue
Toronto, Ontario
Canada M6G 2X3

Sept. 13, 91'92

I came with Stephen Zikman to Latvia. ~~and~~ I really enjoyed the hospitality and the kindness of the Jewish Community of their town. Many thanks.

ANNA LISA CARLTO
FESTALOGGISTE. 3
1000 BERLIN 30
(GERMANY)

ЕВГЕНИЙ СОЛОНОВИЧ: ПЕРЕВОД – ЭТО МОЯ ЖИЗНЬ...

Αἰτίολο ἀγίαο Ὁαοῦγί ἂ Ἀαέ

Ἀαῖτε Ντεῖντρε: - ἀναρπυεεῖν ἰαδαῖα:εε ἢ εοαεῦγίπετα ἕγρεα Ἀ αῖ ἰαδαῖαο ἀποῖαεε Ἀαῖοά ε Ἰαοδαεα, Ἰ ἰῖοαεά ε Ναα Ἐρεα «Ἐοαεῦγίπεα ἰγρεῦ ἂ ἰαδαῖαο Ἀαῖτε Ντεῖντρε:α» (Ἰ., 2000) ἢαεα ἢαῖοεαἰ ἂ εοεῖοοῖτε αεεῖ ε ἰαεο ἢοδαί. Ἐαοδαο Ἀἰἢααῖοαἰ ἰε ἰδαί εε Ἐοαεε ε ἰδαί ἂ «Ἰαῖα εοαεῦγίπεε ἢεεααῖ ἰἢοε».

Женя, сколько лет мы с тобой дружим (страшно сказать – замнем), а про твоих родителей я ничего не знаю. Они были связаны с литературой?

Нет. Папа был военный врач – он прослужил в армии двадцать восемь лет и вышел в отставку в звании полковника медицинской службы. Мама была домохозяйкой. Мачеха – учительница младших классов.

А, как говорят в народе, «по нации» кто был кто?

Мать русская, отец еврей. И хотя мать свою я не помню – был маленьким, когда родители разошлись, – в графе «национальность» в моем паспорте, пока такая графа существовала, значилось: «русский». Папа решил, что в той стране, где мы жили, так будет лучше для меня. Если ты спросишь, как я сегодня отношусь к этому его решению, я честно отвечаю: не знаю. В последнее время в моду вошло слово «идентичность», и если в моей болезненной реакции на любое проявление антисемитизма, в моем отношении к Холокосту и к сталинской антиеврейской политике как к личной трагедии больше от оскорбленного чувства справедливости, чем от текущих во мне пятидесяти процентов еврейской крови, то причина как раз в пресловутой идентичности, в том, что я не вырос евреем.

Ī ēīū ī Āādāī ā Nīēīīīāē: ā ē īīīō dā 1906 āā

А чего – хорошо: пушкинская традиция... Скажи, почему ты при поступлении в Институт иностранных языков выбрал именно итальянский?

Ехал я поступать на испанское отделение переводческого факультета, но когда пришел в приемную комиссию подавать документы, то узнал, что на этом же факультете есть итальянское отделение... Короче говоря, 1 сентября 1951 года я, мучительно артикулируя, уже повторял за преподавательницей фонетики звуки итальянской речи.

И все же: что определило твой окончательный выбор?

Когда мне этот вопрос задают итальянцы, я многозначительно поднимаю очи к небу: дескать, без Провидения тут не обошлось. Но если серьезно, на самом деле все было проще: выбор подсказала мне любовь к итальянской музыке, к знаменитым ариям из итальянских опер, к неаполитанским песням, которые часто в те годы транслировались по радио. Думаешь, те, от кого зависело «меню» для радиослушателей, были тонкими меломанами? Черта с два! Просто наряду с русской оперной классикой, с песнями советских композиторов и русскими народными песнями такой музыкальный репертуар служил власти оружием в титанической борьбе с джазом, «чуждым» советскому человеку.

А что значил неореализм в кинематографе для твоего поколения в юности?

Благодаря «важнейшему из искусств» я в свою еще доинститутскую бытность не только услышал, но и увидел великого итальянского тенора Беньямино Джильи (картины с его участием были немецкие и предварялись титрами: «Этот фильм взят в качестве трофея...»). Названий картин с Джильи в главной роли точно не помню, но кажется, они повторяли названия известных неаполитанских песен... Чуть позже советский прокат подарил нам «Под небом Сицилии» – до сих пор помню чудесный вальс оттуда, фильмы «Похитители велосипедов», «Нет мира под оливами», «Рим, 11 часов», «Два гроша надежды», первые картины Феллини. Итальянское неореалистическое кино ворвалось в нашу нелегкую жизнь праздником еще и потому, что с неведомым тогдашнему советскому кино правдоподобием рассказало о трудной по-другому жизни красивых, честных и мужественных людей, говорящих у себя дома по-итальянски, а в наших кинотеатрах заговоривших по-русски...

Сурков разрешил?

Разрешил. И с тех пор мне ни разу не приходилось выступать перед таким поэтическим ареопагом: рядом с Мартыновым и Сурковым сидели Заболоцкий, Инбер, Исаковский, Слуцкий...

Тогда ты и познакомился с Заболоцким, да?

Говорить о знакомстве было бы преувеличением. Правильнее сказать о нескольких добрых словах, которые я услышал от Заболоцкого после пресс-конференции, оказавшейся для меня исторической...

Поясни.

На следующий год после итальянской поездки представительной группы советских поэтов в нашу страну должны были приехать их собратья из Италии, и в кабинетах Союза писателей приняли решение издать к приезду коллег небольшую антологию современной итальянской поэзии в переводах, главным образом, участников недавней поездки в Италию. Мне было предложено скромное участие в этой антологии, и ее составитель, консультант Иностранной комиссии Союза писателей Георгий Самсонович Брейтбурд, сказал, что некоторые мои переводы он отдаст в качестве подстрочников кому-нибудь из поэтов, ездивших в Италию. Я артачиться не стал...

И кому попали твои переводы?

Что-то Исаковскому, что-то Заболоцкому. Нужно отдать должное Брейтбурду: для Заболоцкого он выбрал Умберто Сабу, во многом позднему Заболоцкому созвучного... Через несколько дней Брейтбурд попросил меня сделать для Заболоцкого подстрочник нескольких других стихотворений Сабы: использовать чужие переводы в качестве подстрочника Заболоцкий отказался. Кстати, после упомянутой пресс-конференции он подошел ко мне, чтобы поблагодарить за теперь уже специально сделанные подстрочники и похвалить (не знаю, насколько искренне) мои собственные переводы... Разве этот эпизод дает мне право говорить о знакомстве с великим русским поэтом?

А как ты делал эти подстрочники?

Подстрочные переводы я делал впервые в жизни, не вполне понимая специфику этого подсобного литературного жанра. Но, наверно, не слишком с ними напортачил, если они помогли Заболоцкому подобрать ключ к только кажущемуся простым Сабе, а «Три улицы» перевести так, что они до сих пор считаются лучшим русским переводом из этого поэта.

Ты его наизусть помнишь?

Да (хоть и прошло столько лет), помню почти целиком и при случае с удовольствием читаю куски из этого перевода. Хочешь послушать?

Ōtēuēt ānōāīāō āāī ūīā ādēcīōā-

Nēīēuēt āīāī ŷnēīōāē ōcīāp!

Ānōūā Ōdēānōā ōēēōā āāēūĪ īīōā

N̄nēīāāāēīāīāīīī ēdāp

Ènāīmēēīīīānōūōdīēēī cāāīūāī

Īā ādōāī. Īāēīēīēēēōūāīā

Āā-āāīāīŷ. Ānēēāēīūācāēŷīāī,

Īāāīōāēēīīnŷōīā ōīēīā-

Î ú ááèàèì ÷áðí úé áéáñé ì ðèðíáú,

Î ìðáñ ì áðíòíááì è, è ì úñ

È ì áááñú ðúíéá, è ì ðíòíáú,

È ì áðíá, ìí ðíùéé áááðð è áí èç...

Потрясающие стихи – их и переводом-то не назовешь. «Есть в Триесте улица дель Монте / С синагогой на одном краю...» Скажи, а тебе самому в твоих стихотворных переводах помогает непосредственное погружение в те места, где поэт писал, живой контакт с его географией?

Гениальный переводчик «Б-жественной комедии» Михаил Лозинский, так же, как и ее автор, не был ни в аду, ни в чистилище, ни в раю. Я это, впрочем, для красного словца... Разумеется, возможность очного знакомства с географическим контекстом до начала работы над переводом или в процессе желательна. Но она не всегда есть. Чаще приходится сверять с таким контекстом уже сделанный перевод, когда собственную оплошность ты можешь исправить только в переиздании. Если все сходится, то встреча с топонимами, знакомыми по оригиналу, – праздник. К счастью, таких праздников у меня было много.

Ááòñéé ñáá èì áí è Áíðíèéèíáá Ááí àòíðéý, 1939 ñá

Æáíý Ñíèííáé÷ (á ì áðáí ì ðýáó – áòíðíé ìí ðááá) ì ðí ááðýáò ì á ì ðáéò èéá áááðð èéí ó ì ì ááéú ìí ááòñéíá ñáòíáá

А какова, на твой взгляд, современная ситуация в области перевода с итальянского?

Хотелось бы, чтобы выходило больше итальянских книг. Первых успехов добиваются молодые переводчики – в том числе мои бывшие студенты (как и ты, я преподаю в Литературном институте). Им есть на кого равняться. Например, на Геннадия Киселева и Елену Костюкович, благодаря которой одним из самых у нас популярных зарубежных писателей стал Умберто Эко. Приток свежих сил в перевод сдерживают нищенские гонорары: хорошее знание итальянского открывает возможности для приличных заработков (преподавание языка, работа в фирмах), тогда как даже самые процветающие наши издательства паразитируют на переводчиках, выплачивая им унизительные гонорары. Отчасти и по этой причине некоторые итальянские авторы еще ждут своих переводчиков, и потому отраднo, что недавно наконец-то появился в русском переводе роман Бассани «Сад Финци-Контини».

О чем этот роман? И чем он интересен нашему читателю?

Действие романа, в центре которого стоит состоятельная еврейская семья, происходит в фашистской Италии. Супруги Финци-Контини предоставляют свой сад в распоряжение подростков, которых расистские законы лишили возможности встречаться в общественных местах. История хозяев сада заканчивается трагически: в 1943 году их депортируют в Германию, где они погибают в одном из концентрационных лагерей. Вместе с Эрманно и Ольгой Финци-Контини погибает их дочь Миколь и ее старая бабушка. Эти люди разделили участь многих жителей Феррары – города, где была когда-то одна из самых крупных еврейских общин Италии. Гуманистический роман Бассани посвящен той странице итальянской истории, которая разрушает распространенное представление об этнической гомогенности итальянцев.

Миколь и бабушка Аае. 1949 г.

От романа Бассани естественно перейти к Primo Levi. Расскажи, пожалуйста, о нем и о его книге «Человек ли это?» – о великой книге, посвященной Освенциму.

Книга действительно великая. Прежде всего тем, что при глубоко трагическом содержании она написана без ненависти. Когда я прочел ее давным-давно, то впервые по-настоящему понял, что такое Освенцим, про который в БСЭ можно было найти лишь несколько скупых строчек.

Неужели? Но почему?

Потому что тему евреев незримые цензоры рекомендовали обходить. Да и слово «лагерь» настойчиво ассоциировалось с иными лагерями – сталинскими.

Автор ведь и сам был узником Освенцима?

Да. Он провел в освенцимском аду одиннадцать месяцев. По профессии химик, он работал инженером. После оккупации Италии немцами сразу ушел в партизаны.

И в руки фашистов попал как партизан?

Оружия в момент ареста при нем не было, и, считая, что как партизана его тут же расстреляют, Леви поспешил объявить, что он еврей, вот и прячется в горах (об отправке итальянских евреев в тот же Освенцим ему еще предстояло узнать на собственном опыте). В Освенциме Леви чудом выжил: из-за

скорого наступления Красной Армии немцы не успели уничтожить всех заключенных, как это было сделано в других лагерях смерти. Среди тех, кто делил с ним тяготы лагерной жизни, были евреи из Франции, Греции, Венгрии и других европейских стран, но значение свидетельства Леви в том, что трагедию одного народа он философски осмыслил как общечеловеческую трагедию... Кстати, книгу Леви читатели римской газеты «Repubblica» в 2001 году назвали лучшей итальянской книгой XX века.

Лучшей книгой века? Если бы в Италии был антисемитизм, такое, наверно, было бы невозможно.

Антисемитизма в Италии нет. Отдельные антисемитские надписи на стенах и отдельные акты вандализма на еврейских кладбищах вписываются в общую для сегодняшней Европы картину проявлений ксенофобии со стороны одурманенных неонацистскими и неофашистскими подстрекателями отморожков. Даже после того, как под давлением гитлеровской Германии в Италии был принят в 1938 году ряд законов о расовой чистоте, отношение подавляющего большинства итальянцев к евреям осталось добрососедским. Когда в сентябре 1943 года немцы, которые к тому времени ввели войска в Италию, предоставили руководству еврейской общины в Риме чуть больше суток на то, чтобы собрать и сдать рейху 50 килограммов золота, многие римляне, в чьих удостоверениях личности значилось «ариец», понесли драгоценности и деньги в римскую синагогу. Пятнадцать килограммов золота еврейской общине предложил Ватикан...

Усене
Соломовичу!
Хорошо с радией
машину с
Цицилию
Исакову
27/III 62

Ἀέεοῖδ' Ἰ ἀέδαμῆ ε ἀῖ ἀαοῖἀδῶο ἰὰ ἰαῖδῖοῶ οἶοῖἀδῶεε.

27 i adòà 1962 ããã

Женя, ты хорошо знал Цецилию Кин – личность яркую и легендарную. Расскажи о ней, будь другом.

Рассказываю. Цецилию Исаковну я впервые увидел в редакции «Иностранной литературы» в конце 50-х. Она в то время составляла для журнала сводки по итальянской периодике... Это уже потом, позже, она стала выступать с проблемными статьями и книгами о литературе Италии и о месте литературы в итальянской общественной жизни. Тогда эти сводки были чем-то вроде подробных консультаций для руководства журнала (и, кажется, для более высоких сфер). Именно от этих рабочих сводок надо вести отсчет тому явлению, имя которому – Цицилия Кин.

*Νέεαα ίαι δαάν - Άεοζαί ίά Οί άδαοοε, αίααβυεεήγ εοαεήγί ηεεε ί ίγο, Άααίεε Νίεή ίαε: ε
εζαίηο ί ύε εδεοεε Άεαί εαδεή Άεα δαεεε. Ι ίηεαα ΟΑΕ. 1963 αά*

Опиши ее: какая она была в жизни и какой у нее был нрав? (С ней дружили мои родители – и я с детства запомнила эту очень изящную, маленькую и необычайно энергичную женщину как сгусток витальной силы, да?)

Слабому человеку было не пережить того, что пережила она: арест и смерть мужа, Виктора Кина, известного советского писателя, расстрелянного в сталинских застенках, гибель сына на фронте, собственный арест и лагерь. После освобождения она спасалась работой: пишущую машинку в ее доме я всегда видел открытой. Деталь: когда к ней приходили гости, то она никого не разувала, но подкладывала вам под ноги газету. Газета как правило была «Унита».

Недолгая хрущевская оттепель на некоторое время сделала Цецилию Исааковну идеалисткой: можно было понять ее увлечение новой политикой Итальянской компартии, решительно осудившей сталинизм и открыто объявившей о собственном пути в светлое будущее. Этим увлечением я объясняю интерес в ее первых книгах к определенным писателям и произведениям. Но должен уточнить, что это всегда были крупные писатели и значительные произведения. Данное увлечение надолго определило и круг итальянских друзей Кин в Москве и в Италии... У нас (и здесь, и там) было с ней много общих знакомых. И даже один общий друг – Леонардо Шаша.

ÑÁíáæáíé è Ááæáá Óáèñ

Í áèáñ í. 1966 áá

Если можно, о нем чуть подробнее... Чем он дорог тебе как писатель?

Помнишь фильм «Сова появляется днем» с Клаудией Кардинале? В его основу легла одноименная повесть Шаши, которую я впервые прочел по-русски, и она меня захватила той неторопливо обманчивой простотой, с которой молодой сицилийский писатель рассказывал о единоборстве пришлого блюстителя порядка с местной мафией. Я уже, пользуясь языком нынешней молодежи, был «повернут» на Сицилии, и мне в переводах «Совы» (а их было два), даже в неизмеримо лучшем из них, сделанном Юлией Абрамовной Добровольской, не хватало особого сицилийского строя фразы, который, по большому счету, передать, как я теперь понимаю, почти невозможно – разве что в прямой речи. Когда я познакомился с Шашей, он только что вышел на пенсию: по тогдашним итальянским законам это зависело от стажа, и к сорока годам Шаша, работавший школьным учителем, нужный стаж набрал. У новоиспеченного пенсионера было достаточно свободного времени, чтобы, уделив мне один или два дня, повозить меня по центральной Сицилии с помощью своего друга (сам Шаша машину не водил). Для продолжения знакомства оставалось читать его книги. Со временем я перевел три его рассказа и исторический очерк «Смерть инквизитора». Один из рассказов, «Смерть Сталина», настоящий шедевр, напечатать в советские времена было невозможно, это потом уже, в перестройку, я вспомнил про него и перевел, а лет сорок назад, помню, пересказывал друзьям... Возвращаясь к дружбе Кин с Шашей, следует сказать, что творчество этого автора привлекло ее внимание в конце 70-х: статья Кин «Пессимист, который не сдаётся», написанная для «Вопросов литературы», – лучшее исследование о нем на русском языке... С этим замечательным писателем и человеком мне повезло познакомиться чуть раньше, чем Цецилии Исааковне, и, уважая мое «первенство», она нередко мне звонила, чтобы поделиться радостью: пришло письмо от Шаши!

Νι δααα ί αεααί: Εί ύυοεί Αόο δε οά, Εαί ί ααί Οαα ε Αααί εε Νεί ί ί αε-.

1967 αα Απ δα εε Αααδεύ (Νεεεεε).

Женя, ты знал Бродского... Не поведаешь о ваших встречах?

Встреча была единственная. Ей предшествовало письмо, где я обратил внимание Иосифа на несколько неточностей в переведенных им стихотворениях Умберто Сабы, о котором мы здесь уже говорили. По моему предложению издательство «Художественная литература» собиралось выпустить сборник Сабы, и редактор будущей книги Сергей Александрович Ошеров предложил небольшую часть переводов Бродскому... Через некоторое время Бродский мне позвонил. Это было в один из его приездов в Москву. И мы встретились у меня дома. Деловая часть встречи оказалась много короче «неофициальной», успеху которой способствовал Николай Борисович Томашевский, пришедший повидать Бродского. Он ведь не раз виделся с ним в Ленинграде – в доме своих родителей и у Ахматовой.

Οεί δαί οεε. Ι εε 1968 ααα

Ν Α. Ι. Ι δε ί ααί (ί ί - α οαί οδδ) ε η ί δα εααί ο ί ί ε ο α ε υ ί η ε ί α Ααί ο ί α ε ί α ί α ί α ο α α Αε α ί ο δ α ί ε ί Εί ί ο ε ί ε.

Бродскому удалось участвовать в томе Сабы?

Эту историю я уже рассказал в журнале «Новое литературное обозрение», говорил о ней и в «Вопросах литературы». Потому – пунктирно. Книга вышла в 74 году, и переводы Бродского значились в ней как переводы Н.Котрелева. Имя их истинного автора, высланного к тому времени из страны, было уже под запретом... Кстати, в этой же книге переводы Юлия Даниэля представлены под именем Давида Самойлова. Разумеется, тоже по цензурным соображениям.

Евгений Солонович ведет вечер Иньяцио Буттитты у него на родине. Декабрь 1967 года. На стене – иллюстрации к одному из произведений поэта.

Женя, что для тебя перевод, прости за банальный вопрос?

А ты прости за банальный ответ. Перевод – это моя жизнь. Способ самовыражения.

Каждый день переводишь?

Каждый день не получается. Я в этом смысле не профессионал. Как ни старомодно звучит, перевожу по вдохновению.

Νίτσοι! Αέαιτε! Έεεεεεεεε ε ααιτε - οίσα! Αέαιτε.

Έτεοάαεü 1969 ãã

Это всегда ощущается. Например, волны твоего вдохновения буквально гудят в только что вышедшей в «Радуге» книге стихотворений знаменитой итальянской поэтессы Марии Луизы

Спациани в твоих переводах. Она состоит из параллельных – итальянских и русских – текстов. Ты – и переводчик, и составитель, и автор предисловия к этому сборнику. Давай о нем обстоятельнее.

В книжке семьдесят одно стихотворение. Она могла быть и больше: у Марии Луизы Спациани пятидесятилетний литературный стаж, она автор более десятка поэтических сборников, но для этой книги я отобрал тексты, которые, как мне кажется, наиболее полно отражают творческую индивидуальность поэтессы, ее адекватность времени, лирический накал и гражданский пафос ее стихов, ее – обманчивую подчас – беззащитность перед любовной стихией. Ты, наверно, обратила внимание на последнюю страницу обложки, где приведены слова Вознесенского: «Мария Луиза Спациани дает нам дозу антицианистого калия – нахохлившийся, как шарик мороженого, воробышек в нашей безбожной жизни». По-моему, очень точное впечатление от стихов и личности этой поэтессы.

С χεῖρασί Αέοι ἀοῖανι ἐ πῆσανῶι τῶι ἐοαεῖνῶι πῆσαιπῶι Δαί ἀοῖ Δεῖπῆεὸε ἀ Ἰ ἐπῶτῆα

Ἰ ἐὸ ῥῶδι 1980-ῶ.

Книжка Марии Луизы Спациани – это, что называется, билингва. На кого из читателей рассчитаны подобные двуязычные издания?

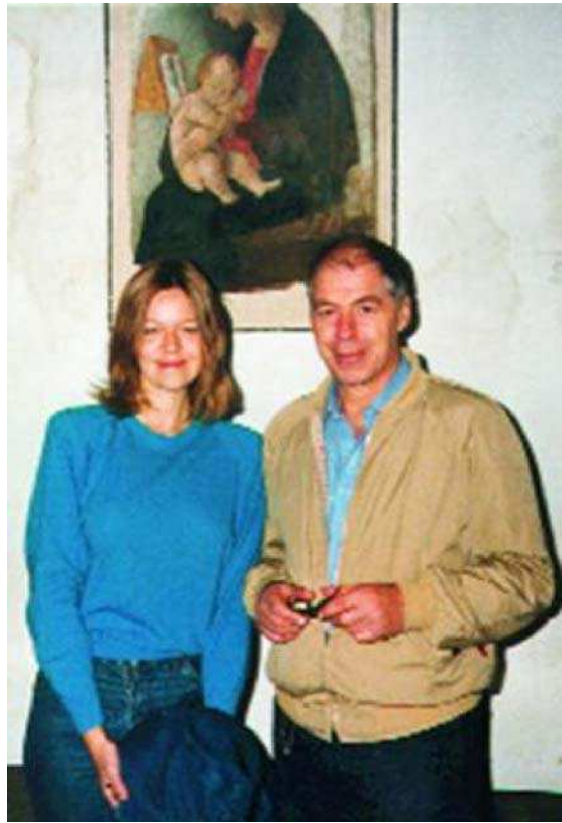
Ты итальянского языка не знаешь, но, надеюсь, тебе не мешает то, что книжка Спациани издана с параллельным итальянским текстом. Не думаю, чтобы среди ее читателей нашлось так уж много таких, кто параллельно с переводом будет читать оригинал. Едва ли подобное параллельное чтение стихов может служить подспорьем при изучении иностранного языка, но вот возможность понять, что потерял и что сумел бережно сохранить переводчик, такое чтение дает. Мне известно, что некоторые мои коллеги являются противниками выхода к читателю с открытым забралом, но я верю в то, что и как делаю, и потому меня не пугает недоумение педантов: «Почему в оригинале один вопросительный знак, а у него четыре?» «Почему

Αυτὸ εἶπα ὁ Ἀ. Ντεντίνι, ἀπὸ τὸ ἐπιστολὸν Ἀσπὸν Γεωργιάδη ἐ Πίττα Ἰδεῶ. Ἰταλί. 1988 ἡῶ

Ты имеешь в виду премию за переводы Данте?

На 1965 год пришелся юбилей Данте – шестьсот лет со дня рождения. К этой дате издательство «Наука» готовило первое в России полное собрание сочинений итальянского поэта под редакцией Ильи Николаевича Голенищева-Кутузова, который предложил мне перевести солидную порцию ранних стихотворений Данте... Подготовка издания затянулась, ему не суждено было стать юбилейным, но, пользуясь любовью наших периодических изданий к круглым литературным датам, я предложил часть своих переводов в журналы и газеты, где их благополучно и напечатали. И когда в Италии подводили в 1966 году итоги международного Дантовского года, эти публикации попали в поле зрения юбилейного комитета, и мне присудили за них премию. Если ты спросишь, как она называется, я без всякого кокетства скажу, что не знаю, как не знаю точно, чья это премия – юбилейного комитета или Министерства просвещения Италии, глава которого мне ее вручал во Флоренции. В Италии лауреатам литературных премий, как правило, дипломов и значков не дают, ограничиваясь конвертами с чеком на некую сумму, и не скрою, что меня отсутствие «документа» и лауреатской медали тогда огорчило. Собираясь за премией и зная уже ее денежное выражение, я спросил хорошо ко мне относившегося Алексея Александровича Суркова, курировавшего Иностранную комиссию Союза писателей СССР, как мне быть, если советское посольство в Италии потребует от меня (так было в нашей стране заведено) поделиться полученными лирами с родным государством. И знаешь, что мне ответил с характерным для него волжским оканьем Сурков? «Некоторые и с Нобелевской премии шиш в казну отдавали...» Он имел в виду Шолохова.

С переводчицей Еленой Костюкович в Урбино.

Октябрь 1988 года.

И что было дальше?

Итак, я собирался за премией. Сейчас это не звучит дико, а тогда любая поездка за границу зависела от разрешения высшей партийной инстанции, имевшей для таких случаев специальную выездную комиссию. Мне повезло: у меня такое разрешение как раз было – правда, на поездку в Италию с Кочетовым в качестве переводчика (добрые люди в Союзе писателей уговорили меня согласиться поехать с Кочетовым, так как от этого согласия зависело, смогу ли я вообще в обозримом будущем протянуть заграничный паспорт советскому пограничнику). Дело оставалось за малым – за билетом, купить который мне было не на что. Я думал, что дорогу мне оплатит Союз писателей, а заодно и командировочные подкинет на первый момент, но секретарь Союза по оргвопросам товарищ Воронков думал иначе. «Вы член Союза писателей? Нет? В таком случае вам придется ехать за свой счет и без командировочных», – услышал я от литературного чиновника, ведавшего литфондовскими миллионами. У меня был один аргумент, и он подействовал: премию мне дают как литератору, и, значит, я обращаюсь по адресу. А может быть, сыграло роль то, что на юбилейные торжества во Флоренции должен был ехать ленинградский литературовед Владимир Николаевич Орлов, вот меня и решили прикрепить к нему в роли переводчика, позволив остаться на некоторое время в Италии после его отъезда. Но позволялось мне остаться при условии, что в скором времени в Италию по приглашению общества «Италия-СССР» приедет для выступлений с докладами о советской литературе критик Борис Сергеевич Рюриков, и я эти доклады буду переводить, в остальное время честно деля с Борисом Сергеевичем «тяготы» пребывания в капиталистическом мире.

Ну а пока что в дальний путь я отправлялся с Орловым. Ехали мы поездом, во Флоренции из вагона вышли на рассвете, а в десять часов нам уже следовало быть в Палаццо Веккио, в зале Совета пятисот. Церемония закрытия Дантовского года, если не считать средневекового интерьера и в дверях ряженных с алебардами, ну и, конечно, эффектного монсиньора в первом ряду, напоминала «мероприятия» такого рода в нашей стране: длинный доклад и чуть менее короткие выступления. Момент вручения премиального конверта с чеком на миллион лир (такого же конверта, как мой, удостоился египетский переводчик) память не зафиксировала. Кстати, дольше, чем полученные лиры, держалось прозвище, которое, узнав о моей первой в жизни премии, дала мне Маргарита Иосифовна Алигер: «Король лир».

Ὁ ἀκούγι ἂ Ἀλᾶ ἐ Ἀλᾶῖ ἐε Νιῆτι ἰαε-. Ὁεῖδαῖ ὀεῖ.

Ἰεὸ ῥᾶδι 1999 ᾶᾶ

А в итальянском языке что-то похожее на наш родной мат есть?

Что ты, Татьяна! Я не большой полиглот, но мне кажется, нечто отдаленно похожее есть только в словаре испанцев. Помнишь сноски в переводе на русский хемингуэвского «Колокола»? Там, где в речи испанцев упоминалась в соответствующем контексте мама, примечание внизу страницы сводилось к лаконично целомудренному: «Исп. ругательство». Что же касается итальянцев, им до нас в этом смысле далеко – так же, впрочем, как нам далеко до их набора б-гохульств.

Подожди, похоже, по моей вине наш разговор перешел в лингвистическое русло... Если не ошибаюсь, ты не ответил на мой вопрос про лиры.

Ладно, давай про лиры. После неаполитанской части наш с Орловым дуэт распался: посадив Владимира Николаевича в поезд на Рим, где его должна была встретить итальянская студентка, которая писала, кажется, дипломную работу о русской поэзии начала XX века, и, стажирясь в Ленинграде, консультировалась с ним, я в тот же вечер сел на пароход до Палермо. Билет, как ты догадываешься, стоил некой суммы в национальной валюте, то есть в лирах. И номер в палермской гостинице, который я собирался снять, тоже. Но на гостинице удалось сэкономить: получив номер, я позвонил Иньяцио Буттитте в Багерию, городок в восемнадцати километрах от Палермо, и через час-полтора он заехал за мной и увез меня к себе... Тут важно сказать, что в 1958 году Иньяцио приезжал в СССР с группой итальянских поэтов (тот самый ответный визит, который я уже упоминал), мы тогда выступали вместе в Москве, Тбилиси, Киеве и Ленинграде, а несколько лет спустя в Издательстве иностранной литературы вышла небольшая книжка его стихов в моем переводе. Так что в некотором роде он считал себя моим должником... Иньяцио не только был большим поэтом, но и выдающимся лицедеем. В Москве я как-то зашел к нему в номер гостиницы, он в это время разговаривал по телефону, и я, чтобы не мешать ему, поспешил выйти, но начало его торжественного монолога все же услышал. «Это ресторан тетушки Марии? – во всю силу своих легких кричал Буттитта на сицилийском диалекте. – Иньяцио говорит, я звоню из Кремля...»

В этот раз Иньяцио выступал на родной сцене. На дороге между Багерией и Аспрой, куда он вез меня в новый, еще недостроенный дом, через каждые десять метров он останавливал потрепанный «фиатик», чтобы представить меня то одному земляку, то другому: «Это Эудженио, мой русский переводчик, он ко мне прямо из Москвы приехал». По этой дороге он «катал» бы меня много дней подряд, если бы я на третий день не взбунтовался и не сказал, что мне у него хорошо, но, кроме Аспры и Багерии, на Сицилии есть другие места, и мне бы хотелось их посмотреть.

Νῆς ποδαῖς οὐκ ἔβουεῖ ποδὸς ἅ Γὰ-ἀεῖ 2000-ᾶ

Хозяин дома не обиделся?

Кажется, нет, тем более что передавал меня в надежные руки. Еще учась в институте, я познакомился со студентом биофака МГУ Давиде Фаисом из Палермо. В университете Давиде встретился со своей будущей женой Зоей и, получив советский диплом, остался в Москве, получив работу на родном факультете. Время от времени мы с Давиде виделись, я познакомился с его мамой, приезжавшей к нему в гости, с его сестрами Анджелой и Марией, с его братом Нелло, с мужем Марии Гвидо Питруццеллой. Так вот, надежными руками, в которые теперь передавал меня Иньяцио, был дружный клан Фаис-Питруццелла. Мария и Гвидо поставили для меня в гостиной своей палермской квартиры раскладушку, и на некоторое время семья, состоявшая из них и двух сыновей, увеличилась на одного человека. Анджела, которая жила с мамой в том же доме, работала в популярной левой газете «Ора», все, кто Анджелу знал, любили ее, и это ей я обязан первой встречей с Шашей, которого она пригласила зайти в редакцию, чтобы познакомить нас. Анджела погибла в авиационной катастрофе, она была удивительно светлым человеком, ее смерть – такая несправедливость...

А ты, оказывается, скрытный: про Сицилию никогда мне не рассказывал. Настоящий мафиози.

Позволь тебя поправить. Мафиози – множественное число, а единственное число – мафиозо.

Поправку принимаю. Скажи, а ты хоть одного живого мафиозо на Сицилии видел?

Наверняка видел. И не одного. Только на лбу у них, под козырьком кепки, не было написано, что они мафиози. Кстати, кепка в Сицилии – такой же распространенный головной убор, как в Грузии.

Недавно я участвовала в вечере поэзии в итальянском посольстве. Организован он был в рамках премии «Гринцане Кавур – Москва», и вел его ты. Поэтому мой вопрос к тебе как человеку «посвященному»: а это что за премия?

Сначала все-таки несколько слов о поэтическом вечере. Назывался он «Италия в зеркале современной русской поэзии». Думаю, читателям, для которых ты берешь интервью, интересно будет узнать, что стихи в итальянском посольстве читали Белла Ахмадулина, Татьяна Милова, Максим Амелин, Евгений Евтушенко, Виктор Куллэ, Евгений Рейн и Владимир Строчков. Ну и ты, Татьяна! Благодаря непохожести участников вечер показал, что русская поэзия жива, что новые веяния в ней не посягают на традиции, но развивают их в духе времени.

А теперь о премии. Учрежденная в 1982 году, она повторила в своем названии имя старинного замка, где одно время жил граф Бенсо Кавур – первый премьер-министр объединенной Италии. Премия эта международная, у нее две номинации – одна для итальянских авторов, другая для иностранных писателей, опубликованных в переводе на итальянский (в этой номинации лауреатами в разные годы были и представители русской литературы, в частности – Израиль Меттер, получивший «Гринцане» за автобиографическую повесть «Пятый угол», которую издательство «Эйнауди» опубликовало с моей подачи).

Несколько лет назад президент премии профессор Джулиано Сориа нашел новую возможность расширения ее географии: так родились премии «Гринцане Кавур – Монтевидео», «Гринцане Кавур – Гавана», «Гринцане Кавур – Франция», и вот теперь, начиная с этого года, еще и «Гринцане Кавур – Москва». Новая премия присуждается переводчику с итальянского и писателю, в чьем творчестве получила отражение тема Италии... Помнишь, я познакомил тебя с Леной Костюкович во Флоренции, где ты выступала на престижном поэтическом вечере? Дело было осенью 1999 года... И сегодня я особенно рад за нее, за своего талантливую товарища по переводческому цеху.

Я тоже очень рада за всех лауреатов этого года. И хотела бы от них перейти к другому лауреату – Петрарке, в свое время увенчанному лавровым венком на Капитолии. В июле исполнилось 700 лет со дня рождения этого великого итальянского поэта, который стал символом европейской любовной лирики. Ты – признанный переводчик Петрарки на русский поэтический язык. Расскажи, как отмечается его юбилей в нашей стране.

Пока что довольно вяло. Вспоминаю 700-летие Данте в 65 году. Было торжественное заседание в Большом театре, выступал председатель итальянского Дантовского общества Джанфранко Контини, а Ахматова читала «Музу».

Перебью тебя. Опиши в нескольких словах, как воспринимался облик и голос Ахматовой в то время.

В тот вечер я увидел и услышал Ахматову первый раз в жизни. Я знал, что, живя подолгу в Москве, она охотно принимала поклонников ее поэзии, охотно читала им стихи, более чем снисходительно относилась к их восхищению, но меня самого от возможности поцеловать руку Ахматовой удерживало смутное чувство неловкости, которое бы я испытал при этом. Как она выглядела на сцене Большого? Величественно. Как звучал ее голос? Возможно, оттого, что его усиливали динамики, он звучал как на

пластинке, – допускаю известную аберрацию памяти, поскольку хорошо помню запись с голосом Ахматовой, читающей то же стихотворение:

Èíäää ý íí:úþ æáó áá í ðèõíää
Æèçíü èàæáòíý, àèñè ò íá àíèíñéá
× òí íí:áíðè, ÷ òí þíñòü ÷ òí ñáíáíää
Í ðää í èèíé áíñòüæ ñááí:èíé á ðèá?
È áí ò áíðéá Í ðèèíóá í íèðíááèí,
Áíèí à ò áèíí í áçéýí ðéá í á í áíý.
Áé áíáðþ: «Þú èüÁáí ò ó æèè ò í ááéá
Ñò ðáí è óú “Áää”?» Í ðáí:ááò: «ß».

Ну а если вернуться к юбилею Петрарки, то времена, когда по команде сверху давали Большой театр, канули в прошлое... По этим временам у меня нет ностальгии. Но, согласись, с ними ушло и что-то хорошее.

КОД ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Èðείà Õαίεία

Месяц назад в залитом осенним солнцем нарядном Лондоне я видела пикеты у стен парламента, в самом сердце европейской столицы, призывающие заклеить позором «убийц детей в Ираке и Палестине». То есть США и Израиль. Разорванные в клочья наши бело-голубые флаги кружил осенний ветер, напоминая, что до всемирного благоденствия еще очень далеко. Туристы из благополучных стран снимали тысячами объективов эту политическую экзотику, попивая колу и безразлично жуя жевательную резинку. А по воскресеньям в Гайд-парке ораторы призывают навести порядок на Ближнем Востоке, и их глаза горят таким фанатичным, таким знакомым нам по недавнему прошлому огнем... Вспомните, как все начиналось. Кинолента фрау Лени Рифеншталь «Триумф воли» тоже была создана в просвещенной Европе, но в силах ли мы, даже с оговорками, принять «это» и согласиться?

* * *

Можно о предательстве? Но без громких слов. Слова так же часто обманывают нас, как и люди, которые редко говорят то, что думают.

Попробую начертить ассоциативную схему предательства: несколько связанных между собой не слишком значительных эпизодов, но только абстрактно, отвлекаясь от деталей, без выводов, назиданий и сюжетов. Да и какие сюжеты? Жизнь мастерски умеет создавать их и без нас. Предают не всегда чужие, чаще – знакомые и даже близкие, не всегда осознанно и зло, а чаще бессмысленно, подчиняясь чьей-то воле, силовому импульсу, минутной выгоде. Человек слаб, увы, но в слабости, на самом дне, всегда маячит тень предательства, возможно, еще не свершенного, не осознанного, но такого, что уже несет в себе энергию разрушения, отторжения и только ждет своего черного часа. Истории известны факты предательства не только отдельных личностей, но и целых народов, государств, этносов, религий. Однако не будем обобщать. Не будем искать виновных и пострадавших. Их просто нет, как и нет единой истины, единого абсолюта, единой формулы бытия для всех.

Свои зарисовки с натуры я назвала «Код предательства». Только не судите строго: у каждого ведь есть право на свое видение.

* * *

Точно знаю, что никогда не поеду в Германию, не увижу средневековых замков и Дрезденской галереи. Сикстинская мадонна и Лорелея, родина Гейне и Гете, полноводный Рейн – без меня! Я больше никогда не поеду в Польшу, не буду замирать от восторга в ослепительных костелах Кракова, не погружусь в архитектурную гармонию божественных храмов. Не буду, не хочу, потому что это не мое, а чужое... И не по убеждению или воспитанию, не по культуре, а по примитивной дьявольской схеме, придуманной кем-то очень давно и так страшно, так жестоко и безжалостно разделившей всех нас на этой Земле: на «своих и чужих». Поверьте, я не хочу этого, но это – реальность, и ее непростительно отвергать.

Вы помните нашумевший фильм «Список Шиндлера»?

Меня потрясли даже не газовые камеры, не чудовищные сцены в обреченном гетто, не крупный план Катастрофы, – я была подготовлена к восприятию всего этого, я это знала, много читала, видела документы. Потрясли, перевернули душу другие кадры: организованное изгнание евреев Кракова из своих домов и квартир. В эти дома тут же вселялись немецкие офицеры, польские коллаборационисты, бывшие соседи и знакомые.

Брошенные спальни, кабинеты, детские... Разорванный домашний мир, обрывки уничтоженной жизни вчерашних владельцев: пожелтевшие фотографии, откровенные письма, детские игрушки, подсвечники, любимые книги...

Аура изгнанных людей еще витает в этих домах. Тени и голоса будто ищут своих хозяев; они затаились среди оставленных предметов, в пустых комнатах, в мутных осколках зеркал, так много знавших о тех, кто здесь жил. Но это уже никому не интересно, их нет. Еще вчера здесь любили, ревновали, спорили, ненавидели, надеялись и прощали. Еще вчера, но оказалось – завтра не будет... Их уничтожили раньше смерти: их выгнали из Дома, выгнали из жизни, предали и унизили не только очумевшие от вседозволенности враги, но и соседи, сослуживцы, одноклассники и даже друзья детства.

Красавица Польша, трудно поверить! Кто разрешил немцам, полякам, да только ли им, правильнее – европейским народам, свершить тяжкий грех предательства? Кто виноват?

Виновных в истории нет. Все забывается, уходит в небытие. Страшный путь изгнания евреев, путь длиною в тысячелетия, под разными флагами и лозунгами. Историческая судьба? Историческая трагедия... Человеческая... За что? И, как всегда, нет ответа...

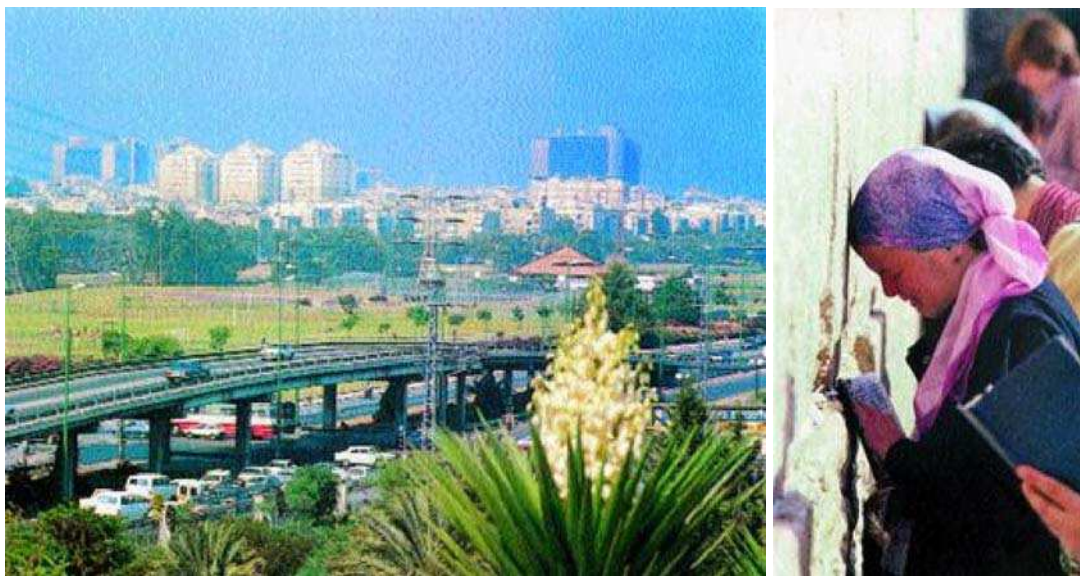
Европейские страны с редкостно богатой историей, с высочайшей культурой и традициями, вы тоже, потупив взоры, наблюдали... Возможно, терзаясь угрызениями совести, но при этом исповедуя безукоризненную двойную мораль в элегантных смокингах и ослепительно-белых перчатках, проявляя завидную стойкость и безразличие к сотням тысяч невинных жертв, сжигаемых заживо в дьявольском пожаре Катастрофы. Да, изредка вы открывали дверь, – но только для самых известных, самых нужных, самых одаренных, полезных для вас мучеников, даже не сознавая, какой иезуитский грех скрыт за этой придуманной вами селекцией во спасение. Адское пламя душило и жгло Европу. Вас ли винить, что каждый был за себя?

Думали: обойдется... Обошлось... С казнями, потерями, разрухой, унижениями, страданиями... У вас просто другая История, другая Судьба, свои мифы и трагедии, своя траектория во Вселенной. У нас нет пересечений.

Но стоит ли искать сочувствия у посторонних? Его просто не существует. Как не существует ада и рая и цены поступков целых стран и народов.

Я точно знаю, что никогда не поеду в страну, где зимой «идут белые снега, как по нитке скользят...», где весной изумрудная прозрачная зелень, точно на полотнах Куинджи и Левитана, а на каждом углу летом продают вкуснейший хлебный квас и ледяной березовый сок. Я не поеду в страну, на языке которой думаю. Не поеду! Только как же от Памяти освободиться? Ведь только в памяти продолжает жить наше уничтоженное прошлое.

И вновь продолжается предательство, и повторяется боль изгнания, горький вкус чужбины. И, как в далекие времена разрушения второго Храма, уничтожен домашний очаг, ушло домашнее тепло, настоящее жизнью целых поколений. Семейные реликвии и традиции – все вычеркнуто, выброшено... Я не переступлю порог оставленной мной квартиры и не встречу с милыми людьми, которые живут там счастливо и с комфортом уже много лет.

* * *

В этой просторной светлой квартире прошла вся моя жизнь: детство, школа, мальчишки-девочки; здесь мы с мужем встречали гостей, устраивали полуночные кофепития с музыкой и стихами. В те далекие 70-е марочные вина были еще доступны, но пьянели не от них, а пьянила жизнь, которая была вся впереди. Окна квартиры выходили во двор школы, и я тихо сходила с ума, когда мой сын-первоклассник забирался на крышу школьного гаража. В той жизни все было просто и понятно, и казалось, что так будет всегда. Но этого не бывает!

И уже много лет нет меня прежней в том городе, на тех улицах, в той жизни.

И опять я чувствую вкус предательства, как тогда, в 89-м... Летняя сессия, май, я после приема экзаменов вся в цветах возвращаюсь домой, и вдруг из темноты подъезда – новая соседка из квартиры напротив, всегда хмурая, набычившаяся, почти незнакомая. Она тяжело дышит мне в лицо и, фальшиво улыбаясь, приводит меня в ошолобление:

– Продайте мне вашу квартиру, дочка выходит замуж, жить негде, мне так подходит этот вариант. Сейчас многие уезжают... Только не отрицайте, ведь нет свидетелей.

– Но почему я? Мы не собираемся никуда уезжать!

– А все равно – уедете... Подумайте, найти покупателя совсем непросто.

Она точно знала, а я, наивная, думала, что выбор за мной, что решаю я. Через неделю приятельница и коллега по работе как бы невзначай обронила:

– Будешь уезжать, продай мне квартиру, мне так нравится ваш район. Муж работает в обкоме, поможет с отъездом, ты ведь знаешь, какие это хлопоты.

Я возненавидела ее, но она оказалась права: ровно через год я небрежно швырнула на стол ключи от квартиры, машины и гаража, и подруга детства желала мне удачи, помогая паковать багаж, втайне опасаясь, что я вдруг изменю свое решение. Я это видела, чувствовала. Писем из Израиля я ей не пишу. И она не пишет. Разные судьбы...

В воздухе витало непонятное прежде бесцветное слово «погром». «Протоколы сионских мудрецов» неожиданно стали бестселлером. Лгали, предавали любимые писатели, артисты, кумиры юности. Я вдруг почувствовала на себе печать проклятия. В Израиле, наверное, «Список Шиндлера» все же легче смотреть, чем Там и чем в Германии, где, по странной иронии судьбы, так много «наших».

Чувство Дома не приходит сразу, здесь его надо выстрадать. Хватит ли оставшейся жизни? Только бы у детей был этот Дом. Навсегда. Только бы хранил Б-г эту израненную землю, только бы закончился террор, наше кровавое жертвоприношение.

Но не будем о страшном. Еще один сюжет, еще один штрих предательства, однако не явного, а хорошо замаскированного, на подсознательном уровне.

Итак, «Русские сезоны» в Иерусалиме. Новое время. Новый век.

В далекие 50-е Анна Ахматова пророчески произнесла:

– Встретятся две России: та, что сажала, и та, которая сидела; узнают ли, поймут друг друга?

Проведу параллель – узнают ли друг друга те, кто уехал, и те, кто остался?

Встреча не заставила долго себя ждать. На все есть мода, и дешевые поездки в Израиль стали массовым, рядовым явлением. Ведь можно сэкономить на гостинице. Море, пальмы, экзотика; в ресторанах, в кафе и магазинах обслуживают на русском, да и у каждого, если поднапрячь память, найдется здесь хоть один знакомый из прошлой жизни. В соответствии с этой банальной схемой я принимаю не очень близких людей «оттуда», людей, с которыми пересекалась в юности. Экскурсионный автобус везет нас по христианским местам Иерусалима. В автобусе одни туристы. Остро чувствую себя чужой в этой толпе. Сложно объяснить, почему. Другие слова, другой сленг, другие акценты, даже модель поведения и одежда. Другое время. Обрывки фраз из новых политических анекдотов: Путин, Матвиенко, Абрамович...

Беззаботные улыбки отпускников, а за окном – палящее солнце, яркие цветы, эвкалипты. Фантастическое ощущение летнего отпуска в Крыму, экскурсия дома отдыха «Южный» в каком-нибудь 80-м... Экскурсовод, бывший работник Эрмитажа, хорошо поставленным голосом, с драматическими паузами рассказывает о страшной пасхальной ночи первого сейдера, ночи, известной всему миру как Тайная Вечеря, ночи предательства друзей, учеников, единоверцев. Каждый раз Старый Город меня завораживает своей мистикой и недосказанностью... Но эмоции так старомодны! Мои спутники приехали не за тем, они штурмуют сувенирные лавки, без сожаления расстаются с долларами, весело сметают с прилавков крестики, иконки, свечи, золотые украшения и даже бейсбольные шапочки с уродливыми пропеллерами на козырьке. Оптика самых престижных мировых фирм, позирование на фоне иконостасов и алтарей, громкое обсуждение, где выгоднее покупать золото, – в Греции или в Турции. Но электронику – однозначно – в Эмиратах!..

На обратном пути все дружно жалеют своих знакомых, новых израильтян:

– Что они выиграли, променяв Москву и Питер на эту Бухару? Черные от работы, в крошечных квартирках, купленных за кабальную машканту, на ссуды, изнывающие от африканской жары, хамсинов и взлетающих в воздух автобусов. Чужие среди «своих». Что их держит?

Нет, я не с вами, господа! Вам не понять, что есть ценности выше зеленых хрустящих купюр, выше комфорта, политики, житейской логики, престижа и успеха. Это сложно объяснить словами, это нужно прочувствовать на генетическом уровне. Просто вас никогда не изгоняли из собственного Дома.

А перед глазами – золотая осень (в Африке не знают этого времени года): отъезд, желто-багряные листья и забытые стихи уже ушедшего поэта:

Íðíàéòá, íðíàéííúé

ñáðòàð íáðÿä,

Íñáíéá èèñòÿÿ, èàé ííðíá,

ãðÿò,

È èàíéè íà ñòáééáã,

èàé ñéáçí : èñòú,

Ñæéãð í íñòú...

Кто ответит – это было предательство или только предчувствие Беды? В день отъезда моя квартира была похожа на кадры из знаменитой киноленты Спилберга: оставленные вещи, книги, картины, на подоконнике – уже ненужные конспекты вчерашних лекций, холодный недопитый кофе...

Áíðÿúèí è èèñòÿÿí è íáðíáð

á ñáá

Íðíàéòá, ÿ áíéíáá ñðáá

íá íðéáá

Íñéááí éá èèñòÿÿ,

Ááðááÿ í ñíòú.

Ñæéãð í íñòú.

P.S.

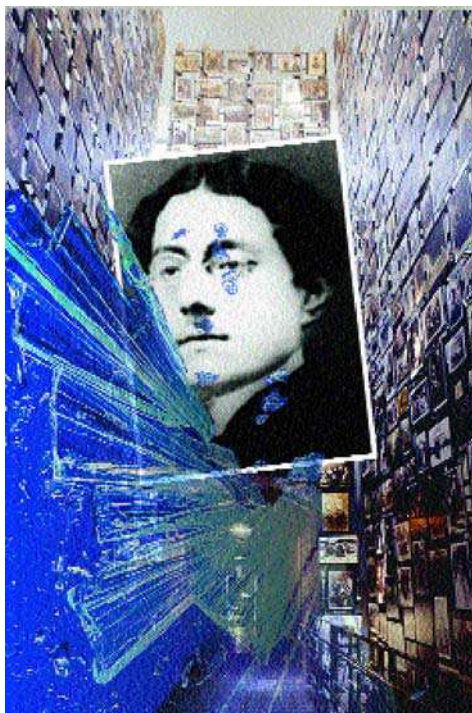
Á Ááíú Íáí ÿòè Õíéíéíñòá á Èçðáééá áÿÿ ñòðáíá çáñòúáááð íá í èíòóó á ñéíðáííí í íé:áíéè, áñá èðáè. È ÿòè áñá - ááéíáÿ íáðéÿ: ñòáðíæéú ñòðáíú è íéèí ú, ñáðáðáú è áøéáíáçí, ðáééáíçí úá è ñáðíñéá, í íéíáúá íòáÿçí úá ðáÿÿòá ñòáðóéðíáéáí è è ááá-ííéè ñíéðñéíáíí á ííçáðÿó è ñ íáí úñéíúí è áíðáíáíí è è áíéóáíí è íðÿáÿíí è á áíéíñáð, áéááíúá íáéú:ééè á ééíáð è ííéóéðéí è íáéúíí úá íá áéá «éá:éè». Áááí úá è áíáñòúá, ñòáðíá è í íéíáúá ÁÑÁ.

Èçðáééú 2003 áñá

ЗА ЧТО МЕНЯ УБИЛИ?

Михаил Садовский

У каждого времени свой цвет. И для каждого – цвет времени свой. Для меня 1930 – 40-е – красно-коричневых тонов и в черной рамке. Это не квадрат Малевича – это смерть захватила время и давит живое со всех четырех сторон. И нет исхода.

Я в Вашингтоне. Ищу Мемориальный музей Холокоста. Встречные легко объясняют мне, где он расположен, – знают. Прекрасный солнечный день. Воскресенье. Но не чисто туристическая толпа заполнила вестибюль, здесь много вашингтонцев, детей. Ведь музей существует недавно, и посмотреть в основную экспозицию без предварительной записи невозможно. Только благодаря моему корреспондентскому удостоверению после длительных переговоров с работниками музея удастся получить разрешение на посещение основной экспозиции и при условии, что по опубликовании статья будет отправлена в этот музей. Им интересно все, что о них пишут и говорят, и все, что пишут о Холокосте. Они строят свою экспозицию исходя именно из того, в каком цвете представляется нынешним людям то далекое, но еще не покрытое непроницаемым туманом время.

Каждый посетитель музея получает «ай ди» одной из жертв Холокоста, чтобы... пройти с «новым» именем весь скорбный путь. На форзаце читаю:

«Этот документ (#7606) рассказывает историю реального человека, жившего во время Холокоста».

Так кто же я теперь?

«Имя: Симха Перельмутер.

Дата рождения: 1900.

Место рождения: Хорошов, Польша.

Симха – один из шестерых детей, родившихся в еврейской семье. Его отец был учителем иврита. В студенческие годы Симха подавал большие надежды и после обучения в университетах Швейцарии, Франции и Германии стал профессором философии Львовского университета. В начале 1920-х годов он женился, и в 1929 году он и его жена Фрума уже растили двух дочерей, Тшию и Суламифь...»

Здесь, в конце этой страницы «моей биографии», написано:

«Пожалуйста, переверните страницу в конце 4-го этажа, с которого и начинается скорбный поход в прошлое».

По возрасту я не мог быть свидетелем того времени, но знаю его, потому что впитал его дух, выраженный в науке и музыке, в архитектуре и литературе, в живописи и мечтах о познании атома и покорении Северного полюса, победе над малярией и оспой. Во мне, оказывается, сохранились образы исчезнувшего местечка и провинциальной синагоги, бородатых ортодоксов и придушенных жизнью молодых людей, стремившихся «сбросить с себя» традиции и вырваться в кипящую жизнь... Может быть, это знание приходит генетическим путем? Далеко не все мне там нравилось, и я с отрочества повторяю строки Багрицкого.

В іа çàï'î ï èë, іа èàè'î іі-èàà

Ï ò'íààè ì à'ÿ àÿ'äò'ìàè

æèç'è çà

Èà-í óè'ÿ ì èä

Çàç'à ì'î ò'è'í óè'ä'î á ááà

È çà'èà'èàè'ä'î á ì'èóà'î ò'äç'

В è íàè ò'ÿ'í óè'ÿ... іі, ìèà'ç'ì

ì'äèüü'ü äàÿ,

Ï'í à äà'í óè'ä'î - èäà'î'í à'í èèé'ÿç'ì

Ï ää'è'í è'ü'ä'è'ÿç'èp äèà'ä'ü'á ää'ä'è

È'î'î'ò á'í ò'í'ä' ì'èä'ä'î'è'èè è'ä'ç'èÿ.

Они не нравились мне, эти «ржавые», как и Багрицкому. Они отталкивали меня своей провинциальной забитостью, и я вместе с поэтом рвался и протестовал.

È' ää'ò'î'ä'í óè'í.

Ää' ì'í ò'ä'î'í'í è'è'ä'í'ò'ä'èè.

Ää' ì'ä'ä'-í'è' ì'ü'ò'ä'è'è'î'í'í à'í óò'ü

*Ἐἵλαι ὁ ἀοιῖδ' ἰδέσθαι ὁεῖ
 ἡδέσθαι -
 Ἀδὰρ, εἴ ὀϊδία ἰάδαι ἀοιῖδ' ὀυῖ
 Ἀδὰρ ἡδέσθαι ἰάδαι ἰάδαι
 Ἀδὰρ ἡδέσθαι ἡδέσθαι ἡδέσθαι,
 Ἐἵλαι ἡδέσθαι ἰάδαι ἰάδαι -
 Ἄη ἀοιῖδ' ἰάδαι ἰάδαι
 - Ἰάδαι! Ἰάδαι!*

Вслед за Багрицким я повторял полвека спустя:

*В ἡδέσθαι ἡδέσθαι ἡδέσθαι
 В ἀοιῖδ' ἰάδαι ἰάδαι ἰάδαι...*

Я – Симха Перельмутер – вырос там. Дети этих «темных» людей вырвались в мир и создали теорию относительности, вакцины против болезней, компьютерные языки и основы ракетостроения, написали гениальные картины, великие книги, открыли секреты генетики и космогонии...

Но разве за это убивают?

«1933–1939: Симха был сионистом и в течение 1930-х годов внушал своим еврейским студентам, что они должны эмигрировать в Палестину, особенно после того, как стала набирать силу нацистская партия в Германии.

В сентябре 1939 года, когда Симха подготовил свою семью к эмиграции, Германия захватила Польшу. Три недели спустя Советский Союз оккупировал восточную Польшу, где был расположен Хорошов. Несмотря на советскую оккупацию Симха продолжал преподавать в университете».

И это время пришло ко мне с рассказами отца и матери, немногословными и редко вырывавшимися из-под пресса страха (боялись, чтобы мальчишка не сболтнул чего-нибудь), – за рамки того квадрата, черного и неумолимого.

Начался страшный исход под оглушительный рев восторженных немецких обывателей, приветствующих своего кумира, под брызжащие ядовитой слюной призывы фанатичной пропаганды...

Не будем в который раз пересказывать общеизвестные этапы скорбного пути.

А что же весь мир? Люди? Разве не знали они, как сверкает «Хрустальная ночь»? Как горят книги и древние свитки Торы? Как рушатся стены синагог и разбиваются витрины еврейских магазинов? Разве не кричали на весь мир об этом те, кто успел унести ноги от чумы, кто спасся от бесноватого фюрера?

Люди стыдливо молчали. Они откупались равнодушием и чужой кровью.

Но разве за это убивают?

Нет, как видно, за это не убивают.

Еще этаж вниз по дороге к аду. Перелистнем еще одну страницу.

«1940–1941: В июне 1941 года Германия вторглась на советскую территорию и скоро достигла Хорошова. Еврей и ученый, Симха сразу стал объектом преследования германских оккупационных властей. Примерно через неделю после захвата Хорошова германские солдаты ворвались в дом Перельмутеров. Симха увидел, что они идут, и попытался бежать через черный ход, но украинские полиция поджидали его там и арестовали. Симха был депортирован, как и многие известные хорошовские горожане».

В Минске я, восьмилетний мальчишка, шел пешком от вокзала к своей тетке, вернувшейся на родину после четырех лет эвакуации. Я шел мимо вывороченных и завитых штопором рельсов трамвая, мимо стен домов стоящих красными кирпичными листами, мимо пленных немцев, которые разбирали завалы, образовавшиеся от бомб и снарядов на месте бывших кварталов. Я шел мимо еще не везде уничтоженных надписей, ограничивающих печально знаменитое минское гетто. Окна теткиной комнаты выходили на Немигу, – одна из улиц, ограничивавших квадрат смерти... На углу торчала чудом уцелевшая стена дома, и мы с братом ходили сюда по нужде, – туалет в доме был невиданной роскошью. Луч карманного фонарика скользил по надписям, взобравшимся аж до пятого этажа, и все они кричали: «Прощай!»...

Мы искали здесь фамилии наших родственников, двоюродных, троюродных братьев и сестер: больше двадцати их погибло в гетто, но в каком?

Сохранить бы этот «документ» в назидание потомкам, но стену зацепили тросом за самый верх и тянули, тянули двумя тракторами, – а она не поддавалась! Все раскачивалась и раскачивалась, даже изгибалась, не желая сдаваться. Но камень оказался чувствительнее людей, и в красной пыли крошащихся кирпичей навсегда исчезли тысячи имен невинных жертв. Они хотели жить...

Но разве за это убивают?

И «Яма» здесь же, неподалеку, где в одну ночь уложили в ров 5000 евреев. Она так заросла, края ее осыпались, ступени деревянной лестницы прогнили, но, может быть, от этого стало только страшнее и обиднее – не за них, убитых, а за тех, кто будет завтра!

Разве благополучные соседи не знали, что делается рядом, в дубовом лесу? А там был концлагерь «Бухенвальд».

Разве униженные поляки не знали, что такое «Аушвиц»? Там на воротах написано: «Труд делает свободным»... Они не знали, какой это труд?

Что, лишь сейчас проснулась совесть детей и внуков тех, кто топил печи крематориев телами евреев? Они едут сюда автобусами замаливать грехи предков. Когда я стоял там, перед воротами, а потом ходил по скорбным дорожкам, глядя на цветочки, посаженные вдоль страшных бараков, в которых лежали горы туфелек, снятых с ножек малышей, и золотых коронок с зубов их матерей, – нет, там не страх терзал меня, а вопрос: вы же знали об этом, люди?! И молчали! Молчали!

Вы сохранили Бжезинку, женский лагерь смерти, в том виде, в котором он опустел в сорок пятом... Память так же ветшает и гниет, и разве не голосом Геббельса кричит сегодня новый эсэсовец: «Да не было всего этого, не было! Все врут жида проклятые и нанятые ими журналисты!»

Было! Я стоял там и слышал их крики! Крики женщин, чьи ноги были как щепки, чьи кости искривляли химикалиями, на этих женщинах доктора (!!!) учились стерилизовать и наблюдали течение страшных болезней! Все это было.

Были Бабий Яр и ямы в Калитниках, в центре Москвы, где теперь дома и устроен птичий рынок на костях десятков тысяч убиенных, свезенных сюда из подвалов на Лубянке. Вы не знали? Это было и есть.

А в Израиле, в Яд ва-Шем – тысячи свечей, символы детских душ, мерцающие в зеркальных лабиринтах, и тысячи деревьев в честь праведников, спасших хотя бы одного еврея... Они не спрашивали тогда:

Но разве за это убивают?

Где те составы, которые приготовил великий вожь страны Советов для депортации евреев, чтобы окончательно решить этот проклятый «еврейский вопрос»? Они на запасном пути? Вы не знаете, что они есть? Отчего же безнаказанно кричит, готовый на все ради карьеры, новый бесноватый из Российской Думы (под молчаливое ее одобрение), чтобы «Иван раскрыл свою душу» и показывает его врагов – евреев!

У истории нет закоулков. Обыватель не боится прошлого. Это совесть скрежещет зубами от боли. Каждые два из трех евреев Европы сгорели в огне равнодушия. Понтифик покаялся за всю католическую церковь, развязавшую руки людоеду. А что же остальные? Молчат?

А за что НКВД отплатил Валленбергу – за то, что спасал евреев?

Великая Америка сберегла для мира Эйнштейна, Ремарка, Кальмана, Сцилларда, Фейхтвангера – тысячи тысяч бежавших. Но, может быть, души одной тысячи человек, не принятых ею с корабля, стоявшего в ожидании спасения у берегов Флориды и вынужденного вернуться в Европу, не дают ей спокойно жить? И это камень в фундаменте памяти?

Но разве за это убивают?

Нет. За это не убивают. Убивают за то, что ты еврей!!!

«Семья Симхи никогда больше его не увидела. Они уверены, что он был отправлен в концлагерь Дахау или вывезен за границы города и расстрелян».

Я, Симха Перельмутер, сошел в земной ад в полосатом тряпье нацистского покроя... Это полосатое тряпье стало символом их режима, и он не полинял за столько десятилетий, а дыры и лохмотья

только добавляют романтики для тех узколобых, кто снова кричит «Хайль!» и так вскидывает руку вверх, что трещат по швам черные рубашки от накачанных бицепсов!

Я прошел весь скорбный путь Симхи в его полосатом арестантском рубище и не то чтобы забыл переодеться – я просто не снимаю его, потому что даже теперь, более чем через полвека, нет ответа на его вопрос, на мой вопрос, на наш вопрос: «За что меня убили»? Люди, люди, значит, не кончился Холокост, не прекратилась в мире эта болезнь и не прекратится, пока не будет ответа.

Черчилль предложил антисемитам простой способ борьбы с ненавистными евреями: станьте лучше, чем они!

Чем же я, случайный потомок, продолжил твою биографию, Симха Перельмутер?

Своей жизнью. И в этих строках моих стихов нет ничего придуманного – все именно так:

Êîãã ŷ áúë ì áéáí úëèì ,

Ì áí ŷ ìí'áñíò ìí áòòè

Ðáññèèé,

Â áñì ì'áñòèè çèì ì'áàòü-

Óèðàèì áü,

Âññì «ñ-áñòèè áñá ááòíò áñ» ááðèéí

Êèóí éááéáçñèí é ì'áòèí ì'áéññ ì'ñòè.

Étāā y nò àè ì àèù-èèì ,

Ì áí y í èñà ò ù ó-èèà

Ì í ðáí àèà,

Ó ò ò í ðà ò è ð í à ò ù-

Í àí àó,

À è ð à ò ù í à ò ð á á-

È ñí àí àó.

Étāā y àéóè ààè í à ð áí ù è ì ,

Á í è ñ í í à ñ ò à à è è à

Á à ð á è à,

Ñ ì ù ñ è ó ò ð ò ó è í ò è ð ù è

× á-áí àó,

È á ñ ò è è è í àí ð à à è è

Á ð á í.

*Èíãã ñòàè ý óeá ñããí,
 Á ààòíááíí ìíèííí ìéèòí
 Íáòíòàè ñãòü íà ýòí ì áòí,
 Ííòíí ó÷òí òýãí ñàðããí.

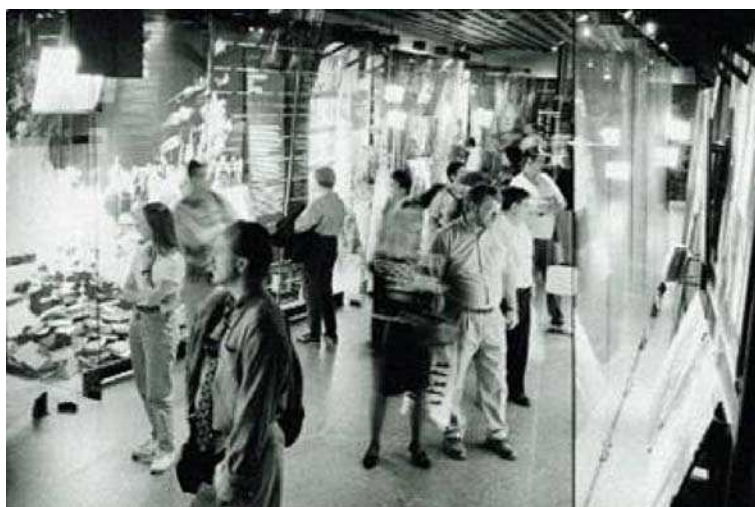
 *B íòíòeíí óéíý è óíãéíý,
 Íííí ñòðæ íà íãã è áíííí ìéè

 *Æèçíü ñãíþ
 È íáòãã, èòí ì áíý
 Íáàèíýë: «Æèãíãéãý ì íðãã!»,

 *À áòãæã
 Èòí áãðèè ì íá

 *Æèçíü óãè, òèããà èóíè è áóóá..*****

Вот и всё...

У ВРЕМЕНИ В ПЛЕНУ

Cài áí xàđđúé

К середине 1980-х положение советских евреев было достаточно скверным. Подпольное еврейское независимое движение (ЕНД) фактически разгромили. Десятки его активистов сидели в тюрьмах и лагерях, а многочисленные отказники (по разным оценкам – от двух до пятидесяти пяти тысяч человек) десятилетиями не выпускались в Израиль. Были разгромлены практически все подпольные семинары и журналы (к середине 1980-х существовал только «Ленинградский еврейский альманах»). Почти полностью прекратилась эмиграция в Израиль: выпускали по тысяче-другой в год, обставляя выезд многочисленными препонами. Государственный антисемитизм переживал в первой половине 1980-х свой последний ренессанс под флагом «борьбы с сионизмом». Ежегодно огромными тиражами выходили книги, брошюры и статьи по «сионологии», где частенько содержались разного рода наветы на евреев, еврейский народ и государство Израиль. С 1983 года действовал также специальный орган – Антисионистский комитет советской общественности во главе с Д. Драгунским, долженствовавший показать Западу, что советские евреи против сионизма. Для удовлетворения культурных нужд полуторамиллионного еврейского населения СССР существовали журнал «Советиш Геймланд», растерявший к середине 1980-х былую популярность, а также Камерный еврейский музыкальный театр, созданный в 1977 году Юрием Шерлингом в Биробиджане и гастролировавший по городам. В середине 1980-х на посту руководителя театра Шерлинга сменил Михаил Глуз. С еврейской стороны действовали несколько организаций: «Ассоциация израильских граждан, временно живущих в СССР», группа «Бедные родственники», объединявшая членов разделенных семей, и «Машка» – от ивритского «Муадон ле Штия Кабира» («Клуб с крепкой выпивкой»). Созданная в 1982-м и объединившая многих видных «отказников», «Машка» претендовала на то, чтобы быть представителем всех советских евреев перед миром и властями и финансировалась, главным образом, из-за рубежа. «Машка» планировала различные мероприятия, начиная с организации демонстраций, митингов, лекций, выпуска и распространения самиздата и кончая контактами с представителями зарубежных правозащитных еврейских организаций, а также с советскими правозащитниками. Необычное название призвано было замаскировать суть «Машки» от КГБ.

ÍÀÈÇÌ ÁÍ Í ÎÛÛ

В марте 1985 года пленум ЦК КПСС избрал М. Горбачева Генеральным секретарем ЦК партии. Был провозглашен новый политический курс, ориентированный на гласность и перестройку. Однако в 1985 – 1986 гг. реальных перемен в жизни общества не произошло. Более того – преследование инакомыслящих не только не уменьшилось, но существенно усилилось. Фактически подверглась полному уничтожению существовавшая в 70-х – 80-х гг. система сбора информации о положении с правами человека. Мощные удары власть нанесла по всем оппозиционным группам. Естественно, это коснулось и еврейской жизни. Были арестованы и по сфабрикованным обвинениям осуждены на различные сроки лишения свободы несколько еврейских активистов. Натана Вершубского (нынешнего раввина Воронежа) в 1985-м обвинили в «краже книг в синагоге», преподавателей иврита Юлия Эдельштейна и Алексея Магарика, арестованных, соответственно, в 1984 и 1986 гг. – в хранении и употреблении наркотиков, а еврейского активиста из Риги Владимира Френкеля – в антисоветской деятельности. Разгонялись собрания желавших учить иврит. В советской прессе по старинке продолжались антисионистские и антисемитские публикации. 28 августа 1986 года было принято Постановление СМ СССР (№ 1064) «О внесении дополнений в “Положение о въезде в Союз ССР и о выезде из Союза ССР”». Согласно «Положению» выезд за границу на ПМЖ разрешался лишь при наличии прямых родственников в стране выезда. Кроме того, эмиграция могла быть запрещена в случае осведомленности человека о государственных секретах или «в интересах обеспечения охраны общественного порядка, а также нравственности»; при наличии оснований для привлечения к уголовной ответственности, за ущемление прав и интересов других граждан СССР и неисполнение обязательств перед государством. Расплывчатость этих критериев давала возможность отказать в выезде любому человеку на абсолютно законных основаниях.

Впрочем, уже в первые месяцы 1986 года стали заметны некоторые послабления в этой сфере. Возобновляет свою работу семинар, возглавлявшийся ученым Виктором Браиловским, до того несколько лет находившимся в ссылке по делу об издании журнала «Евреи в СССР». 12 февраля 1986 года в результате операции по обмену шпионами был освобожден и выслан на Запад Натан Щаранский, арестованный в 1977-м и обвиненный в шпионаже. А в ноябре 1986 года два ученых-отказника А.Каган и М. Фейдлин получили официальное разрешение принять участие в международной Бернуллиевской конференции по

математической статистике, проходившей в Ташкенте. В том же году был отменен планировавшийся АКСО Всемирный антиссионистский конгресс.

Áái îî ðò ðáòëÿ îò èáçí èéíá ó Ñî î èüí îáî î îî áñò ó ðÿ.

23 áí ðáëÿ 1987 áãá, Èáí èí áðáá

Áái îî ðò ðáòëÿ îò èáçí èéíá í á Èíáá èé ááíéíé (Ñáí áò ðéíé) í èíó ááé, í îí ðÿó áí í áÿ «áçéáðá» (30 áí áé í îí éá ð áðòé) î îí áé áò í áá îò èáçí èéá P ðëÿ Çí áéçí áí á, ðéíí ð ááò ááíÿ á Áái á îî áñò áá á Èçðáé èü

10 èðíÿ 1987 áãá, Èáí èí áðáá

Ôí ò í áðáò èè ðí áé ò à Soviet jews-exodus

ÁÐÁÌ B Í ÎÑËÁÁËËÁÍ ÈË

В рамках общей политики либерализации и послаблений, начатой советскими властями в январе 1987 года, произошли существенные сдвиги в ситуации с «еврейским вопросом». Вначале заведующий Управлением по гуманитарным и культурным проблемам МИДа Юрий Кашлев, а затем и секретарь АКСО Самуил Зивс объявили иностранным журналистам о массовой амнистии отказников и о пересмотре ряда сложных дел. Впрочем, политика властей в это время была, надо отметить, весьма противоречивой. Из тюрем, лагерей и ссылок в январе – марте 1987 года освободили большую часть «асирей цион». Однако некоторые из осужденных по каким-то причинам продолжали оставаться в заключении до 1990 – 1991 гг. В 1987 – 1988 гг. получили разрешение на выезд многие известные отказники и резко сократилось число отказов (к примеру, на Украине с 65% в 1986-м до 2,5% в 1987-м). Постановление №1064, которое должно было вступить в законную силу с 1 января 1987-го, тихо отправили в архив. Всего за 1987 год по израильским визам из страны выехали более 8100 человек, что почти в девять раз превышало результат предыдущего года (904 человека).

Власти, видимо будучи уверены в своей способности все держать под контролем, дали согласие на открытие центра и даже согласились на введение в состав его правления представителей ЕНД – М. Членова и В. Чернина. В ноябре 1988 года Еврейский культурный центр им. С. Михоэlsa был торжественно открыт.

Однако расчеты властей на подконтрольность центра не оправдались. Его помещения стали активно использовать для чтения лекций по еврейской истории, для преподавания иврита, запрет на которое как раз был отменен, и пр. В том же 1988 году возникает первая официально зарегистрированная общесоюзная Еврейская культурная ассоциация.

К весне 1989 года стала ясна необходимость создания всесоюзной структуры, которая могла бы решать одновременно две задачи: координировать деятельность многочисленных еврейских активистов и представлять от имени всего еврейского движения перед властями внутри страны и перед различными еврейскими организациями за рубежом.

В мае 1989 года в Риге проходит первое всесоюзное совещание представителей еврейских организаций СССР, на котором принимается решение о созыве всесоюзного съезда еврейских организаций и общин страны в декабре 1989-го и создании на нем конфедерации еврейских организаций СССР. Был создан оргкомитет съезда. Впрочем, некоторые «горячие головы» предлагали сразу же объявить конференцию съездом. С другой стороны, созданию единой структуры противилась «Лишкат а-кешер»*, справедливо опасавшаяся, что она будет неподконтрольна израильским представителям. Кроме того, представителей «Натива» не устраивало, что большинство постов в новой структуре получали люди, не относившиеся к эмиграционному движению и считавшие возможным предоставить советским евреям право самим выбирать, когда им уезжать (и уезжать ли вообще).

Фактически решения рижской конференции стимулировали процесс создания еврейских организаций. Число их в последующие месяцы перевалило за несколько сотен. Все они стремились войти в создаваемую конфедерацию. Среди продолжавших возникать организаций были даже «экзотические»: к примеру, «Бейтар», в дальнейшем она будет использоваться «патриотическими» мифотворцами в рассказах о «еврейской опасности».

В декабре 1989 года проходит съезд, на который собираются представители почти 300 еврейских организаций. Его итогом становится создание Конфедерации еврейских организаций и общин – Ваада СССР, фактически заменившей собой «Машку», чье последнее заседание, прошедшее за несколько дней до съезда, было посвящено единственному вопросу – разрешить будущим руководителям Ваада присутствовать на съезде или же, во избежание арестов, предложить им скрыться на некоторое время и появиться уже к моменту выборов. Большинство голосов предложение было провалено. Президентом Ваада избрали Михаила Членова. Съезд также определил основные направления деятельности Ваада: общинное строительство, представительство еврейской общины СССР в стране и за рубежом, борьба с антисемитизмом, реинтеграция советского еврейства в единый еврейский народ

В 1989 – 1991 гг. Ваад становится основной еврейской организацией в СССР, представляющей общину как внутри страны, так и за рубежом. У Ваада был реальный шанс войти в общесоюзное демократическое движение, принять участие в выборах и провести своих депутатов в Верховный Совет РСФСР.

В 1990 году представители «Демократической России» обратились к Вааду с предложением войти в состав движения и выбрать своих представителей для включения в избирательный список ДР.

Однако при обсуждении этого вопроса на президиуме Ваада члены президиума склонились к тому, чтобы не участвовать в решении внутренних проблем СССР и сохранять полную независимость.

Впрочем, на республиканском уровне эта традиция не всегда соблюдалась. М. Вульсон вошел в состав руководства Народного фронта Латвии; один из основателей еврейских организаций на Украине, Иосиф Зисельс, ранее входивший в украинскую Хельсинкскую группу, в 1989-м участвовал в работе учредительного съезда Народного Руха Украины, а в 1990-м организовал в том же Рухе Совет национальностей.

Процесс создания еврейских организаций продолжился. В массовом порядке возникли еврейские, прежде всего воскресные, школы, детские сады, курсы по изучению иврита, детские еврейские

что с представителями демонстрантов встретился тогдашний первый секретарь Московского горкома КПСС Борис Ельцин. Через «Память» и ее филиалы в Ленинграде, Новосибирске и других городах прошли все более или менее заметные политики экстремистской ориентации. На лотках продавались газеты откровенно фашистского толка, публиковались репортажи о сборищах неонацистов (в сентябре 1990-го возникло снискавшее печальную славу уже в независимой России «Русское национальное единство») и осквернении еврейских кладбищ. Националисты угрожали помещениям, где находились еврейские организации, и синагогам. На всю страну, а затем и на весь мир благодаря СМИ, сообщавшим о каждом подобном инциденте, прогремела весть о погроме, устроенном в январе 1990-го в Центральном доме литераторов боевиками одной из отколовшихся от «Памяти» групп. Позже руководитель этой группы, Константин Смирнов-Осташвили, был осужден по ст. 74 УК за разжигание национальной розни и погиб в колонии. Однако несмотря на шумный резонанс, который рождали акции подобного толка, фактически реальное значение антисемитизма в стране было в ту пору ничтожно. Это и продемонстрировали выборы 1989 – 1991 гг., когда политики, исповедовавшие антисемитские взгляды, практически нигде не добились успеха. Тем более, что наиболее массовые и влиятельные в республиках общественные движения нуждались в поддержке Запада. А для Запада «еврейский вопрос» был весьма важен. Потому политикам-антисемитам приходилось приглушать свои резкие высказывания. Впрочем, в случае прихода к власти они нередко жертвовали соображениями «политеса». И когда на митингах звучали требования к «оккупантам» убраться домой, это значило, что речь идет также и о евреях.

Ἰδιότῆτῆς σαμῆται εἶναι ἐπιπέδῃ Ἰῆεὸν ἀπότ' ὈἸ Ἐἰ Νῆ ἰὸ 29 ἡεῖαδῶ 1988 ἄαα

Νἰ Ἀἰὸνῆἰ-ἘσδἈἰἔῦνῆἔἈ ἰὸ ἰ ὈἈἰ ἔβ

Несмотря на формальный разрыв отношений, на «нейтральной территории» периодически проходили встречи советских и израильских представителей. Кроме того, ежегодно в день празднования 9 мая в Израиль полуофициально приезжала советская делегация. Условием СССР для восстановления дипломатических отношений с еврейским государством было только одно: нормализация отношений с арабскими странами. В июле 1987-го требование конкретизировали: возвращение занятых в 1967-м территорий, ликвидация основанных там поселений, согласие на образование палестинского государства. В обмен на это Израилю были обещаны «международные гарантии безопасности». Тогда же в Израиле появилась советская консульская группа. Формально – для переговоров о собственности РПЦ, находившейся в Палестине. В июле 1988-го в Москву соответственно приехала консульская группа Израиля. Стремление к укреплению отношений с Западом и ухудшение экономической ситуации подвигли СССР на изменение условий во время переговоров. В ноябре 1988 года состоялась встреча полковника КГБ Юрия Котова и главы канцелярии премьер-министра Израиля Йоси Бенаарона. В ходе ее советская сторона предложила обсудить новую формулировку: восстановление дипотношений в полном объеме в обмен на значительную экономическую помощь. Впрочем, отношения налаживались сами собой. В эпоху «нового мышления» разрыв дипломатических связей становился анахронизмом. Если в декабре 1988 года Политбюро обсуждает, можно ли разрешить израильским спасателям помочь пострадавшим от землетрясения в Армении, то в 1989-м поездки израильтян в СССР становятся вполне обычным явлением. В конце концов, в день встречи министров иностранных дел СССР и Израиля (Эдуарда Шеварднадзе и Давида Леви), имевшей место 30 сентября 1990 года, принимается решение о восстановлении полноценных дипломатических отношений между обеими странами. Характерно, что в данном случае израильтяне обговорили со своими советскими коллегами право на общение с еврейским населением СССР; оно было им строгойше запрещено в 1953-м, когда впервые восстановились дипломатические отношения между нашей страной и Израилем. В декабре 1990 года консульские группы в Москве и Тель-Авиве преобразуются в генеральные консульства. В 1991-м их статус повышается до уровня посольств. Израиль в ранге генконсула, а затем и посла представляет Арье Левин. Генеральным консулом СССР в Израиле назначен Алексей

Чистяков, позже ставший российским представителем при ПНА. В декабре 1991-го, за несколько дней до исчезновения СССР с политической карты, первым советским послом в Израиле становится известный журналист-международник Александр Бовин. СССР совместно с США активно участвует в попытках мирного урегулирования ближневосточного конфликта. В частности, в октябре 1991 года СССР становится коспонсором Мадридской мирной конференции, в рамках которой впервые удается свести за столом переговоров израильтян и представителей ООП. Посольство Израиля в СССР в этот период активизирует свою деятельность. Правда, оно пока предпочитает действовать не самостоятельно, а через еврейские общественные организации, например, через создаваемые еврейскими активистами в России и на Украине центры по репатриации, где отъезжающим оказывали информационную и иную помощь. В СССР прибывают представители «Сохнута». Возникает также Общество дружбы и культурных связей с Израилем (ОДИКСИ) под руководством А. Островского. При этом, впрочем, СССР, одним из первых признавший провозглашенное в 1988 году Я. Арафатом государство Палестина, продолжает поддерживать тесные контакты с ООП и арабскими радикальными режимами на Ближнем Востоке. Буквально накануне ГКЧП обсуждается детальный план сотрудничества КПСС и сирийской партии «Баас».

ДАЭЭАЭІ СІ АВ АЕЄ СІ Ü

В середине 1980-х религиозная жизнь советских евреев мало-помалу замирала. Пустели синагоги, во многих из них отсутствовали раввины (к 1990 г. раввинов в стране было всего 12 – 15 человек). Любые инициативы, исходившие от представителей какой-нибудь из оставшихся 50 общин, безжалостно отвергались представителями Совета по делам религий. В сентябре 1986-го была даже засыпана построенная без разрешения властей миква в Марьиной роще. В 1985-м, как было упомянуто выше, разворачивается «дело» молодого ортодокса Натана Вершубского, приговоренного к году тюрьмы за якобы совершенную им кражу религиозных книг. Даже сохранившиеся общины хасидов Хабада были довольно малочисленными.

Перемены в отношениях обеих стран, происходившие в 1987 – 1988 гг., коснулись и иудаизма. Во время визита Э. Бронфмана и М. Эбрама была достигнута договоренность о разрешении ввозить в СССР религиозную литературу и посылать желающих учиться в зарубежные ешивы. В 1989 году представительную раввинскую делегацию, включающую и израильтянских раввинов, впервые принимают в Кремле.

Действительно, начиная с 1987-го, желающие могли получать образование в ешивах США и Израиля; однако довольно скоро выяснилось, что ездить никуда не надо, поскольку ешивы начинают появляться и в самом СССР. В 1988-м открывается (сначала полуофициально) ешива «Томхей Тмимим – Любавич», разместившаяся в здании марьиноорошинской синагоги. В 1989-м свою ешиву открывает в Москве раввин Адин Эвен-Израэль (Штейнзальц). В 1989-м же Любавичский Ребе посылает первых «шлухим» (посланцев) в СССР, чтобы они развернули работу в еврейских общинах по всей стране. Одним из этих «шлухим» стал будущий главный раввин России Берл Лазар, прибывший в СССР в 1990 году.

В 1990 году, сразу после Ваада, создается Всесоюзный совет еврейских религиозных общин (ВСЕРО), призванный представлять религиозных евреев СССР перед властями и зарубежными евреями. Его председателем и главным раввином СССР избирается раввин Московской хоральной синагоги Адольф Шаевич, и до того, пусть неофициально, считавшийся обладателем этих постов. Впрочем, в отличие от Ваада, ВСЕРО так и не удалось потрудиться с полной отдачей. Основной его работой стали обращения в различные органы власти с просьбой о возвращении молитвенных домов верующим. Возможно, это – результат отсутствия у его руководства четкой идеологии и понимания своих целей и задач.

В конце 1980-х в СССР появляются представители реформированного (или прогрессивного) иудаизма, завоевывающие симпатии некоторой части еврейской молодежи. Реформистские общины возникают прежде всего в Москве – вокруг бывшего инженера Зиновия Когана, создавшего в 1989-м религиозную общину «Гинейни».

Совет по делам религий при его последнем председателе Юрии Христораднове (1989 – 1991) не только не мешал, но в некоторых случаях даже оказывал помощь еврейским религиозным общинам. В частности, сотрудники СДР помогли оформлять американские визы ученикам ешивы «Томхей Тмимим – Любавич». В ту пору при Совете существовал институт «иностранных специалистов», представлявших различные религии и консультировавших СДР по разным вопросам. Революционным для еврейских религиозных общин стало решение о регистрации Берла Лазара в качестве раввина синагоги в Марьиной роще. Этот прецедент открыл дорогу в СССР десяткам раввинов со всего мира и позволил решить в первом приближении «кадровую» проблему.

Èπò γðé Ì èðàèè Ááεçð Ì à äàì Ì Ì òðàòèè á 1987 ã äá

Ô Ì ò Ì äáòèè èç äððèáà Ááääà Ðì Ì ìèè.

** «Ì àòèá» èèè «Èèøèàò à-éáøáð» (áððì Ì Ì Ì äýçÿ) - Ì òðàì èçòèèç, Ì òðèèèèèè Ì Ì çàà Ì áç Ì ðè Ì ÈÁ Èçðàèèç á 1953 ã äó äèç òòðàì Ì äèáì èç èí Ì ò àèò Ì á Ì äáðáç Ì è Á Ì ò Ì Ì Ì è Á äð Ì Ì ù. Á 1970-1980 ò ã äáò Ì Ì äáççèèá Á Ì Á Ì á Ì äð Ì äè Ì Ì è Ì òðàì ò äà Ì è è èè ò äáò ò ò ò è.*

ВСЕ РАВНО ТЫ С НАМИ, САША!

Àèèò ìð Èíýèùñ

À ýò ìí ì àò ì èíð èèè. Í ì óàíðáí ì ìíðóíò ò àèèà èðàè è àè Àèáèñáí àð Àííðèáí, ì ì èèáíý æèçí ù ìíðòàðòíý ìí òáí è, èò ì èð òáí èè, èðàèè è èí ì ó ìí ì òáí: àè àçàè ì ìíðóíò.

Коренной москвич Александр Асаркан, сын некогда активного бундовца, был также сыном коммуналки в Кривоколенном переулке, что неподалеку от Мясницкой. Не проявляя интереса к школе, он проявлял интерес к книгам и московским улицам, как и подобает отроку, росшему без родительского надзора и без крова над головой. (Кровом однажды стала стеклянная крыша ресторана гостиницы «Метрополь», а пристанищем обычно служила котельная с приятелями-истопниками.)

Он не знал вузовских аудиторий, но рано узнал московские театры. А равно способы проникновения в зрительный зал без билета. Дружил с актерами, с рабочими сцены, пожарными. Театр манил его не только как территория, сближающая людей, – на сцене, за кулисами, в зале, но и как предмет вечных размышлений, как повод для сопоставления одного с другим и с – жизнью.

Его арестовали, когда он готовился идти в Щукинское училище на курсы вторых режиссеров. Обвинили в клевете на Сталина (рассказывал уборщицам что-то непочтительное о генералиссимусе). На Лубянке следователь попросил арестованного законспектировать главу из Краткого курса и посоветовать, в какой театр прошвырнуться вечером.

Подследственного А.Н. Асаркана переведут в Ленинградскую тюремно-психиатрическую больницу для тех, кто даже по тогдашним временам не тянул на статью Уголовного кодекса. Не тянувшие, меж тем, вели серьезные беседы, жадно слушали повествования Асаркана о театральном искусстве и в знак благодарности помогали освоить итальянский язык. Стремясь удовлетворить его неистощимую жажду самых разнообразных знаний. Он умел слушать и впитывать услышанное. Умел дорожить людьми, достойными дружбы. Не случайной, но способной выдержать годы.

В связи с приближением XX съезда партии еще недавно неизлечимо больного Асаркана признали здоровым. Вернувшись в столицу, он отбил в Кривоколенном переулке свою пятиметровую клетушку, отделенную фанерой от соседей.

То была одна из немногих его житейских викторий. На том поле брани, где Саша менее всего чувствовал себя ратоборцем. Успехи на ниве журналистики тоже давались нелегко. Пока сотрудники журнала «Театр» не оценили не только человеческое обаяние Асаркана, многообразие его знаний, но природный дар, самобытное понимание драматургии, театральной игры. Среди тех, кто это принял как нечто безусловное, был и выдающийся искусствовед, умница Борис Зингерман, увидевший в Асаркане знатока и критика Б-жьей милостью. Журнал «Театр» тоже послужил пристанищем для неприкаянного бродяги, бескорыстно и беззаветно влюбленного в чудо сценического действия. Он не ждал всеобщего согласия, он ждал возможности выразить свое мнение.

Асаркан умел писать так, что о спектакле, о книге, которым вроде бы не уготован был шумный успех, начинали говорить в редакциях с уважением и интересом. Один из запомнившихся примеров – книга о Винни Пухе, снижавшая популярность после того как Асаркан на углу залитого чернилами стола в редакции «Нового мира» написал свою чудесную рецензию.

Он не игнорировал чьи-то взгляды, но придерживался собственных. На редакционных ли посиделках в «Новом мире» и журнале «Театр», в облюбованном ли им кафе «Артистическое» неподалеку от МХАТа. В этом кафе засиживались молодые актеры, художники, литераторы. Здесь читал свои стихи, пел свои песни Окуджава. Но книгу о его стихах Асаркан, вопреки намерениям, не написал. «Громадьё планов» превышало возможности. Он писал об эстраде, театре, кино, телевидении, тонко анализируя и взыскательно оценивая.

В популярной одно время аджубеевской «Неделе» безотказно печатали Асаркана, цена своеобразие всего, что выходило из-под его пера.

Привязанность к московским улицам не помешала Асаркану отправиться в автопробег, проделать тысячи километров по Сибири и Алтаю, деля с гонщиками несказанные тяготы путешествия.

Между тем, к молодым еще недавно актерам и художникам приходила зрелость. Иные получали признание и матерели. Кто-то устаивался лестного, однако слегка обременительного звания «заслуженного». Обычно это предполагало перемещение в зону относительной житейской стабильности и гарантировало крышу над головой.

Крыша над пятью квадратными метрами в Кривоколенном не относилась к надежным. Что, однако, не помешало Асаркану жениться, растить дочь и оставаться самим собой, со своей неизменной душевной щедростью.

Он был отнюдь не из породы остряков, весельчаков, заводил. Но с его появлением в прокуренном редакционном кабинете, в кафе с неповторимыми ароматами что-то менялось даже в самой обыденной обстановке. И коли собирались по признаку давнего знакомства либо под влиянием вдруг вспыхнувшей симпатии, безотчетной приязни, звали Асаркана, так и оставшегося Сашей. Ставили на стол любимые им сладости. Обменивались новостями и выпусками «самиздата». Казалось бы, все устаканилось, вошло в колею. Обрело постоянство.

Для кого-то вошло, обрело. Но не для Асаркана. Менее всего склонный к фронде, бунтарству и диссидентству, он ни в коей мере не отличался склонностью к конформизму, готовому принимать сущее как единственно возможное и неизбежное.

К концу семидесятых на него навалилась тоска. Советская явь обрушилась сверху во всей своей тупо-бравурной безысходности.

Освоив итальянский, он читал газеты, выходившие в Риме, следил за дебатами в парламенте. Его манила эта страна с великой историей, запятнанной фашизмом, от коего избавилась не без помощи искусства, обнажившего правду недавних времен.

Борьба за выезд предполагала не только упорство, но и бесстрашие. Александру Асаркану доставало того и другого. Друзья собрали ему денег. На исходе восьмидесятого года он вышел на улицы Рима. Но оставаться в Вечном Городе ему запретили. Победа над фашизмом не равнозначна победе над неистребимым бюрократизмом. Вопреки намерениям и планам, ничего не оставалось, кроме как отправляться за океан.

Свыше двух десятилетий он прожил в Соединенных Штатах, поддерживая переписку с десятками давних друзей и приятелей. Для каждого получившего от него весточку – в прозе, а то и в стихах, – наступал праздник.

Вот одна из его открыток, доказавшая, между делом, что ему известно все свершающееся на берегах Москвы-реки, в районе Кривоколенного переулка. «Читая критику в “Знамени”, я думал...» Думал о самом разном и неожиданном. На обороте – живописно обряженные индейцы отправляются на охоту. Асаркан их напутствует стихами: «Красная армия, черный барон. / Снова к нам едут стрелять ворон/Но от тайги до британских морей / Этих ворон перебил еврей».

Он оставался самим собой, ни о ком и ни о чем не забывая. И уж, разумеется, о дочери Анне, получившей в Англии высшее образование и наградившей отца пятью внуками.

Александр Асаркан отнюдь не страдал ностальгией. Он страдал от болезней, приобретенных еще на родине, в Кривоколенном. Они не отпускали его на вполне благосклонной чужбине, и та оказалась бессильна против тяжких недугов, привезенных из-за океана.

1 февраля 2004 года его не стало.

ДВОЕЧУВСТВИЕ

Бенедикт Сарнов

В России со времен Петра существовало нечто вроде государственной монополии на духовную жизнь общества. Наполеон это оценил. Он говорил Александру Павловичу: «Вы одновременно император и папа. Это очень удобно».

Это было действительно неплохо придумано. Но это было не доведено до конца. Имелись некоторые неудобства. Кое-какие сферы духа находились в частном владении, и хотя и были подконтрольны цензуре, но все-таки монополизации не подлежали. Во всяком случае, когда веселые создатели Козьмы Пруtkова сочиняли свой знаменитый проект «О введении единомыслия в России», они наивно полагали, что это – шутка, гротеск, гипербола, фантазмагория. Им в голову не приходила возможность того, что вся нация, от академика до дворника, будет постигать «смысл философии всей» по одной и той же великой книге.

Н.Я. Мандельштам в первой книге своих воспоминаний рассказывает, что, прочитав отзыв Сталина на сказку Горького «Девушка и смерть», Осип Эмильевич сказал: «Мы погибли...»

Она замечает при этом, что слова эти он повторял потом часто. Увидав, например, на обложке какого-то иллюстрированного журнала, как Сталин протягивает руку Ежову. Да и мало ли их было тогда, куда более зловещих и жутких сигналов, предвещающих неизбежную гибель – не только его собственную, гибель всей русской интеллигенции, всей русской культуры, гибель самой России. Но впервые, – свидетельствует Надежда Яковлевна, он произнес эти слова именно вот тогда, когда прочитал знаменитую реплику Сталина о горьковской сказке.

Странная вещь, непонятная вещь! Да что в конце концов такого уж страшного было в этом дурацком сталинском замечании? В особенности если сравнить его с другими – откровенно людоедскими – высказываниями, а тем более деяниями «отца народов»!

Но слова Сталина о горьковской сказке не зря наполнили душу Мандельштама таким леденящим ужасом. Черт с ним, пусть дружески протягивает руку Ежову. В конце концов это его дело. И ничего такого уж особенно нового нет в этом трогательном рукопожатии властителя и палача. Чего там! «Власть отвратительна, как руки брадобрея». Но тут эти «руки брадобрея» потянулись к Гете, прикоснулись к «Фаусту»...

Ладно бы еще, если б эта дурацкая сталинская реплика была просто личным, частным мнением Иосифа Виссарионовича Джугашвили. Но вылетевшая из уст вождя, она, как и все, что из них вылетало, мгновенно обретала силу закона, высочайшего указа: отныне всем и каждому предписывается считать, что эта штука посильнее, чем «Фауст» Гете.

* * *

Сталин ввел государственную монополию на духовную жизнь каждого члена общества.

По давней традиции, унаследованной от русских императоров, он сам, лично, объединил в своем лице светскую и духовную власть. Но он пошел гораздо дальше русских царей. Он являлся в то же время как бы незримым духовником и цензором каждого мыслящего члена общества.

Каждое свое душевное движение, каждый поступок поверять мысленным обращением к Сталину (или к его портрету), затаив дыхание, гадать, одобрит Сталин или нет, нахмурится или улыбнется, поощрит или упрекнет, – все это стало нормой мироощущения советского человека:

וְיָרֵא לְעַיְנֵי הָעָם וְיִשְׁמַע לְדִבְרֵיהֶם

Нечто похожее мы ощущаем и здесь:

*Èæ ááðáá è ì ááá - Óááððéíá í íéáò, -
Á áíúàòíì áíçááá ì ù ñááá áíáì ñíááè,
È áí áñòá í áñ áááò ñéíèðúé óéíò
Ðáñ èéáí í úò áóáíá è ýáíðíáé ì ááè.
È á éíéúáò ñááè óíý áúá ñ íéà, ñ - áñí
Í í ðáçáá ñááöá - èèóú èíí óááí í íá ì ýñ?
В ñááöáì áéííáò - è ñááöááé í ú - áñòú
Áí ááéííá-ííð è ðáñ èðáí í íá - áñá
× áñ í áñúàðú è è ááñ-èñéáí í úò áðçáé,
× áñ áñçí úò í éíúáááè ñí-áñò èéáí ì è áéçáì è...
В íáááò áúá áéçáì è í éíúáááí áñé
Ýòé í éíúááè ñááçáì áí éáñí è.*

Слова «Я сердцем виноват» и «сердцевины часть» прямо указывают на генетическую близость этого стихотворения тому, с которым Н.Я. поставила его в один ряд. Но строка о площадях «с счастливыми глазами» напоминает о самых беспомощных строчках «оды». Последние две строки: «Я обведу еще глазами площадь всей Этой площади с ее знамен лесами» – тоже оттуда, из «оды». И косноязычие их – не поэтическое косноязычие Мандельштама, оно совсем иного свойства.

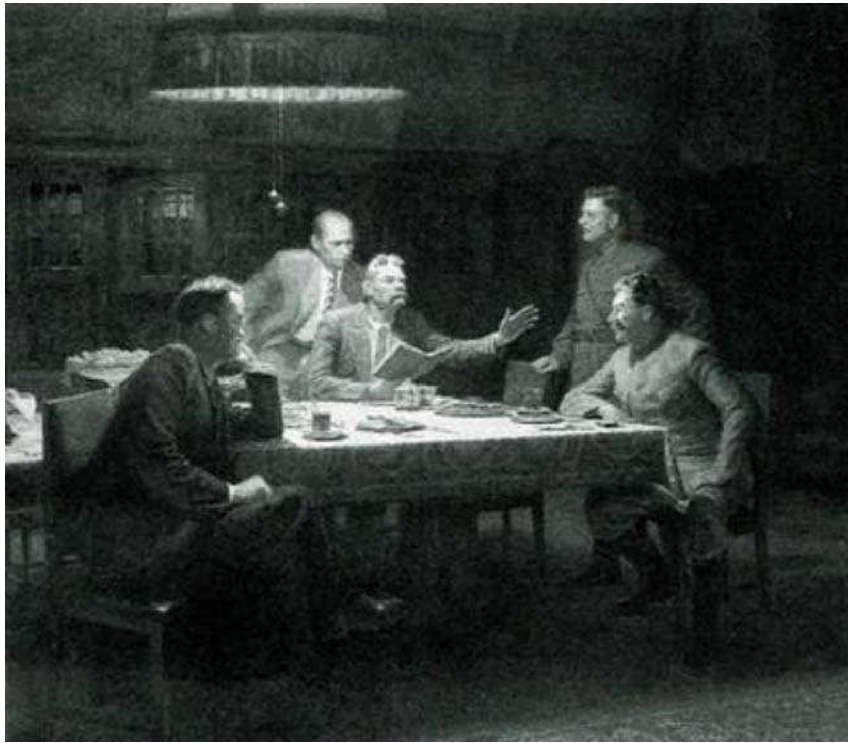
Но тут же, рядом, совершенно гениальная, воистину мандельштамовская строка: «Но разве сердце – лишь испуганное мясо?»

При кажущемся отрицании такого якобы кощунственного предположения тут слышится и толика сомнения: а что, если это действительно так? Если сердце, изнемогающее от боли, рожденной сознанием его вины, и впрямь всего лишь «испуганное мясо»? То есть, если самую основу чувства вины, гнездящейся в его сердце, действительно составляет всего лишь испуг (страх)?

Уже одной такой строки было бы довольно, чтобы услышать в этом стихотворении не просто настоящий поэтический голос, как выразилась о нем Надежда Яковлевна, но – **голос Мандельштама**.

И все-таки оно несопоставимо с тем, которое Н.Я. поставила с ним рядом.

В стихотворении «Средь народного шума и спеха...» нет и следа этой чересполосицы ясных – и невнятных, живых – и мертвых, безжизненных, вымученных строк. Оно все – от начала до конца – выговорилось на одном дыхании. И прямо-таки поражает своей органической цельностью, неподдельной, из самой души идущей и за душу берущей искренностью:

*Ἐὰν δὲ εἰς τὰ ὄψιμα εἰσὲς Ἀ.Ἰ. Β.δ. Ἐδῆα· αἰ εἶ: «Ἀ.Ἰ. Ἀἰθῆρῆε ἔο δ' ἀπὸ Ἐ.Ἀ. Νῶα εἰς Ἀ.Ἰ. Ἰ. ἰεῖ ὁ ἰσὸς ἔ
Ἐ.Ἀ. Ἀἰθῆρῆε ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς «Ἀἰθῆρῆε ἔο δ' ἀπὸ ἰσὸς»».*

Ἰ. ἰθῆρῆε ἰεὸς ὁ ἰσὸς, ἔο ἰσὸς αἰεῖ, -

Ἀἰθῆρῆε αἰεῖ, ἰεὸς ἰσὸς ἔο δ' ἀπὸ αἰεῖ -

ἔο ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς αἰεῖ,

Ἰ. ἰθῆρῆε αἰεῖ ἰεὸς ἰσὸς αἰεῖ.

Ἀ. ἰσὸς ἰσὸς ὁ ἰσὸς αἰεῖ ὁ ἰσὸς -

Ὀἰεῖ ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς αἰεῖ

Ἀ. ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς αἰεῖ ἰσὸς

Ἰ. ἰσὸς αἰεῖ ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς αἰεῖ

ἔο ἰσὸς ὁ - ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς -

ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς αἰεῖ ἰσὸς αἰεῖ,

ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς αἰεῖ ἰσὸς αἰεῖ

Ἀ. ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς ἰσὸς αἰεῖ.

Так что же? Неужели Сталин в своих предположениях был все-таки прав? Неужели он действительно был непревзойденным специалистом по вопросам «жизни и смерти»? Неужели он лучше, чем кто другой, знал меру прочности человеческой души и имел все основания не сомневаться в результатах своего эксперимента?

* * *

«xοί οαι η ίει ε άεεε?.. Εαετέ αυγατευρετέ ίαδαίτοεά ί ίαααεε εο άεεε?.. Εαε άίαεεεηί οίά, ÷οί ίίε οαε ί ίαδραίί, οαε εφεδαίί, οαε αααεοαεηί ε εδαηί ίδα:εαί ίαααεεε ηαύ, ί δεçí ααεεηί ά ί αηυαηό αφ υαε αεί ά?..»

Весь мир бился над этой загадкой, когда в Москве в 1937-1938 годах шли так называемые открытые процессы над Каменевым, Зиновьевым, Бухариным, Рыковым и другими бывшими «вождями» Коммунистической партии и советского народа.

Случай Мандельштама имеет самое прямое отношение к той же роковой загадке. Более того, в нем «загадка» выразилась, так сказать, в химически чистом виде.

Во-первых, немного было людей, у которых тщательно скрываемая антипатия к Сталину вылилась бы в такой открытый вопль ненависти:

Οαδαεαί υε η άποηή όηε υα

Ε ηεγρò αη άεαίευα!

Во-вторых, во множестве других случаев нельзя с такой несомненностью утверждать, что раскаяние было искренним. Даже письмо Бухарина – то, которое он велел жене выучить наизусть и адресовал будущему руководству ВКП, – даже оно вряд ли было написано с полной откровенностью. Тем более признания на процессах... Какая уж тут могла быть искренность!

А поэт – он на то и поэт, чтобы искренность его не вызывала сомнений. Стихи (если это действительно стихи, а не рифмованные декларации) могут служить в этом смысле самым убедительным документом. Особенно такие, обжигающие искренностью, как стихи Мандельштама о его вине перед Сталиным.

Легко может показаться, что «случай Мандельштама» не имеет решительно ничего общего с загадкой московских процессов. Ведь даже в 30-е годы, когда вера в Сталина была слепа и непоколебима, даже тогда многим было ясно, что «открытые» московские процессы – это чудовищный спектакль, грандиозная фальсификация, наглая, грубая, циничная. А стихи Мандельштама – подлинные. Тут никакой фальсификации нет и в помине.

Но ведь и применительно к московским процессам 30-х годов слово «фальсификация» тоже далеко не все объясняет.

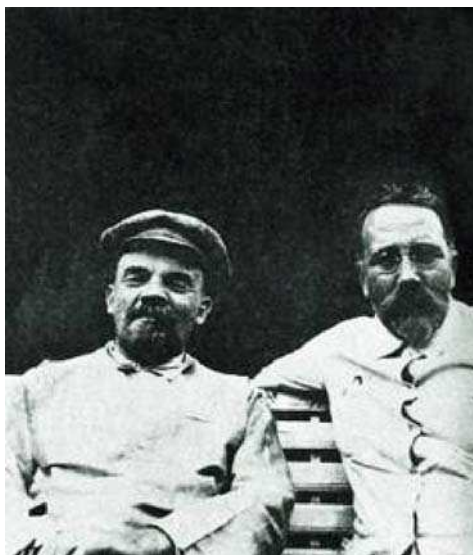
Даже те, кто ни на секунду не сомневался, что все показания обвиняемых, все звенья этого чудовищного самоговора фальсифицированы, – даже они понимали, что обычных, тривиальных объяснений этой фальсификации (пытки, шантаж) тут явно недостаточно. Высказывались и нетривиальные: гипноз, актеры вместо обвиняемых, химия, ложные процессы (обвиняемый не знает, что происходит: премьера, то есть уже настоящий процесс – или очередная «генеральная репетиция»).

Более проникательные современники понимали, что загадка не может быть объяснена только лишь применением каких-либо – любых, пусть даже самых изощренных – средств внешнего давления.

«Í ηò ααεοαηή çαηαείε άεγ άηαά ί εδα ίάίί ηγοί ία ί ίαααί εα ία Í ηηεí αηεεο ί όí οαηαο 1936 - 1938 αη οαεεο όεαό, εαε Αόοαδεί, Δύεíá, Íγòαεíá, Εαί άίά, Εδαηόεί ηεε, Δαεí αηεεε ε άδύεά ίά ί ίαεά άυόυ ί αύγíη άί ί όίεηεί οαι, ÷οί εο “οεçε:αηεε” ί ό:εεε. Αί αηδα ηγοεí άυεí ε άδύαά, ί:άί ύ ηεíαεί ίά ÷οί çαηò ααεγεί “ηçí αααουή”, η:εοαού “ί δαηό όί ύί ” εο όεεί ίò “αί αδαεηί ε εείεε”».

(Í. Ααεαί οεί ίά «Í αάí δεηάαί ί υε ί ίδò δαò...».

Í.: 1993, ηò δ. 172)

Л. Б. Каменев с В.И. Лениным в Горках, сентябрь 1922 года.

* * *

Одна из самых нетривиальных попыток проникнуть в эту мрачную тайну была сделана Джорджем Оруэллом в его знаменитой антиутопии «1984».

Ситуация, изображенная в этом романе, поразительно похожа на случай Мандельштама.

Главная коллизия романа состоит в том, что герой усомнился в мудрости режима и непогрешимости Старшего Брата. Сомнения свои он доверил тщательно спрятанному в глубокий тайник дневнику. Но тайна эта, как выяснилось впоследствии, не была тайной для всевидящего ока Министерства Любви. Герой арестован.

В таинственных застенках Министерства, о которых шепотом рассказываются жуткие легенды, его подвергают сложнейшему психологическому воздействию. Цель этого психологического воздействия состоит в том, чтобы просветить душу заблудшего словно бы рентгеновскими лучами и полностью очистить, «оздоровить» ее, то есть искусно деформировать по нужному образцу.

Как выясняется по ходу дела, в распоряжении сотрудников Министерства Любви имеются тонко разработанные, не знающие никаких осечек хитроумнейшие средства для достижения этой цели.

Когда цель достигнута, героя выпускают на свободу. Но участи своей он не избежит. Все равно его убьют. Но прежде чем это произойдет, он должен быть полностью раздавлен, полностью побежден морально. В душе его не должно остаться ни одного темного пятнышка. Он должен быть кристально чист перед партией и государственной машиной.

Роман завершается фразой: «Он любил Старшего Брата».

Оруэлл понял и раскрыл многое в механизме тоталитарного режима. Причем сделал он это в ту пору, когда природа этого механизма была для всех еще за семью печатями.

И все же есть в его концепции некая брешь. Если рассматривать роман Оруэлла как пророчество, придется признать, что он ошибся в главном. Если же рассматривать его как памфлет, придется признать, что в таком случае он сильно польстил Сталину и всему сброду его «тонкошеих» соратников.

А.Е. Диева è А.Е. Ёаг ег і іггá çàììààг èу Ñгáг àðеггг à ДÑÒÑД, 3 гèòуàдý 1922 ãàà

Что там с ними делали?.. Какой дьявольской обработке подвергли их души?.. Как добились того, что они так подробно, так искренно, так убедительно и красноречиво признавались в несуществующей вине?..

Режим, изображенный в романе Оруэлла, – это олигархия умных, образованных, сильных, одаренных людей. Режим создан ими и продуман во всех деталях как максимальная гарантия прочности и незыблемости их власти. Он представляет собой с этой точки зрения абсолютное совершенство.

Чиновник Министерства Любви, к которому попадает герой романа, дьявольски умен. Как личность, он неизмеримо крупнее и сильнее жалкого, нравственно раздавленного героя. Средства психологического воздействия, имеющиеся в распоряжении Министерства Любви, ужасны прежде всего тем, что они основаны на безусловном и абсолютном знании самых глубинных тайн человеческой психики.

В распоряжении палачей имеются сложнейшие механизмы, с помощью которых можно добиться физического и душевного страдания, предельного для данного индивидуума. Но, помимо всех этих усовершенствованных и научно разработанных пыток, помимо изоциренных бесед, помимо всех мыслимых форм подавления воли, есть еще нечто. Палачи исходят в своей деятельности из того, что подсознание арестованного не является полностью «очищенным» до тех пор, пока не искоренены, пока не выкорчеваны все его тайные привязанности. Полное «очищение» произойдет лишь в том случае, если арестованный отречется от того, что ему более всего дорого. Скажем, предаст любимую женщину. Причем отречется искренне.

На этот случай существует «Лаборатория № 101». Что делают с арестованным в этой лаборатории, не знает никто. Знают только, что нет человека, который был бы способен это выдержать. А делают там вот что.

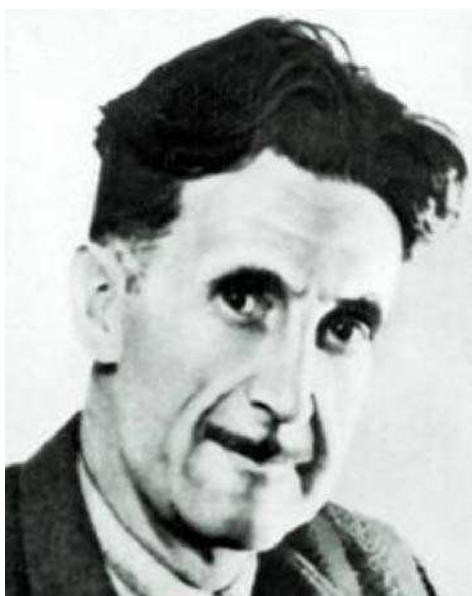
Зная самые сокровенные тайны человеческой психики, палачи исходят из того, что в глубинах подсознания каждого человека есть некое темное пятно, некий источник неизъяснимого страха, неизъяснимого ужаса: то, что для него – страшнее всего на свете. У каждого это что-то свое, очень индивидуальное, очень личное.

Просветив своим дьявольским р

Ἐπισημὰ Ἀρχειοφυλάκου Μνηστείου καὶ ἐξομολογῶν. Ἰερωδωτικοὶ ἀπομνημονεύματα τοῦ Ἰωάννου. Ἰωάννου ἐξομολογῶν ἐπὶ τῇ ἐξομολογήσει τοῦ ἐπισημίου ἀπομνημονεύματος «Ἀπομνημονεύματα». Ἰ.Ι. Ἀρχειοφυλάκου ἐπὶ τῇ ἐξομολογήσει - ἐξομολογῶν ἐπὶ τῇ ἐξομολογήσει τοῦ ἐπισημίου ἀπομνημονεύματος «Ἀπομνημονεύματα».

Так обстояло дело с духовными запросами Старшего Брата и его ближайшего окружения.

Эти мемуары сталинского генерала если и вызывают какие-то литературные ассоциации, то не с Оруэллом, а скорее уж с пушкинской «Капитанской дочкой». Вспоминается попойка у Пугачева, где атаман важно называет своих подручных «господа енаралы».

Ἰστορία ἐπὶ τῇ ἐξομολογήσει τοῦ ἐπισημίου ἀπομνημονεύματος «Ἀπομνημονεύματα».

* * *

Следователь, допрашивавший Мандельштама, даже отдаленно не напоминал описанного Оруэллом утонченного интеллигента, возглавляющего один из отделов всемогущего Министерства Любви. Наш следователь действовал просто, без затей. Средства, которыми он пользовался, поражают не столько своей изощренностью, сколько патриархальностью.

Мандельштама кормили соленым и не давали пить, на допросах направляли ему в глаза яркий свет лампы, чем вызвали у него тяжелейший конъюнктивит, сажали в карцер, завязывали в смиренную рубашу.

Что касается средств психологического воздействия, то они тоже не отличались особой тонкостью. Следователь только и умел, что однообразно запугивать своего подследственного, называя крамольные стихи «акцией», квалифицируя их как «террористический акт» и тупо угрожая автору расстрелом.

Интеллигентный умница-палач, описанный Оруэллом, как я уже говорил, знал про своего подследственного решительно все. Знал самое тайное, самое сокровенное.

Реальный следователь НКВД не знал про Мандельштама даже того элементарного, что обязан был знать по роду своей нехитрой деятельности.

«Большевизм – есть партия, несущая идею претворения в жизнь того, что считается невозможным, неосуществимым и недопустимым... Ради чести и счастья быть в ее рядах мы должны действительно пожертвовать и гордостью, и самолюбием, и всем прочим. Возвращаясь в партию, мы выбрасываем из головы все ею осужденные убеждения... Небольшевики и вообще категория обыкновенных людей не могут сделать мгновенного изменения, переворота, ампутации своих убеждений... Мы – партия, состоящая из людей, делающих невозможное возможным: проникаясь мыслью о насилии, мы направляем его на самих себя, а если партия этого требует, если для нее нужно и важно, актом воли сумеем в 24 часа выкинуть из головы идеи, с которыми носились годами... Подавляя свои убеждения, выбрасывая их, нужно в кратчайший срок перестроиться так, чтобы внутренне, всем мозгом, всем существом быть согласным с тем или иным решением, постановлением партии. Легко ли насильственное выкидывание из головы того, что вчера еще считал правым, а сегодня, чтобы быть в полном согласии с партией, считать ложным? Разумеется, нет. Тем не менее насилием над собой нужный результат достигается... Я слышал следующего вида рассуждения: она (партия) может жестоко ошибаться, например, считать черным то, что в действительности явно и бесспорно белое... Всем, кто подсовывает мне этот пример, я скажу: да, я буду считать черным то, что считал и что могло казаться белым, так как для меня нет жизни вне партии, вне согласия с ней».

(Γ. Αἰεταί οὐκ ἴα Ἰγὼαεῖτᾶ ἐ ἀτῆυκᾶαεῖ. Ἰ ἰαῖτῆ αεὸδῖ αε. ¹ 52, N.Y., 1958, πὸ δ. 148)

Удивительное признание это проливает свет на многое. (В том числе и на терзавшую современников загадку знаменитых московских процессов 30-х годов, жертвой одного из которых стал и автор этого письма.)

Но какое отношение все это может иметь к Мандельштаму? Ведь он был бесконечно далек от большевизма. Во всяком случае, никогда даже и не помышлял о том, чтобы влиться в железные ряды членов большевистской (коммунистической) партии.

Чтобы ответить на этот резонный вопрос, сошлюсь на еще один человеческий документ, отчасти вскрывающий самый механизм той «ампутации своих убеждений», о которой говорил Пятаков.

В марте 1936 года в «Правде» была напечатана статья «Сумбур вместо музыки», в которой тотальному разгрому подверглась опера Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда».

Статью эту прочел писатель Юрий Олеша (тоже, кстати говоря, никогда не помышлявший о вступлении в партию, и стало быть, не связанный никакой партийной дисциплиной). И вот что он при этом подумал:

«Αἰεταί ἰ δεῖτᾶ αὐτῆ, -οἱ εἰτᾶα ὕ ἰ δῖ-αε πὸ αὐτῆ “Νοὶ αὐδ αἰ ἀνὸ ἰ ὀκῖεε”, ὕ δαῖνδ ἀδῆεῖν. Ἰ ἀδῆν ἰ ὑὸαῖτᾶ εἰ ἀτῆ ἰ δῖτᾶ αἰ. Β ἰ ἰ αὐτῆ αε: ὕ οἱ ἰ αααδῖ ἰ. Οἰ πὸ αεῖτᾶε-ᾶ δῆαδῶ ἰ αεῖκῦ, Οἰ πὸ αεῖτᾶε-εἰεῖρ-εὐαεῖν ἰ α ὕαῖτᾶ εᾶ ᾶ ἰ α αὐτῆ εἰεῖνδᾶ ἰ α ὕαδῶ ἰ πῆεῖν ἰ αααδῶεᾶ ἰ ἰ ἰ αἰ ὀ κῖτᾶ ἰ ερ. Ἰ ὀκῖεᾶ Οἰ πὸ αεῖτᾶε-ᾶ ἰ ἰ α ἀτῆα ἰ δᾶαεᾶαἰ.. Ἐ ἀαδῆ ὕ -εὐαῖρ ᾶ ἀααδᾶ “Ἰ δᾶαα”, -οἱ ἰ ἰ αδᾶ Οἰ πὸ αεῖτᾶε-ᾶ ἀνὸ ὕ “Νοὶ αὐδ αἰ ἀνὸ ἰ ὀκῖεε”. ὕ οἱ πῆααεᾶ “Ἰ δᾶαα”. Ἐαε αᾶ ἰ ἰ α αὐδῶ π ἰ ἰ εἰ ἰ οἰ ἰ αῖτᾶεᾶ ἰ Οἰ πὸ αεῖτᾶε-ᾶ?..»

(Αἰεεῖτᾶ ἰ ἀδῖτᾶ ἰ α εἰεῖνδᾶ. Ἐς δᾶ-ε δῖ α Ρ. Ἰ εαε. Ἐεὐαδᾶ αὐτᾶ ὕ ἀααδᾶ, 1936, 20 ἰ αδᾶ, ¹ 17)

Р δεε Γ εαοα: «ΕΓαα γ ι δι:αε ποαοιφ “Να αοδ αι αοι ι οαεε”, γ δαηο αηεηη...»

Казалось бы, у нормального человека тут может быть только один выход: не согласиться со статьей «Правды», остаться при своем, особом мнении. И все тут. Необязательно даже заявлять это свое особое мнение публично. Если бы речь шла о том, заключать или не заключать пакт с Гитлером, или, скажем, о всеобщей коллективизации и ликвидации кулачества как класса, – ну тогда другое дело! Но неужели он не может позволить себе иметь свое крошечное собственное мнение по такому пустяковому, сугубо частному вопросу, как отношение к музыке Шостаковича?

Оказывается, не может:

«Εαα:α αηαα αηεη ηεααοου ηααα γ ια ιοεααηηηι ε ιοααδαι οου αεγ ηαι ιαη ηααγ, αι οοδδ, ι ιαι εα “Γ δαααυ”».

Ε:αι οαυ γοι ι δεααει? Ε Γ:αι υ ογ:αεαυι ι ηεοηεηαε:αηεει ι ηηεαηηοαεγι.

Ο ιαη οηααδουε, αηηι δεηηηε ιαηαηηοαηηηε αεεηε αδααη:αεηη ηαηεαη. Ο ιαη ιαο α αεεηε ε αηγοαεηηηοε αηηααδηοαα ηαι ηηοηγοαεηηι δαηηοαηεο ε ααααοαηεοηη εεηεε. Αηηι αηηοε δεηηηεα ηαηεαη υ, ααεηηο αοαηηο αοαα ε ιηα:εηαη υ ηαιε εεηεε... Αηεε γ ια ηαεαοαηηη γοηε εεηεαε α εαεηη-εεαη ιοδαεα, οη αηηη ηεηαηηε δεηηηε αεεηε, ι εηοηηηι γ αοη αη ε ιεοα, αεγ ι αηγ εε:ηη δοοηαο: ι ια αηεαηη ιααηηοαου ιοαεοηηη ι ηαα α:οη εαααοηηη ια οαεει ιααγοαεηη υι. Γ αι δεηι αδ οη, α:οη ι ηεηαηε δααη:εε α ηαηο ηη:υ ιοηεαηε ιαααηηοο α ααεα αηαυ:ε αεγ ε ηοαε αηηι εδηη αηαι αηεουι. Εεε οη, α:οη Εεοαεηηα ααεο α Εαηααο ε ιοηεαηηεο δα:ε, αεεγ ηεα ια ηαηαυ Ααοηηυ. Εεε οη, α:οη ηααοηεεα ηοδαεε α ηηηογ:αηεε η αι αδεεαηηεει ε ηεααηααηοηη ηαααεοαεγη ε, εεε οη, α:οη ιοααου Νοαεηηα Δηε Αηααδαι οηηηοηαεαηηηι ααααηεαη οεοεδουηοηη ηα:αοιφ αηηα ι εδα

Αηεε γ ια ηαεαοαηηη ηη ηοαοηηηι ε “Γ δαααυ” ια εηεοηηοαα, οη γ ια εηι αη ι δααα ηηεο:αουι ιαοδελοε:αηεηα ααηαηεηηοαεα ιο αηηηδεγοεγ γοεο ιδααηηηαηηο αααε - ιο αηηηδεγοεγ γοηαη αδηηι αοα ηηεαηηυ, ηηααηηηηηηηοε, ααα:ε, εηοηηοηε ι ια οαε ιοαεοηηη...»

(Οαι αε)

Олеша очень тонко почувствовал претензию того удивительного общества, к которому он принадлежал, на полную, абсолютную, тотальную власть над душами своих сограждан. Он очень правильно понял самую суть дела. Суть же эта состоит в том, что тоталитарное государство не удовлетворяется формальным признанием своей правоты. Признание это должно быть абсолютным и – мало того! – совершенно искренним.

á Èðàì èü àí σαέ,

Δαρά δάα

δαίνο ύίεέ

οίενοεία

Αίεταρ ιταείίε

ò γαέ.

Такие стихи не лгут. Мандельштам, как и герой Оруэлла, прежде чем его убили, успел всей душой полюбить Старшего Брата.

* * *

Í áσασίíí ññòύίεέ Í áíáεúσòáì á á γòí áðáì ý í íαείí ññεòúíí γίεçáá, í εíòíðíí δαίñεαçíááò Ý.Á. Άάδσòαεί:

«È íí γòúí òαείέ αά áá:áð

Í ñεí Ýí εεúñεε: ññ íáá εάεεò íá òασòá, íí áçäýä ó íáá çáñòúáσεέ. Β ñεαó íáíðíðεά δαçá áíð íáσ αέá σάεεòíý. Í αείíáσ, íí íðεçííñεò:

- Í ííεí áαòá? Èòí-òí íðεñεάε í íá íáαρ εòáεúýíñεσρ εíεáσ íá áðδεòáεòσðá. Á ááúí á Èòáεέε òáσεçí ...

Í í ááñíεείí í ÷áí-òí δαçí úσéýáò. «Í í-íáñòύíñáí ó ý áñεαáí íñεòε á ÁÍ Ó ε ññ íαεεòúíá γòíí. ×òí áú òαé íá í áíý ññ íðεòά?»

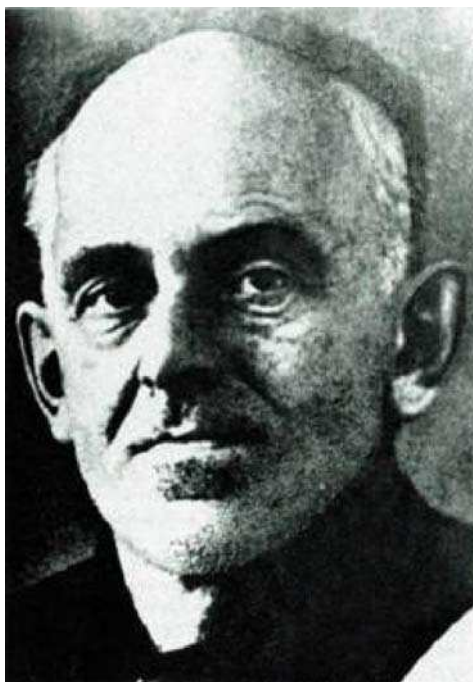
Áεαçá ó íáá ññ áðσáííí ñòáεéýííúá, εáε òíáá, εíáá íí íðεáñε εç ×áðáúíε.

- Á δαçá áú íá íñεέ áú á ÁÍ Ó, áñε áú, íáíðεí áð, óçíáεé í íñεεòε-áñεíí çáñáíðá íðíðεά íáσáε ñòðáíú? Èεé áíáíóρ òαείó òáσεñòíá, εíòíðáý ááñíααò íáσáí ó áññáðñòáá? Èñíá:íí, íñεέ áú. Áá, áá.. Áú ε ññε:áñí íαάòá íñεòε... Áá! Á ÁÍ Ó áñεαίú íñεòε áú. Áú ñεáαòά: «Í í γòó Í áíáεúσòáí ó íðεñíεαρò εç òáσεñòñείε Èòáεέε εεòáðáòσðá. Í í íá çíáαò, εòí áí ó ííááðáñíááò γòε εíεαε. Ýòí íðíáñεαóéý. Í αείí íðεíýòú í áðú, ÷òíáú íáðáεεòú ññ áαòñεíá íí γòά íò...» ε ò.á, ε ò.í. Β ñεσσáρ áá á ñ γòáíεε.

È ññ-áñòúρ, á γòí áðáì ý ááðí σεáñí Í ááý. Β óσεá, íε:áá áé íá ñεáçáá í íáσáí δαçá áíðá, òíðíí γñííá íñεááí εé òðáí ááé.

Í íá áñεí σεáñíí ò γαέáεί. Óí Í áíáεúσòáí íαçíá:ááò í áíý áéý σðáíáíεý òαείú áá áí òεñòáεείñεíá ñòεòí òáíðáíεý, òí ííñíεαáò á ÁÍ Ó ááεαòú ññ íαυáíεý».

(Ý. Άάδσòαεί. Í áí σáðú. Νòð 68 - 69)

Ἰ.Υ. Ἰ ἀϊάειυοαὶ : «Β οαίῦ Ἰ αἱ ὕ ἱαο. Ο ἰ αἱ ὕ αἱ οὐ οἰ εἰεἰ ἰ θαἱ οἰ ἀθιοῦ..»

Совершенно очевидно, что «двомыслие» Мандельштама, искреннейшее его стремление «найти во всем исторический смысл» – было ничем иным, как сублимацией страха.

Но страх, оледенивший его душу, не убил в нем поэта.

«Ἰ ἰ θαἱ οἰ αἱ εἰεἰ, - ἀαἱ δεο ἰ ἀοἱ ἱαεἱεἱε πῆεεἱ Ἰ ἀϊάειυοαὶ ἰ Ἀοἱ αοἱ ἱαἱ, - οἰ ἰ οἱ πῶ ἰ οἱ, οεδῶα, ἀεοἱ εἱ ἱ αἱ οαἱ εἱ ἰ ἱαεἱεἱεἱ ἰ πῶεαο Ἰ ἀϊάειυοαὶ ἰ εἱ αἱ ἱ ἰ ἰ Ἀἱ οἱ ἱαεἱ, εἱ ἱαἱ ἱ ἰ αἱ εἱ πῶαἱ ἱ αἱ ἱ αἱ ἱαἱ.»

(Ἰ πῆ ἰ Ἰ ἀϊάειυοαὶ εἱ ἀαἱ ἀαἱ ὕ. Ἰ.: 1995. Ἰ οἱ δ. 35)

Но она же вот так рисует его жизнь в этой самой воронежской ссылке:

Ἀ αἱ εἱ ἱ ἱαοἱ ἱ ἱαεἱεἱε ἱ ἱ ἱ οα

Ἀαεοἱ οἱ πῶεαο

εἱ Ἰ οαἱ ἰ ἱαἱ εἱ αἱ αἱ

Ἰ ἱ ἱ αἱ εἱ αἱ ο,

Ἰ ἱ οἱ θαἱ ἱ αἱ αἱ ο δαἱ ἱ αἱ οα

«В свой черед» – это значит, что страх отступал, когда «на дежурстве» его сменяла Муза.

Именно тогда Мандельштамом были написаны «Стихи о неизвестном солдате», в которых с потрясающей, пронзающей душу силой он выразил сознание своего родства с миллионами безвестных жертв «века-волкодава», сознание кровной связи своей судьбы с их судьбою:

Ἰ εἱεἱεἱ ἱ ἱ οαεοἱ οἱ οαἱ αἱ αἱ

Ἰ οἱ οἱ οαεε οδῶο ἰ ἱ οἱ οα

Ἀἱ αἱ οἱ ἱ ἱ αἱ, αἱ αἱ εἱ οἱ οἱ οαἱ

Î ò èèòà çàì èÿí ùõ èðàì îñòàé...
Î àèèàðòÿ èðàìð àíðòù
È çàò:èò ïí ðÿààì øàííòèí:
- В ðñæääí á ääÿí îñòí :àò ààðòí,
В ðñæääí á ääÿí îñòí àòíðí ...
È, á èóèèè çàèèì àÿ èñòàðòùé
Ãíà ðñæääí ùÿ ñ àððíàé
è àðòí,
В øàí:ó íàíèðñæääí ïùì ðòí:
- В ðñæääí á íí:ùñ àòíðí
í à òðàòùà
Вí ààðÿ á ääÿí îñòí íàíí
Î àí ààæéíí ãáó, è ñòíèàòÿÿ
Î èðææàðò ì àíÿ íàí.

Можно ли было яснее и непреложнее выразить уверенность в том, что и его – раньше ли, позже – не минет чаша сия.

Как же могли в той же душе, почти одновременно с этими, родиться строки, исполненные казенного – и в то же время искреннего – восторга:

Î ííã ñèðòòí ààè ïðàíòíÿùèõ
Ã íàèèõ èàò:èèàò è æí ààã.
È á òí ààðèùàò ðàèàò è :àùàò,
È á òí ààðèùàò ãðíàã.

Этот феномен, в отличие от того, что описан Оруэллом, можно было бы назвать не двоемыслием, а двоечувствием. Стихи Мандельштама воронежского периода являют собой едва ли не уникальный пример такого двоечувствия...

Здесь, в Воронеже, им были написаны все стихи, в которых с необыкновенной силой выразилась мучительная попытка примирения с действительностью сталинского режима:

В àíèæàí æèòÿ àùøà è àíèùøààÿ...
Èðàèð øèíàèùèðàññ íàðì æèíéíé ñèèààèè...
Î à Èðàññ íé ïèíùààè àíññ èðñææèè çàì èÿ...
Àíèè á ì àíÿ íàèè àðàèè àÿèè...

Î îÿ ñòðàí à ñ ì î îþ ãáíðèèà..

À àù, ÷àñá èðàí èáñèèá áíè...

Çàðèááí èèáñí àèí òí àèà × áí àááà..

В ññùóó á Àðèòèèá ì àøèí ññáòñèèò ñòóè..

В èðæèè á ìíèÿò ññáòñèèò ñòóè..

Ñðááùí àðíáííáñ óóí à

è ññááà..

Но в то же самое время там же, в Воронеже, были написаны и совсем другие стихи, противоположные этим не только по мысли, но и по чувству, по ощущению своего места в мире:

Èóáà ì íá ááòùÿ

á ÿòíí ÿí ááòá?

Î òèðùòóé ãðíá

ñòí àñáðíáíí óáííèè..

Î ò çàì èíóòùòÿ, ÷òí èè,

ìÿÿí áááðèè?

È òí÷àòíÿ ì ù÷àòù

í ò áñáò çàì èíá

è ñèðáííèè

Или это:

Î íæáò áùòù

ÿòí òí÷èà ááçùí èÿ,

Î íæáò áùòù ÿòí ññáòù òáíÿ:

Óçèè æèçíè, á èíòíðí

ì ù óçíáí ù

È ðàççÿçáí ù

ãèÿ áùòèÿ.

Или вот это:

Ýòí èàèàÿ óèèòá?

Óèèòá

*Î aî ääüüø àì à
xòí çà ôàì èèèÿ ÷ àðòíää -
Èàé áá
í á áíááðò úääé,
Èðèáí çâí-èò, à í á í ðÿì í.
Î àèí á í áì áùèí èèí áéí í ä,
Î ðààà íí áùé í á èèè áéí í ä,
È í ò ò ò ó ÿ à èèè òà
Èèè, ááðí áé, ÿ ò à ÿ ò à
Òàé è çíáàðòÿÿ íí èì áí è
Ýòí ä Î aî ääüüø àì à..*

И, наконец, вот это:

*Áùá í á òí áðÿ, áùáÿ í á í äéí,
Î í èðàà ñí è ù áí è í é-íí áðòí á é
Òù í á ñé á è á á è ù ÿÿ á á è-è áì ðà á í è í
È í á è í é, è ðí è í á ò ò, è á ð á é.
Á í ðà è ð á ñ í é á á á í ñ ò è, á ð ñ è í ò í é í è ù á ò á
È è á è ñ í è í á í è è ò á è á í, -
Á è á á ñ è í á á í í ù á í è è í í ÷ è ò á
È è ñ á á è í á è á ñ í é è ð ð á á á ç á á è á í.
Î á ñ-á ñ ò á í ò ò, è í ä, è á è ò á í ú á á,
Î ó ñ á ò è á è è á à ò á ð è í ñ è ò,
È á á á á ò ò ò, è ò í, ñ á ñ í í è ù á è á í é,
Ó ò á í è í è è í ñ ò ú í è í ð ñ è ò.*

Сколько здесь внутреннего достоинства, уверенного спокойствия! И с каким грустным, снисходительным сочувствием говорит поэт о тех, кто это достоинство утратил, кто «сам полуживой, у тени милостыни просит». Но эти, последние строки, – они ведь тоже о себе! В письме к Чуковскому, том самом, которое я только что цитировал, есть строки, ради которых все оно, в сущности, и написано:

«Β οάíü Î áíÿ í á ò. Ó ò í áíÿ á ñ ò ù ò í è ù è í é í ð á á ñ ò í á á ò ù Î áíÿ è æ á í ó ò í è è á ð ò í á ñ á ñ í á á è è ñ ò á í. Á Ñíðç í è ñ ò á á é í á ð á ù á ò ù ÿ á á ñ í è á ç í í. Î í é ò í ð ò ð é è. Á ñ ò ù í á é í ò í è ù è í ÷ á é í á á é á í è ð á, è è í ò í ð ò ò ó í í ÿ ò ò í ó á á è ó ò í á é í í è á ñ é á í í í á ð á ò è ò ù ÿÿ. Á í ó í è ð ó ò í è ù è í ò í á á, è í á á á

Чекисты в своей практике, как мы знаем, не гнушались и тех старых, испытанных средств воздействия, к которым прибегали палачи всех времен и народов. пытки, побои, самые гнусные и самые жестокие издевательства – все эти так называемые недозволенные методы ведения следствия широко использовались следователями НКВД. Но Сталин великолепно понимал, что в некоторых случаях даже эти «сильнодействующие» средства могут не сработать. Он знал, что есть нечто более страшное для психики подследственного, чем самая изощренная пытка.

Обычно до всех этих психологических тонкостей он не снисходил. Рассказывают, что когда ему доложили, что арестованные врачи не хотят признаваться в своих мнимых преступлениях, он молча ткнул себя кулаком в зубы, показывая – жестом, – что надо делать в этом случае.

Но при этом нельзя сказать, чтобы душа подследственного его так-таки уж совсем не интересовала. Просто, как истый материалист, он исповедовал доктрину, суть которой исчерпывающе, – хотя и не без иронии, – выразил Николай Олейников:

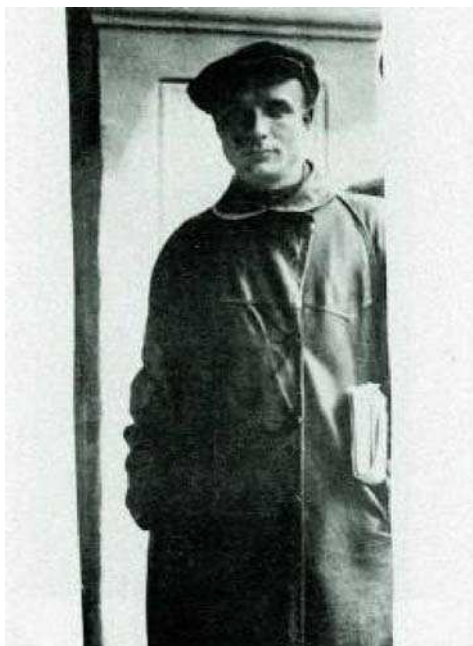
Í î í áëà àíëàçàëà,

× òí äóà í á ñóíáíò áúò,

× òí íá-áíëà, éíñòè, ñàéí -

Áíò ÷ òí äóó í á äàçúò.

И все-таки он знал, что существуют и другие, не только физические, способы воздействия на душу подследственного.

Í èéíëàé Íëáéí èéíá: «Í î í áëà àíëàçàëà, ÷ òí äóó í á ñóíáíò áúò...»

È. Nòàèèí: «À àú çáàòá, ñéíèùéí àíñèò íàσά àíñáàðíò àí, ñ àíñí è àí çáàíáàí è, í àσéíàí è, àðí èáé è òéíòíí ?»

«Í à íáííí èç èðàí èááíèèò ñááíáíèé È èðííá à íðéñòñòáèè Èááú, Ááý è Nèóóéíá àí èáááíáèè Nòàèèí ó í ðíáá ñéááíòáçý íí àíèó Ðáéíáíèùá, Í èááý è Èàí áí áá. Í èðííá áí èíáèé, ÷òí Èàí áí áá í èáçíááàò òí ðííá ñí ðí ò èáéáí èá í áéí í áááèáú, ÷òí áááíòíý áá ñéíí èòú

- Òáé àú àúí áàòá, Èàí áí áá í á ñ çáàòíý? - ñ ðíñé Nòàèèí...

- Í á çáò, - í òáàòèè È èðííá..

- Áú í á çáàòá? - ñ ðíñé Nòàèèí ñ ííá-áðéíóòúí áéèáéáí èáí, íðéñòáèùí í áçýáý í á È èðííá. - À àú çáàòá, ñéíèùéí àíñèò íàσά àíñáàðíò àí, ñ àíñí è àí çáàíáàí è, í àσéíàí è, àðí èáé, ñ àíñí àí ðí ðéáéáí è òéíòíí ?

Í èðííá è ááí íðéñòñòáçý èá ñ áéèáéáí èáí ñ í òðáèè í á Nòàèèí, í á íííèí áý, èóá í í èéííèò.

- Í íáúí áéòá è í òááíòúòá í í á - í áíòáèáèè Nòàèèí.

Í èðííá èúíáíòéíý, àúí áý, ÷òí Nòàèèí σóòèò. Í í Nòàèèí σóòèòú í á ñ áèðáèíý. Í í ñ í òðáèè í á È èðííá áí í éí á ñ ðí á çí í.

- È ááí ñ ðáσéááò, ñéíèùéí áíñ ýòí áíñèò? - í áíòáèáèè íí.

Í èðííá ñ áσáèíý. Í í áéáé, áíñ áí á í áááýíí, ÷òí Nòàèèí í ðíááòèò áíñ á σóòéú, í í Nòàèèí í ðíáíèáèè ñ í òðáòú í á í ááí á òí í ð á í áèááí èè í òááòá. Í èðííá í í áèé í éá-áí è è, í í áí á í òéíèùí èéò í á ýçáí áí á ñ éáçé í á ááðáí í úí á éíííí :

- Í èéòí í á í í áèò ýòí á çáòú Èíñéò Áéíñáðéíííáè-÷. Ýòí èç í áèáíòè áíòðííí è-áíèèò óèòá

- Í ó à í í áèò í áéí ÷áéíáé í ðí ðéáí ñ ò ýòú áááéáí èò òáéíá áíòðííí è-áíèíá áíñ? - ñ ðíñé Nòàèèí.

- Í áò, - í òááòèè È èðííá

*- Ἰὸ δ' αὖτ' ἄνδρα, ἴα μὲν ἀνδρῶν ἰατρῶν ἔσθ' ἔστιν ἄνδρα ἐξ ἀνδρῶν ἰατρῶν
μὲν ἄνδρα ἀνδρῶν ἰατρῶν ἔσθ' ἔστιν ἄνδρα.*

(Λέξις ἀπὸ Ἰδεῖα Ὁαίης ἐπὶ τῶν νόσων πρὸς ἰατροὺς ἐστὶν Ἰ.: 1991. πῦθ. 124-125)

Именно этого давления и не вынес Мандельштам.

Трудно найти москвича, тем более москвича потомственного, который не любил бы историй о старой Москве. Очерки Гиляровского всегда расходились, расходятся и будут расходиться миллионными тиражами. Из детства помню еще одну книгу – «Рассказы о старой Москве» (вот только имя автора забыл). А были еще «Записки замоскворецкого жителя» Островского и «История московских улиц» и еще множество других документальных книг и сборников, традиционно читаемых московской интеллигентной публикой...

Сборник «Евреи в Москве» – очередной выпуск серии «Прошлый век» неутомимого Михаэля Гринберга (несколько месяцев назад на страницах «Лехаима» я восторгался прелестными «Воспоминаниями бабушки» из этой же серии) – заполняет важную лауну в московской исторической саге. Конечно, и у Гиляровского, и в некоторых других источниках (главным образом, мемуарных) можно при желании наскрести крохи информации о еврейской общине Первопрестольной. Однако дело даже не в том, что летописцев «самого русского из русских городов» меньшинства интересовали не слишком, разве что как экзотическая деталь для оживления повествования. Для того чтобы узнать «Москву еврейскую», надо было описывать еврейскую жизнь изнутри и глядеть на Москву из окон еврейского дома.

Составители сборника именно это и сделали. Они аккуратно собрали все, что писали о своей городской жизни московские евреи, добавили взгляд на евреев «снаружи» – взгляд московских деловых кругов, постоянно имевших дело с евреями, и московских же антисемитов, постоянно, до полного осатанения, о евреях думавших, – присовокупили некоторые статистические материалы и получили серьезное, хорошо фундированное и одновременно легко читающееся исследование жизни евреев «на Москве».

Думаю, множества вещей, сведения о которых приводятся в сборнике, не знали даже «самые-самые» еврейские патриоты Москвы. Если истории о тайных проповедниках еврейства (скорее всего, мифических) и о приглашении в Москву еврея-врача известны из художественной литературы (поскольку всем все равно отрубили головы, истории эти обрели сугубую привлекательность в глазах писателей лажечниковской школы), рассказ о появлении в Москве постоянных еврейских жителей для меня, например, явился полным сюрпризом. Оказывается, уже при Алексее Михайловиче в Мещанской слободе значились несколько еврейских и караимских семей, «выведенных» русскими боярами из Речи Посполитой, а затем освобожденных и ставших купцами. При этом антисемитизма тогда не было – не только в нынешнем понимании термина, но и в понимании средневековом, конфессиональном. Один из «выведенных» был зачислен в Гостиную сотню – привилегированную группу наиболее влиятельных купцов царства Московского; другого православные коллеги избрали купеческим старостой... Интересно, что западноевропейцев в это же время селят отдельно, в Немецкой слободе, поскольку опасаются погромов.

Впрочем, древние известия о евреях интересны скорее историку-профессионалу. Для московского жителя особенно увлекательными будут все же очерки еврейской московской жизни XIX – начала XX вв. Просто потому, что пейзаж узнаваем – сохранились еще улицы и переулки, где вся эта жизнь происходила. Ну, разве что кроме Зарядья, одно время считавшегося «еврейским кварталом»: на этом месте уже давно стоит гостиница «Россия»...

Пересказывать тексты, включенные в сборник, смысла нет; если вы интересуетесь еврейской историей, или если вы потомственный москвич (вне зависимости от происхождения), прочтете сами. Отмечу лишь общую тенденцию: история евреев в Москве есть история борьбы евреев с властью. Почему-то именно в Первопрестольной власть объявлялась особенно дикая и лютая – один «голубой» в. кн. Сергей Александрович чего стоит! Слово нарочно выскочил, дабы опровергнуть тезис Солженицына, что русская власть была плоха с евреями по глупости, косности и природной «леворукости»: этот императорский родственник явно был плох с евреями исключительно по злобности и вредности. А еще имелись мало чем от него отличавшиеся генерал-губернатор граф Закревский и сильно Закревского напоминавший (только правивший раньше) генерал-губернатор князь Щербатов. Почему-то именно Москве так «везло» на

юдоедов. Причем на юдоедов не обычных, «для строгости» или «в рассуждении взятки», а каких-то нарочито противных и изобретательных, как будто им больше нечего было делать, кроме как только уестествлять немногочисленных московских евреев. Чего стоит безумная бюрократическая «карусель» с постоянными требованиями перестроить здание синагоги в Спасоглинищевском под последовательно запрещаемые учебные и благотворительные учреждения! И совсем уже запредельная история с претензиями губернского правления к раввину – почему, мол, тот записывает младенцев в метрических книгах... христианскими именами?! Имеются в виду имена вполне библейские – Моисей, Соломон и т. д.: но подчиненные его высочества, в библейской истории, видимо, нетвердые, правильным полагали именовать евреев только «уничижительными именами, вроде Ицка, Мошка, Пешка и т. д.»

Однако в сборнике есть истории и вне тематики «борьбы с порочной властью», сосредоточенные на описании еврейского быта в Москве на рубеже веков. Естественно, это быт еврейской элиты, upper middle class'a, поскольку еврейские низы не обладали правом жительства вне черты оседлости, тем более в столичных городах. Но по счастью сохранившиеся воспоминания принадлежат выходцам из семей не слишком ассимилированных. Именно «по счастью» – ибо вполне ассимилированные семьи просто жили такой же жизнью, как этнически русский средний класс, а эта жизнь описана в десятках и сотнях книг. Гораздо интереснее читать истории про то, как подросток из традиционной еврейской семьи решает проблему ношения гимназического ранца в шабос. Или про то, что бывает, когда все встают на колени на панихиде по покойному государю-императору, а еврейский мальчик ничего подобного не делает. Или о том, во что играют еврейские дети, оказавшись летом на соседних дачах в Сокольниках (тогда были дачи в Сокольниках!)...

В общем, читать сборник «Евреи в Москве» – большое удовольствие. По крайней мере, для коренных москвичей. Но, подозреваю, это еще большее удовольствие для москвичей бывших, проживающих ныне по всему миру – от Иерусалима до Лос-Анджелеса.

ÒÀÈÀΒ × ÓÁĬÀΒ ÈÁÐÀ...

Матвей Гейзер. Михоэлс.

М.: «Молодая гвардия» (серия ЖЗЛ), 2004. — 322 с.

Про Михоэлса написано уже, пожалуй, не меньше, чем про Сталина, так что выход очередной биографии сенсацией не стал и не станет. Наоборот – надо очень постараться, чтобы создать книгу о Михоэлсе, которую будет не скучно читать, которая не оставит впечатления de ja vu, de ja lu. Сразу же должен сказать – М. Гейзеру это удалось. Хотя начало книги мне не слишком понравилось. Честно говоря, чуть не закрыл через двадцать страниц. Правильно сделал, что не закрыл.

Предисловие откровенно настораживало. Описывая встречу с Сергеем Образцовым, автор пишет, будто «надеялся», что тот отсоветует ему писать книгу о Михоэлсе. Не хочешь писать – не пиши! Чувствуется некое кокетство – как говорится, «напрашивается на комплимент»... И тут же: «Судьба Михоэлса – это судьба умнейшего человека, понимающего все, что происходит вокруг... Он был человек очень умный и очень советский». Как сковородкой по голове.

Только в середине книги эта «советскость» Михоэлса получает расшифровку. «И он, и Маркиш... действительно верили в то, что Великая Октябрьская революция принесла равноправие евреям России... Без нее не было бы ни ГОСЕТа, ни еще двенадцати еврейских театров». Иначе говоря, преданность Михоэлса (действительно преданность, подчас до непопорядочности) советской власти была производным от создания с благословения этой власти еврейского театра. Единственной вещи, которая для Михоэлса имела настоящую ценность, – всю жизнь, начиная, по крайней мере, с девятилетнего возраста, когда мальчик Шлиома Вовси написал и поставил (и сыграл, естественно) моноспектакль под названием «Грехи молодости» (для девятилетнего ребенка – каково?).

Наверное, именно потому, что Михоэлс-человек всегда был функцией от Михоэлса-актера, у Гейзера не получилось начало биографии. Пока 28-летний студент Соломон Вовси не ушел с выпускного курса юридического факультета в неожиданный (уж для его возраста – точно) театр, никакой особенной биографии у него просто не было. Приходится давать описание эпохи. Не помогают даже цитаты из самого Михоэлса: он умел прекрасно передавать состояние души, но поистине ужасно описывал события.

К счастью, М. Гейзер не пошел по легкому пути. Из Михоэлса и так уже масса публикаторов сотворила Распятого-Страдальца-за-еврейский-народ, погубленного Сталиным и Лубянкой. При желании можно было бы набрать его политических деклараций и соорудить развесистую агитку. Вместо этого Гейзер последовательно ищет – и находит наконец – Михоэлса настоящего, Михоэлса-актера. Читателю предложен подробнейший анализ того, что он хотел играть, как он хотел играть, как отстаивал свою трактовку образа, как спорил о разводе мизансцен не только с режиссером Грановским, но и с художником, с композитором, с кем угодно.

Что касается его политических текстов, то при Советах было почти невозможно иметь интеллигентную профессию и не выступать на разных заседаниях с верноподданническими заявлениями. Ведь помните же! Они, эти тексты, были настолько «совковыми»... Временами кажется, что великий актер просто комбинирует готовые клише из «Правды» и выдает, совершенно не думая о том, что несет. «Жизнь с ее политикой была безумна», – замечает Гейзер. А Михоэлс « всю полноценность жизни» отдавал только театру, поэтому, кстати, он и мог сыграть безумца, отдавшего « всю полноценность жизни» кровавому театру революции.

Не менее подробно, чем о Михоэлсе-актере, рассказывает Матвей Гейзер о Михоэлсе-режиссере и педагоге. Он раскрывается в своих записях к постановкам, в воспоминаниях актеров, которым « ставил образ»...

Вот это все – Михоэлс настоящий, персонаж, словно нарочно созданный для серии «Жизнь замечательных людей». Все остальное – наносное, вынужденное участие в чужих играх. Рискну предположить – даже национальный вопрос для Михоэлса был крайне мало интересен. Да, разумеется, это именно еврейский актер. Но его еврейство, по собственному признанию, есть только то, что имеет отношение к актерскому мастерству, к театру. То есть – язык и культура. Здесь, наверное, скрыта глубокая драма еврейской составляющей таланта Михоэлса: он сам (и, видимо, совершенно искренне) отрекся от третьей составляющей нации – от веры, а без Б-га еврейская культура стоит на песке. Не исключаю, что и вообще всякая культура, но в еврейской культуре это уж очень бросается в глаза.

Отсюда, скорее всего, и творческие неудачи Михоэлса вроде попытки создания «социалистического еврея нового типа» в «Семье Овадис» – неудачи, которые сам он очень переживал, но не обязательно понимал причину. Или не желал понимать, упорно мостя благими намерениями известную дорогу. В какие-то моменты заигрывался в «совок» настолько, что описывал своего Тевье как некоего чекиста, находящего врагов народа! Так другой великий актер, немец Густав Грюндгенс, в то же время, но по другую сторону границы описывал Гамлета как воплощение арийства... Нет, он не был убежденным нацистом, но для него помимо игры ничего не существовало, – и он стал директором имперских театров третьего рейха.

Трагедия Михоэлса – это извечно присущее тоталитарным режимам противоречие «поэта» и «гражданина». Если кто когда прочтет Некрасова, поймет: поэт как раз имел в виду, что гражданин – полный козел... Михоэлс-артист постоянно учит вещам, противоположным тем, которые утверждает Михоэлс-«гражданин». Не в силах выдержать постоянно растущий внутренний разлад, он перестает быть актером: начиная с 1943 года Михоэлс уже на сцену не выходит. Для человека, переломившего всю жизнь, чтобы стать актером, такой поступок представляется более страшным, чем просто самоубийство. Чтобы выжить – держался за режиссуру. Но, лишив себя права быть Актером, возможно, убил себя и как режиссера. Ну что он поставил в последние пять лет своей жизни? «Фрейлехс»? Ради этого надо было становиться тем самым Михоэлсом, который «первый бадхен» и король Лир?..

Тут-то и сцапала его злокозненная политика-Лилит. Она же Родина-мама. Абсолютно верно подмечает Гейзер: не Михоэлс втянулся в политику, это Михоэлса втянули в политику – поскольку был он «политическим простаком» и агенты ГБ Фефер с Эпштейном могли им вертеть как хотели. Не знаю, что Михоэлс «сделал для евреев» за пределами той великой работы, которую вершил, будучи Михоэлсом-актером; по крайней мере, Гейзер об этом ничего не пишет. Но из него – сделали, и это стоило ему жизни. Вопреки своей воле затянутый в политику, Михоэлс был превращен из великого актера в «символ и знамя советского еврейства». А затем, когда символ и знамя перестали быть нужны власти (кому еще нужны символы и знамена?), его просто уничтожили как ненужный предмет. Поэтому, наверное, так сокмкана последняя часть книги Гейзера: писать не о ком, от человека вне его Игры осталось слишком мало.

...И последнее – уже не о собственно книге Матвея Гейзера, а о нынешней серии ЖЗЛ. Понимаю, что «Молодой гвардии» теперь не по карману держать большой штат редакторов и корректоров, как было при коммунистах. Но, по крайней мере, присылайте гранки автору на вычитку! Тогда у вас не

будет безумных словес, вроде «приблудшего» (помесь «приблудного» и «заблудшего», что ли?), ни неграмотного «слОвословия»... Однако это, как всем понятно, к содержанию книги отношения не имеет.

Î Ï ÆÑÀÉÒÃÑÛ ÈÈÏ Û

ËÛþ ÑËëëñ «Ããí-Ãóð».

Î.: «Òãððà», 2003 — 624 ñ

Генералы не должны писать художественную прозу. Иногда им удается воспеть собственные бравые похождения (см. «Записки о Галльской войне» или «За державу обидно»), но беллетрист в погоне — это еще хуже искусствоведа в штатском. Один Макашов чего стоит: «Учись мужеству у земли-матери, а мудрости у Коммунистической партии» и т. д.

Примерно из того же сомнительного материала сделан американский генерал Лью Уоллис, сочинивший в перерывах между геройствами претолстый роман «Бен-Гур». Если вы помните голливудский, многими «Оскарами» украшенный фильм 1960 года с его знаменитой сценой гонок колесниц — забудьте. Во-первых, мы тогда были маленькие и измученные «Васьком-трубачком» и прочими советскими кинобезумствами, нам любое голливудское изделие нравилось. Во-вторых, теперь мы знаем, что «Оскар» дают в основном за всякое барахло. Наконец, в-третьих — если даже вы сделаете над собой усилие и доберетесь до 5-й книги бесконечного варева, вы не найдете в многословном описании гонок колесниц ничего поистине захватывающего, что могло бы вдохновить создателей фильма и, в частности, оператора, чья блестящая работа нам так нравилась лет сорок назад, когда «Бен-Гура» крутили по всяким интеллигентским клубам в Москве и Питере.

Помимо того, что читать беллетристику, вышедшую из-под генеральского пера, вообще не надо, сугубо вредно потреблять американские поделки из заграничной жизни. Помните «Войну и мир» голливудского производства — с песней «Девуцы-красавицы» из оперы Чайковского «Евгений Онегин»? Или «Доктора Живаго» в задушевном исполнении Омара Шарифа?..

Я вас все еще не убедил, что книгу эту ни в коем случае читать не надо? Хорошо, давайте откроем первую страницу. Тут же возникает арабский топоним «Джебель аз-Зубла» — при том что действие происходит за шесть с лишним веков до того, как в Эрец Исраэл появились первые арабы.

Думаете, случайность? Следующий абзац начинается словами: «Арабы дали имена всем местностям того необозримого края, который раскинулся к югу и востоку от Иудеи». Вообще-то край этот называется Моав, и арабы с их именами ступили на его землю тогда же, когда ввалились в собственно Иудею. Невольно вспоминаются давно горящие в аду Карл Маркс и Фридрих Энгельс, от большого ума называвшие ТАНАХ «собранием арабских сказок»...

После четырехстраничного живописания барханов и верблюдов появляется, наконец, первый персонаж. «Лицо сухое и чистое, по цвету кожи почти негритянское, но широколобое, с узким орлиным носом, слегка раскосыми глазами... Такой облик нельзя спутать ни с чьим другим: так выглядели фараоны, а позднее, сменившие их цари из династии Птолемея, таким был и Мицраим — предок египтян...» На самом деле фараоны так выглядели разве что в Голливуде или в известном польском фильме, а настоящих египтян Уоллис, похоже, в глаза не видел. Классическим египтянином был, между прочим, покойный Насер — башнеобразная голова, расширяющаяся книзу, толстый прямой нос и довольно светлая кожа. Зовут экзотического египтянина, разумеется, Бальтазар. Хорошо, что не Мустафа, — а то уже на следующей странице появляются шатры «эмиров и шейхов»...

По ходу действия египтянин восклицает: «Велик Единый Б-г!» (Амон? Тот? Гор? Осирис? А может, сразу Сет?..) — а затем, вместе с греком и индусом в тюрбане, произносит молитву, подозрительно похожую на христианскую. Чистейшей воды липа.

В тот момент, когда читателю уже очень хочется вызвать санитаров из крэйзера, потому что здесь кто-то явно сошел с ума, выясняется, что «грека» зовут Гаспар, ну а индуса, естественно предположить, Мельхиор. Ясное дело, их почти всех так зовут... Только тут понимаешь, что генерал пересказывает историю про волхвов (они же «цари-маги»), собравшихся с трех сторон света, чтобы

принести рождественские подарки младенцу Христу. Как мультфильм эта история, конечно, очень мила, но в толстопятом генеральском изложении сильно смахивает на Устав караульной службы.

Из знакомства с дальнейшим текстом обескураженный читатель узнает еще много нового и для себя неожиданного.

По традициям иудеев «новый день начинался с появлением солнца». В толпе на иерусалимском рынке обнаружили «поклоняющиеся Будде». Иудея лежит «от песков пустынь на западе до морского берега на востоке». Члены Синедриона были «одеты в талесы», причем у кого-то «руки торчали из рукавов». У талеса – рукава?

Знаете что, господа? Если вы решили продвигаться дальше, делайте это без меня. Фильм я в детстве смотрел, благополучно забыл (кроме, естественно, сцены гонок колесниц) и ни малейшего желания восстанавливать его в памяти не испытываю. Если вам совсем уж нечего делать и вы настолько себя не любите, из чистой вредности раскрою вам секрет: Бен-Гур крестится и посвятит жизнь свою (и без того задрипанную) строительству подземных церквей на средства, пожертвованные арабским шейхом (дались генералу эти арабы!) по имени Йылдырым. Если у нас индиец Мельхиор, как еще могут звать араба, если не по-турецки?

Αὐτὸς ὁ Θεὸς Ἰσραηλ

А ЧТО, ЕСЛИ ОНИ ПОЖЕНЯТСЯ

ÀÈÒ Í ÛÃÑÛ

Àáäí àäü Ì àèàì óü

Борис Фейер, хворый актер на покое, старается воздействовать на свою дочь Адель: хочет, чтобы она выбрала мужа ему по вкусу. У Адели есть жених, Леон Зингер, молодой парень из Ньюарка, владелец магазина спортивных товаров. Фейер предпочитает Бена Гликмана, бедного начинающего писателя, живущего в одном с ними многоквартирном доме неподалеку от Второй авеню на Манхэттене; Гликман, как ему кажется, разделяет его взгляды на жизнь. Во всяком случае, Фейеру он нравится. Флоренс Фейер, жена актера, – в прошлом актриса, ныне косметичка, тоже много чего повидала, и у нее своя жизненная позиция, – всецело за Леона. Жаркий день, середина августа; Леон приехал из Нью-Джерси, чтобы сделать Адель сюрприз: когда она придет с работы, повести ее обедать в ресторан.

Занавес поднимается: Леон,

в ожидании Адели, играет

в карты с Фейером. Из-за жары дверь в квартиру распахнута,

по коридору время от времени снуют люди.

Леон (невозмутимо). Рами. Я выиграл (откладывает карты, подбивает итог).

Фейер (встает, отодвигает стул, снимает очки и без какого бы то ни было предварения с подъемом декламирует на идише). Б-же мой, ты убиваешь своего бедного отца, вот что ты делаешь. Всю жизнь я, как и положено отцу, работал, не щадя сил, чтобы ты ни в чем не знала недостатка. Чтобы кормить и одевать тебя. Чтобы дать тебе самое что ни на есть лучшее образование, чтобы научить тебя тому, как должно поступать. И чем ты меня отблагодарила за мою заботу? Тем, что стала шлюхой, вот чем ты меня отблагодарила. Тем, что живешь с женатым мужчиной, пошляком, пакостником, который тебя ни во что не ставит. И это еще слабо сказано. А теперь ты стала ему не нужна, он вышвырнул тебя из своей постели, и куда ты идешь – ты идешь ко мне, плачешь, умоляешь принять тебя обратно. Дочь моя, я столько из-за тебя выстрадал, что нет тебе моего прощения. В сердце моем нет больше слез – оно иссохло. Закаменело. Я больше не хочу и никогда не захочу тебя видеть. Уходи, но не забывай, что ты убила своего отца. (Роняет голову на грудь.)

Леон (озадаченно). Это вы о чем?

Фейер (надевает очки, выходит из образа). Ты что, идиша не понимаешь?

Леон. Только отдельные слова.

Фейер. Тсс. (Садится.) Это монолог из пьесы, я когда-то играл в ней на Второй авеню^[1]. Зайн Тохтерс Гелибтер^[2]. Великолепно – бесподобно играл эту роль. Критики были в восторге, притом что пьеска – не Б-г вещь что, душешипательная. Даже «Нью-Йорк таймс» прислала корреспондента, и он написал, что Морис Фейер не просто замечательный актер, а кудесник. Что я сделал из этой жалкой пьески – уму непостижимо. Я сделал ее жизненной. Правдоподобной.

Леон снова сдает, Фейер продолжает свой монолог.

Фейер. Играл я и в «Гринер Фельдер»^[3], и в «Привидениях»^[4], и в «Диббуке»^[5], и в «Вишневом саде», и в «Нахес фун Киндер»^[6], и в «Г-т фун Нехома»^[7] и «Иоше Калб»^[8]. Шварц^[9] играл себе Мелеха, я – Иоше. Играл бесподобно – дивно. Пьеса шла в Нью-Йорке три года подряд, потом мы играли ее в Южной Америке – сначала в Рио, потом четыре месяца в Буэнос-Айресе... (Захваченный воспоминаниями, умолкает.)

Леон. Ваш ход.

Фейер в рассеянности

берет одну карту, не глядя сбрасывает другую.

Леон выбирает карту,

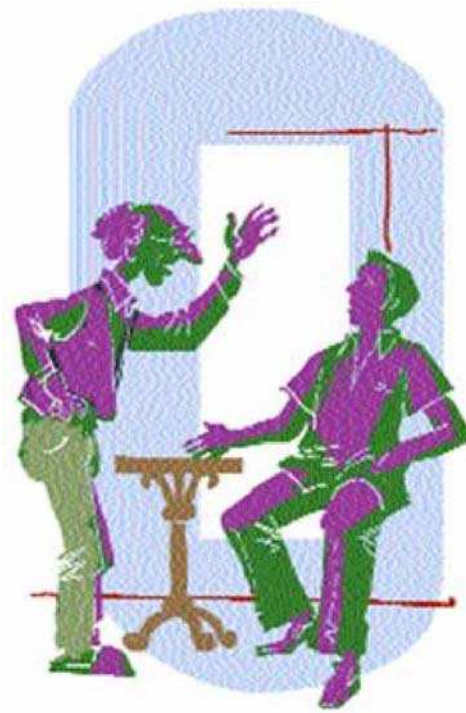
долго раздумывает, затем сбрасывает ее.

Леон. Ваш ход.

Фейер очнувшись, смотрит

на карту, присовокупляет ее

к сброшенным.

Фейер. То, что я тебе сейчас прочел, – это разговор отца с дочерью. Она сделала неверный выбор и загубила свою жизнь.

Леон разглядывает свои карты,

оставляет слова Фейра без ответа.

Фейер (не без подначки). Так ты ничего не понял?

Леон. Кое-что понял. Во всяком случае, если понадобится, могу объясниться: однажды в центре Ньюарка на меня налетела старая баба в парике, спросила, как добраться в Нью-Йорке до Бруклина, и я растолковал ей на идише.

(Разговаривая, продолжает играть в рами.)

Фейер. Адель знает идиш в совершенстве. Выучилась еще в детстве. Писала мне письма на идише – бесподобно. К тому же и почерк у нее просто потрясающий.

Леон. Что ж, может быть, она научит наших детей.

Фейер смотрит на него иронически,

но он этого не замечает.

Фейер (пробует поддеть его иначе). Ты читал хоть что-нибудь об истории евреев?

Леон (дружелюбно). Не слишком много. (Спохватывается.) Если вы беспокоитесь из-за религии, так это зря. У меня была бар-мица.

Фейер. Ни из-за чего я не беспокоюсь. Скажи, читал ли ты больших еврейских писателей – Переца, Шолома-Алейхема, Аша?

Леон. Слышал про них.

Фейер. Ты читаешь серьезные книжки?

Леон. Еще бы, я член Книжного клуба^[10].

Фейер. Ты что, сам не можешь выбрать книгу? Спрашивается, зачем тогда ты ходил в колледж?

Леон. В основном я выбираю сам. Но быть членом хорошего книжного клуба очень даже полезно – сберегает время. (Смотрит на часы.) Когда Адель должна вернуться? Она задерживается.

Фейер. Почему ты ей не позвонил, тогда она бы знала, что ты придешь? Позвонить не так дорого.

Леон. Хотел сделать ей сюрприз. Сегодня утром в Ньюарк приехал мой брат Морти, он согласился заменить меня в магазине, и я смог уехать пораньше. По средам магазин работает допоздна.

Фейер (смотрит на старые карманные часы). Она задерживается.

Леон. Рами. Я опять выиграл. (Показывает карты.)

Фейер (скрывая раздражение). Но лучше всего я играл Шекспира – дер ид^[11] Шейлок. Гамлет, дер ешива бухер^[12], сцену кадиша^[13] по его отцу, покойному королю, я играл потрясающе. Играл я в «Кайниг Лир ун зайн Тохтер»^[14]. (Встает, снова снимает очки, читает на английском):

Итак, все женщины наперечет:

Наполовину – как бы Б-жьи твари,

Наполовину же – потемки, ад,

Кентавры, серный пламень преисподней,

Ожоги, немощь, пагуба, конец!

Тьфу, тьфу, тьфу! Аптекарь, унцию мускусу, чтобы отбить в душе этот смрад! Вот деньги^[15].

Леон так, словно он слышит этот монолог

не в первый раз, заканчивает подытоживать счет.

Основательно тасует карты.

Фейер тем временем снова

надевает очки, садится, смотрит

на него изучающее.

Леон. Еще партию? Идем голова в голову, счет два два. По очкам мы сравнялись.

Фейер. Последнюю.

Леон снова сдает, игра

продолжается.

Фейер (делает ход, продолжает поддевать Леона). Скажи, Леон, ты любишь трагедии?

Леон. Люблю ли я трагедии?

Фейер. Любишь ли ты трагедии смотреть, читать?

Леон. Могу смотреть, могу не смотреть. Вообще-то по характеру я человек жизнерадостный.

Фейер (раскладывает карты по порядку). Но ты же ходил в колледж. Ты хороший бизнесмен. Адель говорит, ты каждый день читаешь «Нью-Йорк таймс». Иначе говоря, ты человек умный. Словом, ответь мне на такой вопрос: почему все без исключения лучшие писатели и поэты пишут трагедии? И почему любой театр ставит такие пьесы и самые разные люди платят хорошие деньги за то, чтобы посмотреть трагедию? Почему бы это?

Леон. По правде говоря, у меня как-то не было случая над этим задумываться.

Фейер (с подковыркой). Сделай одолжение, подумай над этим сейчас.

Леон (настороженно). Ну, не знаю, точно не скажу, но мне кажется, что в жизни много трагического. Постепенно понимаешь, что к чему.

Фейер. Что значит «кажется»? Ты что, не знаешь точно? Подумай, что на нас чуть не каждый день обрушиваются: катастрофы, убийства, болезни, разочарования. Одной мысли о смерти и той хватило бы.

Леон (подавленно). Я вас понимаю.

Фейер (с нескрываемой издевкой). Тебе только кажется, что ты понимаешь. Знаешь ли ты на самом деле, что такое человеческое существование? Знаешь ли ты, что такое вселенная? Я говорю не только об ушедших в иной мир, но и о миллионах людей – а их миллионы, – которые живут неизвестно для чего. Ведь одни не знают ничего, кроме нищеты, болезни, разочарования. Другие живут в тюрьме, как русские. По-твоему, это хорошая жизнь для человека?

В дверях показывается Бен Гликман, жадно заглядывает в комнату, видит Леона и поднимается к себе.

Игроки, что один, что другой, его не замечают.

Леон. Я бы так не сказал.

Фейер. А раз ты все это знаешь, знаешь, как живут люди, следует пытаться что-то сделать. Нельзя быть равнодушным – человек должен стараться изменить жизнь, когда это необходимо, помогать по мере возможности.

Леон. Я стараюсь помогать. Я регулярно делаю пожертвования на благотворительность, в том числе и на Федерацию «Объединенная еврейская взаимопомощь».

Фейер. Этого недостаточно.

Леон. А что вы делаете?

Фейер (откладывает карты, пылко). Что я делаю? Мое сердце болит за тех, кто страдает. Мое сердце истекает кровью из-за всех жестокостей, которые творятся в мире.

Леон молча разглядывает

свои карты.

Фейер (берет свои карты, говорит более спокойно, но гнет свою линию). Тебе случалось хоть когда-нибудь думать о том, что происходит с тобой, у тебя в душе, когда ты смотришь трагедию, Шекспира, скажем?

Леон (неожиданно для него самого в его памяти всплывают слова). Я переживаю катарсис через сострадание и ужас.

Фейер (после паузы). Уволь меня от цитат из твоих учебников. Писатель пишет трагедию, чтобы люди не забывали о своей человеческой сущности. Он показывает нам, как мы живем. Высвечивает смысл нашей жизни так, чтобы он стал ясен и нам. Вот почему он пишет трагедии, вот почему мы играем их. Я больше всего любил трагедии, при том что бесподобно играл и в комедиях. «Лид махт ойх лахн»^[16]. (Театрально смеется, затем невозмутимо берет карты, ходит.) Рами!

Леон. Ваша взяла. (Подытоживает счет.) Похоже, я вам должен ровно пятьдесят один цент. (Вынимает кошелек для мелочи, выкладывает два четвертака, цент и бережно пододвигает деньги к Фейеру.)

Фейер (небрежно, не глядя на деньги). Ну, Леон, расскажи, что новенького в бейсболе?

Леон (заглатывает наживку.) По-моему, впереди как всегда «Янки» и «Доджеры». (Спохватывается.) Боюсь, я не очень в курсе, мистер Фейер.

Фейер. Если ты не в курсе, тогда о чем ты говоришь с покупателями – ведь ты спортивными товарами торгуешь?

Леон (терпеливо). Обо всем что угодно, вовсе не обязательно о спорте. Люди есть люди – о чем только они не говорят. (Пододвигает три монеты поближе к Фейеру.) Приберите деньги, мистер Фейер.

Фейер. Деньги меня не волнуют. Я играю потому, что мне нравится играть. (Его осеняет мысль.) Знаешь историю про знаменитого раввина и богача? Он был богатый и скупой. Раввин подвел его к окну и говорит: «Что ты там видишь, скажи?» Богач посмотрел и говорит: «Улицу, что еще я могу видеть?» – «А что на улице?» – «Что на улице?» – говорит богатый еврей. – Люди, они идут по улице». Тогда раввин подвел его к зеркалу и говорит: «А что ты теперь видишь?» – «Что я вижу теперь?» – говорит богач. – Себя, кого же еще». – «Что такое окно? Как ты заметил, это стекло. А что такое зеркало? Тоже стекло. Только в зеркале на обратную сторону стекла нанесено серебро, а стоит тебе увидеть серебро, как ты видишь только себя».

Леон (все еще не теряя терпения). Я смотрю на это так: рами – игра случая. Если играть на деньги, проигравший платит деньги, а выигравший любезно берет их. (Снова пододвигает монеты к Фейеру.)

Фейер (отодвигает монеты). Попрошу не учить меня манерам. Ты еще не родился, а у меня уже были отличные манеры.

Леон. Мистер Фейер, если вам хочется меня оскорбить, есть способы и получше.

Фейер. С какой стати мне тебя оскорблять?

Леон. И, пожалуйста, не думайте, что я ничего не понимаю. Я вам не нравлюсь, и это ясно, как божий день, хотя я бы много дал, чтобы узнать почему.

Фейер. Я тебе скажу почему, если ты согласишься сказать мне, ради чего ты живешь. Какова твоя жизненная философия?

Леон. Я живу, потому что я живой.

Фейер. Отлично, но к чему ты стремишься в жизни? Это тоже важно.

Леон (уже не скрывая раздражения). А вот это уже мое дело. Послушайте, мистер Фейер, не думайте, что я дурак и мне невдомек, почему вы подвергли меня допросу с пристрастием. Вы притворяетесь, будто сердечно ко мне расположены, но это для того лишь, чтобы меня уязвить. Но я не такой тупой и понимаю, к чему вы клоните: хотите показать, что меня не интересуют насущные вопросы, ну и что у меня одни деньги на уме. Но все это лишь прикрытие. В вас сильны предубеждения, вот почему вас не устраивает, что Адель собирается выйти за меня замуж.

Фейер. Отцу это не возбраняется.

Леон. Я так понимаю, что вы не уважаете выбор своей дочери.

Фейер. Вовсе нет, просто она тебе не подходит. Я не говорю, что ты дурной человек, но ей нужен не такой муж.

Леон. И какой же муж ей нужен?

Фейер. Человек художественного склада. Более близкий ей по натуре.

Леон. Я знал заранее, что вы так скажете, но, прошу меня извинить, вы несете Б-г знает что. Человек есть человек, а не его занятие. Всю мою жизнь я работал, и работал много, чтобы иметь все, что я имею. Я получил приличное образование – и оплатил его сам, пусть я и не бакалавр гуманитарных наук. Что бы вы там ни думали, оглянитесь вокруг: миром движет не искусство. О том, что им движет, спорить не стану, скажу только: вам следует относиться ко мне с уважением хотя бы потому, что меня уважает ваша дочь. И если я не писатель с длинными патлами, это еще не значит, что я недостоин ее, и, кстати говоря, не значит, что Адель недостойна меня. (Встает.) Хочу надеяться, что когда-нибудь вы прозреете и увидите жизнь такой, как она есть.

По лестнице поднимается Флоренс.

Фейер, слышит голоса,

останавливается.

Леон. Человек и дело, которым он зарабатывает, вещи разные. Я не то, чем торгую. И даже если бы я торговал позолоченными стульчиками, я бы перед ними не преклонялся. А употреблял по назначению.

Флоренс входит в квартиру.

Фейер. Чем бы ты там ни торговал, если Адель выйдет за человека, которого не любит, она об этом пожалеет.

Флоренс (у нее перехватывает дыхание). Фейер... Б-га ради! Леон, не верьте ему...

Леон (Флоренс). Здравствуйте, миссис Фейер. Когда Адель придет домой, передайте ей, что я вернусь и поведу ее обедать. (С достоинством удаляется. Флоренс опускается на стул, с которого только что встал Леон, медленно снимает туфли. С минуту сидит, не говоря ни слова. Фейер тоже хранит молчание, потом идет к раковине, наливает себе полный стакан воды. Стоит у раковины, жадно пьет.)

Флоренс (устало, с горечью). В чем дело, Фейер, мало тебе твоих бед? Ты что, хочешь испортить жизнь нашей бедной девочке? Ты желаешь ей плохого?

Фейер (холодно). Я делаю ей благо.

Флоренс. Тем, что губишь ее жизнь?

Фейер. Тем, что спасаю ее. Парень он неплохой, но посредственность высшей марки. Теперь я в этом убедился.

Флоренс (устало, терпеливо). Ты что, слепой? Разуй глаза и приглядиись получше. Ведь достаточно побыть с Леоном в одной комнате, чтобы понять, какой он прекрасный человек. Ты ревнуешь, вот в чем дело.

Фейер. Если я не ревновал к Морису Шварцу, с какой стати мне ревновать к Леону Зингеру?

Флоренс. А с какой стати ты его оскорблял?

Фейер. Кто его оскорблял?

Флоренс. Ты. Иначе почему, когда он уходил, он был красный как рак?

Фейер. Я что, врач? Кое-какие серьезные вопросы я ему задал, что да, то да. Это привилегия отца.

Флоренс. Могу себе представить, что это за вопросы.

Фейер. Я спросил его, ради чего он живет. Спросил, в чем его философия, если у него таковая есть. Я имею право знать.

Флоренс. Почему бы тебе не задать такой вопрос себе, а его оставить в покое?

Фейер. Я не задавал ему такие вопросы, какие не задавал бы себе.

Флоренс. Ради Б-га, оставь его в покое. Его выбрала Адель, не ты. Она выходит за него замуж, не ты. Оставь их в покое, пока ты не накликал беду.

Фейер. По-моему, она его не любит.

Флоренс. Ты что, спятил? Кто тебе такое сказал?

Фейер. Она не любит его, ей только так кажется.

Флоренс. Ты кто – гадалка? Ведущий колонки «Устрой свое счастье»? Ты так умел любить, что теперь знаешь о любви все?

Фейер. Умел я любить или нет, знать только мне. А вот Адель я знаю и знаю, что на самом деле она его не любит.

Флоренс. А я знаю, что ты поощрял парня с верхнего этажа приходить сюда, когда у него выдастся свободный вечер. Ты думаешь, я не знаю, что ты просил ее пойти с ним погулять.

Фейер. Он ее не просил, вот она с ним и не встречалась. А вчера он ей позвонил, пригласил пойти погулять, и она согласилась.

Флоренс (встает). Г-споди ты Б-же мой! (Подносит руки к груди, ломает пальцы.) А Леон об этом знает?

Фейер. Знает, не знает – кому какое дело?

Флоренс (сердито). Фейер, если ты сорвешь их помолвку, я от тебя уйду. Вари свои овощи сам.

Фейер сверлит ее взглядом.

Флоренс. И тебе не стыдно так с ней поступать? Что ее ждет, ели она выйдет за бедного писателя, у него постоянной работы и то нет, он даже колледж не окончил, а кто, как не ты, вечно толкует об образовании, и он день-деньской пишет и пишет, и что – есть у него успех?

Фейер. Сначала надо овладеть искусством, успех приходит потом. Он еще станет первоклассным писателем.

Флоренс. Откуда ты знаешь?

Фейер. Он прочел мне один рассказ – бесподобный!

Флоренс. Одного рассказа недостаточно.

Фейер. Мне достаточно.

Флоренс (с жаром). Что может дать ей голодающий писатель? Приличный дом? Он что, может себе позволить завести детей? Кто будет для него на первом месте: она или он? Я хочу, чтобы у нее было будущее, а не квартира без горячей воды и бедный муж.

Фейер. Богатым ему, может, не стать, зато жизнь у него будет богатая. С ним у нее будет интересная жизнь, а не обеспеченное прозябание, где главное удовольствие – покупать что-то совершенно ненужное. Ты недооцениваешь Бена Гликмана. Я с ним много разговаривал и понял его. Он – человек пылкий, а сейчас таких раз два и обчелся. Он не рассказывает, через что ему пришлось пройти, но я вижу это по его глазам. Он понимает, что такое жизнь, и понимает, в чем истинные ценности. Адель именно такой и нужен. Он будет ее понимать и любить так, как она того достойна.

Флоренс. А по-моему, у него нездоровый вид – ни дать ни взять недокормленный теленок. И зачем говорить о любви, если Адель даже толком незнакома с ним? Что за дурость? А все потому, что ты видишь в нем себя, вот почему. Второго эгоиста – вот кого.

Фейер. Ну что с тобой разговаривать? Ты полна дурацких опасений и хочешь, чтобы и я их разделял.

Флоренс. А кто ж еще их со мной разделит?

Фейер. Нет, это не разговор, а какая-то бестолковщина.

Флоренс. Ты ее сбил с толку. Она скоро и сама не будет знать, что делает. Ты меня сбил с толку.

Фейер. Ты сама себя сбила с толку.

Флоренс (в гневе). Эгоист! Эгоист! Ты не заслуживаешь такого зятя.

Фейер (с ядом). А такую жену я заслуживаю?

Флоренс (встает). Нет, ты меня не заслуживаешь.

Поднимает с пола свои туфли, убирает их в шкаф, надевает тапочки. Возвращается в кухню, открывает холодильник, вынимает оттуда продукты, молча принимается готовить ужин.

Фейер листает принесенный ею журнал. Чуть позже Флоренс идет к входной двери, тихо прикрывает ее.

Фейер (не поворачивая головы). Не закрывай дверь, и без того жарко.

Флоренс (спокойно). Мне нужно хотя бы минуту с тобой поговорить – наедине.

Фейер. Говори. Но дверь не закрывай. Я задыхаюсь.

Флоренс. Фейер, прошу тебя, не устраивай представлений. Ты не на сцене. Ты не умрешь. Я всего-навсего хочу с тобой поговорить так, чтобы нас не слышали соседи.

Фейер (кричит). Сказано тебе, не закрывай дверь.

Флоренс (открывая дверь). Ты мне опротивел.

Фейер (не желая оставаться в долгу). А ты мне и подавно.

Флоренс (не хочет, но срывается). Сам виноват! Если уж на то пошло, тебе все опротивело с того дня, как я с тобой познакомилась. Ты испортил мне жизнь.

Фейер. Ты сама ее испортила.

Флоренс (в бешенстве). Нет, это ты ее испортил. У тебя нет чувства меры. Каждый раз, когда ты делаешь больно себе, ты делаешь вдвое больно мне. По натуре я хороший человек, но ты меня испортил. С тобой невозможно жить и разговаривать тоже невозможно. Ты разучился разговаривать. Стоит тебе открыть рот, как ты начинаешь орать. Сходу затеваешь препирательство.

Фейер. И что – я один кричу или как?

Флоренс. Ты испортил мой характер.

Фейер. Было бы что портить.

Флоренс (вот-вот заплачет). Испортил! Испортил!

Фейер. Если ты так думаешь, значит, ты обманываешь себя.

Флоренс. Если кто кого обманывал, так это ты меня. Ты обманывал меня с хористками, с которыми путался, хотя у тебя жена и ребенок. Я тебя так любила, а ты не мог устоять перед хористками. Стоило какой-нибудь хористке на тебя посмотреть, и ты начинал перед ней гарцевать. Безвольный ты человек.

Фейер. У меня потрясающей силы воля.

Флоренс. Если у нее лопалась подвязка, ты стягивал с нее чулок. Если она стягивала чулок сама, ты помогал ей стянуть второй.

Фейер (с горечью). А кто из актеров, грош им цена, стягивал с тебя чулки? И сколько раз с тех пор, как мы поженились?

Флоренс. Эта пакость пошла от тебя. Ни от кого другого. Я никогда не хотела такой жизни, это не в моей натуре.

Фейер. Но ты жила так не один год.

Флоренс. Ты бросал меня трижды, один раз – на целых два года. Мало того, сколько раз ты месяц за месяцем ездил на гастроли без меня. Человек слаб... Я оступалась.

Фейер. Тебе бы подумать о ребенке, а ты переправляла ее от одних чужих людей к другим, она у них болела.

Флоренс. Фейер, бога ради, остановись, я этого не вынесу. А почему ты о ней не заботился? Да потому, что ты всегда отсутствовал. У тебя вечно было дел по горло в чьей-то постели.

Фейер (взрывается). Мерзавка!

Флоренс пронзает его взглядом, потом ноги у нее, как видно, подкашиваются, и она опускается в кресло. Кладет руки на стол, ладонями вверх, роняет на них голову, рыдает. Сотрясается от рыданий всем телом, захлебывается слезами.

Фейер идет к двери, бесшумно прикрывает ее. Порывается подойти к Флоренс, но не осмеливается. Идет к раковине, наливает себе воды, но не пьет, рассеянно смотрит в окно. Подходит к зеркалу, смотрит на себя – свой вид ему удовольствия не доставляет. Мало-помалу Флоренс затихает, поднимает голову, сидит, прикрыв глаза рукой. Немного погодя сморкается, вытирает глаза платком. Фейер с отвращением глядит на свое отражение, затем волочит к кушетке, ложится.

Флоренс (спокойно). Чем это пахнет?

Фейер (устало). Это газ.

Флоренс. Что еще за газ?

Фейер. Газы. Тебе обязательно надо знать, что это за запах?

Флоренс (чуть погодя). Ты что, плохо себя чувствуешь?

Фейер. Лучше не бывает.

Флоренс (все еще спокойно). Ты сегодня принял таблетки?

Фейер. Принял. (Вскакивает с кушетки, говорит порывисто, с жаром.) Флоренс, прости. Ведь я тебя люблю всем сердцем. Язык у меня поганый, но сердце не поганое, нет.

Флоренс (чуть погодя). Разве ты можешь любить мерзавку.

Фейер. Не терзай меня моими же словами. Я и так истерзан. На уме у меня совсем не то, что на языке.

Флоренс. А что у тебя на уме?

Фейер. Это у меня на языке тоже.

Флоренс (все еще не в силах отойти от потрясения). Разве можно любить мерзавку?

Фейер (изо всей силы бьет себя в грудь). Кто мерзавец, так это я.

Флоренс (задумчиво). Я сама виновата. И зачем только я ссорюсь с тобой. Сама не понимаю. Может быть, это начало переходного периода. Но к чему я перехожу? И что за период меня ждет? Твоя правда, я мало ей занималась, и страдала прежде всего она. Мне и сейчас тяжело вспоминать те дни. Но ты меня бросал. Мне приходилось работать. Я целыми днями отсутствовала. Оставаться одной по вечерам я боялась. И я стала искать общества. Мне не хотелось, чтобы она это видела: я стыдилась и стала отсылать ее из дому. Родственников у меня не было, и я отсылала ее к чужим людям.

Фейер (не в силах сдержаться). К друзьям твоих любовников. Ну и к их родственникам.

Флоренс. Фейер, помилосердствуй. Моих любовников я давным-давно похоронила. Все они умерли. Не выкапывай их из могил. За свою вину перед дочерью я и сейчас расплачиваюсь. Не надо казнить меня. Я и сама себя казню. (Тихо плачет.)

Фейер подходит, становится за ее спиной.

Фейер. Я был дурак. Не понимал, что творю. Сам себя не понимал. Метил высоко, ничего не достиг. Даже как актер я был не из лучших. Томашевский^[17], Якоб Адлер^[18], Шварц – все они были лучше. Они прославили свои имена. Я всего два года как сошел со сцены, и кто меня помнит, кто? И я это заслужил – туг я себя не обманываю.

Флоренс. Ты был хороший актер.

Фейер. Не хороший я был актер, да и человек не хороший.

Флоренс встает, они обнимаются.

Флоренс. Я тебя простила, но ты меня не простил.

Фейер. Я сам себя не простил.

Флоренс (снова вспоминает). Три раза ты меня бросал.

Фейер. Я всегда возвращался.

Флоренс. Ты так долго отсутствовал. И я мучила ее. (Утирает слезы рукой.)

Фейер. Довольно. И моя в том вина. Я мучил и ее, и тебя. Но почему я мучил тебя? Потому что мне больше некого мучить. Ты одна (замолкает... была и другая, но о ней он говорить не хочет)... одна могла меня выносить.

Флоренс. Уж ты постарайся, веди себя хорошо.

Фейер. Ну нет.

Флоренс. Да. (Минутная пауза.) Сделай одолжение, Фейер, больше я тебя ни о чем просить не буду, оставь Леона в покое. И Адель тоже. Пусть сами строят свою жизнь. Ради нее, иначе быть беде.

Дверь открывается, входит Адель, видит, что они обнимаются.

Адель (удрученно). Опять ссорились. (Закрывает дверь.)

Флоренс идет к раковине,

моет глаза холодной водой,

вытирает их кухонным полотенцем.

Фейер целует Адель,

уходит в ванную.

Адель (кладет сумочку, газету на стол). Из-за чего ссорились?

Флоренс. И вовсе мы не ссорились. Просто разошлись во мнении. Леон приходил.

Адель. Леон? Когда?

Флоренс. Он хочет сделать тебе сюрприз. Повести тебя обедать. Прошу тебя, детка, пойди с ним. Он вот-вот вернется.

Адель. Где он сейчас?

Флоренс. Не знаю. Я его не застала. Мне папа сказал, что он заходил. Они играли в рами, и папа, как мне кажется, что-то ему сказал.

Адель. Что-то неприятное?

Флоренс. Папа съязвил, а Леону это не понравилось. Но он сказал, что скоро вернется.

Адель. Я его сегодня не ждала.

Флоренс. Он хотел сделать тебе сюрприз.

Адель. Что бы ему хотя бы позвонить. Я уже обещала Бену, что пойду погулять с ним.

Флоренс. Подумаешь – погулять.

Адель. Я обещала.

Флоренс. Адель, ты же невеста. Леон приехал издалека, из Ньюарка, чтобы повести тебя обедать. Ты должна пойти с ним.

Адель. Ну и пусть невеста, что ж я, теперь совсем не могу распорядиться своим временем?

Флоренс. Кто такое сказал, кто? Я только и сказала, что заходил Леон. Почему бы тебе не объяснить этому парню с верхнего этажа, что ты пойдешь с ним погулять в другой раз.

Адель. Он мне позвонил, и я сказала «да».

Флоренс. И что, это серьезное обещание?

Адель. Не могу понять, почему Леон не позвонил.

Флоренс. Позвонил-не позвонил, но он уже здесь, и нехорошо говорить ему «нет». Адель, мамуня, прошу тебя, пойди сегодня пообедать с Леоном. Не хочу я, чтобы ты шла гулять с этим парнем. Это может плохо кончиться. (Помимо воли, проговаривается.)

Адель. Мама, от прогулки до свадьбы далеко.

Флоренс. Свадьба – еще не самое худшее.

Адель. Б-га ради, да говори ты прямо.

Флоренс (подносит руки к груди, ломает пальцы). Гуляешь-гуляешь, а там и до могилы недолго догулять.

Фейер выходит из ванной, серьезно рассматривает себя в зеркале, бормочет что-то неодобрительное, входит в кухню.

Адель. Вы что, мне не доверяете?

Фейер. Я тебе доверяю.

Флоренс (Адели). Ты вот этого хочешь от жизни? (Обводит рукой квартиру.)

Адель. Не вижу связи.

Флоренс (вне себя от волнения). Прошу, ради меня, не ходи гулять с этим писателем. Не надо осложнять себе жизнь. В ней и так хватает сложностей.

Стук в дверь.

Флоренс. Войдите.

Входит Леон, в руках у него большой букет цветов.

Флоренс. Леон!

Леон. Всем привет. (Адели.) А это тебе, солнышко.

Адель. Здравствуй, милый.

Леон отдает ей цветы, они целуются.

Леон. Здравствуйте, миссис Фейер. Добрый вечер, мистер Фейер. (Он не злопамятен.)

Фейер. Добрый вечер.

Адель передает букет матери, та ищет вазу. Пока Флоренс ищет вазу, Фейер снова берет газету, просит его извинить, задергивает занавес, разделяющий комнаты, садится на диван, читает. Флоренс – она и недовольна тем, что Фейер задернул занавес, и вместе с тем рада, что он устранился, – сначала ставит цветы в воду, затем собирает себе ужин. Леон присаживается к столу, Адель убирает вазу с цветами на подоконник, подсаживается к нему.

Флоренс. Леон, поешьте с нами. Ужин не Б-г вещь какой – салат и копченый сиг. Есть еще и картофельные оладушки, но не для Фейера – у него от них изжога.

Леон. Спасибо, но я хотел пригласить Адель в китайский ресторан. (Смотрит на Адель.)

Адель. Извини, Леон, знай я, что ты приедешь, и разговора бы не было. То есть, если бы ты позвонил до того, как Бен пригласил меня. Бен – это папин друг, он писатель. Ты его видел.

Леон (разочарованно). Солнышко, а ты не могла бы как-то отмотаться?

Адель (колеблется). Не хотелось бы.

Леон. Что в нем такого, в этом парне? В том смысле, почему ты согласилась с ним встретиться? Потому что он писатель, да?

Адель (обороняется). Ты говорил, что время от времени я могу пойти куда-нибудь с кем-то другим.

Леон. Говорил, и я свое слово держу. Мне только хочется знать, почему ты согласилась с ним встретиться?

Адель. Мне кажется, что ему пришлось много чего пережить.

Флоренс. Не ему одному.

Адель. Мне он нравится, с ним интересно. Мне нравится с ним разговаривать.

Леон. Я ему сочувствую, но дело в том, что я приехал издалека, из Ньюарка, штат Нью-Джерси, между прочим, чтобы повидаться со своей невестой...

Флоренс. Мамуня...

Адель. Мама, прошу тебя...

Флоренс снимает фартук, уходит за занавеску. Фейер – он прислушивался к разговору, – когда она входит, подносит газету к глазам, делает вид, что читает. Флоренс – ее одолевают сомнения: что, если она ушла зря, – закуривает сигарету, садится в кресло, листает журнал.

Леон (понижая голос). Солнышко, чего-то я не просекаю. Я был уверен, что ты обрадуешься, если я нечаянно нагряну.

Адель (мягко). Так оно и есть. Но я всего-то и хочу сказать: сегодня я связана обещанием. (Чувствуя, что он встревожен.) Не беспокойся, ничего серьезного тут нет. Не придавай этому значения. Он одинок, вот в чем, наверное, дело. И это чувствуется.

Леон. Я тоже одинок. А ты не могла бы перенести встречу на завтрашний вечер?

Адель. У него свободен сегодняшний вечер. Завтра он работает.

Леон. Ну, тогда на тот вечер, когда он снова будет свободен? Я с ним махнусь – сегодняшний вечер поменяю на следующий его свободный вечер. (Снова понижает голос.) Ты не забыла о нашем уговоре – провести в сентябре неделю за городом вместе?

Адель (не без холодка). Не понимаю, причем тут это?

Леон. Что ж, может быть, никакой связи и нет, только почему бы тебе и не передумать? Насчет сегодняшнего вечера.

Адель. Я ему обещала и просто не могу нарушить обещания.

Леон (раздраженно). Адель, в чем дело: ты сегодня какая-то чужая. В чем причина – в здешней обстановке?

Адель. Если тебе не нравится наша обстановка, зачем ты к нам приходишь?

Леон. Я не хочу с тобой ссориться.

Адель. И я не хочу с тобой ссориться.

Леон (после паузы). Наверное, ты права. Поцелуй меня, и поставим на этом точку.

Адель. Я тебя поцелую, потому что ты славный.

ЕВРЕЙ-РАЗБОЙНИК

Наוֹעַ אֵלֵי צִוּוֹנָא

«Еврей» и «разбойник» – сочетание двух этих слов большинству читателей, наверное, покажется диссонансом. Обычные представления о еврее связаны с мягкосердечием, робостью и другими подобными качествами, делающими его непригодным для разбойного промысла. Названный в поэме Пушкина «Братья-разбойники» «в черных локонах еврей», входящий в шайку, – скорее всего просто выдумка. Еврей понадобился лишь для того, чтобы еще больше увеличить пестроту «племен, наречий, состояний» изображенного поэтом «страшного семейства». Слово «разбойник» в еврейском обиходе и фигурирует преимущественно в иносказательном смысле, отнюдь не связанном с пролитием крови, с ружьем, ножом или топором. «А газлон он а месер» – аллегорическое выражение, применяемое евреем в отношении своего собрата, который «зарезал» его, обманув тем или иным способом или причинив ему убытки при сделке, при расчете.

вызывающий вид и даже дерзил присутствовавшему на площади начальству. Но по мере движения по страшному своему пути он стал слабеть и, наконец, упал. Врач, освидетельствовав его, нашел, что наказание можно продолжить и довести до назначенного на первый раз числа ударов (при большом количестве шпицрутенев экзекуция производилась в два приема). Приговоренного положили на тележку, и процедура возобновилась. Но истязаемый страшным образом, Буйтре не стонал и не кричал; было понятно, что боль он испытывает мучительнейшую, но понятно лишь потому, что он грыз зубами перекладину тележки. Доктор Фогт сказал мне, что потом видел эту перекладину: она была вся искромсана.

Спустя шесть недель Буйтре кое-как зализали раны, и он вторично подвергся наказанию – на сей раз в более тяжелой форме. Он был исполосован так, что к концу пути тело его представляло собой кровавое месиво, в нем еле теплилась жизнь. В телеге по дороге с места экзекуции обратно в тюрьму он испустил свой грешный дух. Рассказывают, что Буйтре успел только едва внятно попросить, чтобы его похоронили на еврейском кладбище. Реальный это факт или только вымысел, навеянный – повторяюсь – жадной найти подобие человека даже в падшем соплеменнике, выяснить, конечно, нет возможности. Похоронен разбойник был у забора еврейского кладбища; могилу его показывали посетителям еще не так давно.

Память о злодеяниях Буйтре и поныне жива в Минской губернии. Имя его стало синонимом жестокости; им пугают детей. Когда про кого-нибудь хотят сказать, что он беспощадный изверг, то говорят: «Это настоящий Буйтре». В наших краях о нем до сих пор ходят рассказы. Один из них, по-моему, заслуживает внимания. Суть в том, что Буйтре, будучи перевезен в Борисов, через тюремное начальство просил местного раввина посетить его. Тот и слышать не захотел. Впоследствии, когда Буйтре уже не было в живых, раввин понял свою ошибку. Мысль, что, быть может, в закоренелом преступнике заговорило религиозное чувство, пробилось из глубины что-то человеческое, что он хотел покаяться, а ему было отказано в последнем утешении, – эта мысль стала неотступно преследовать раввина, и он впал в меланхолию. Было бы интересно узнать в Борисове, верен ли этот эпизод.

Адаміўскае асудзілі 1923 г.

Рохеле собралась было ответить наглой Зинке. Но не успела. Во двор Бернштейнов уже заходила Шурочка, маленькая добрая старушка.

Шурочка была медсестрой дантиста Абрама Кауфмана. То есть сорок лет назад она была невестой Абрама, бледного мальчика, измученного астмой и бесконечным ворчанием Софы Кауфман, его мамочки. Софа не выносила Шурочку. И в последний момент Абрам как-то неожиданно женился на дочери декана медицинского факультета. Шурочка же навсегда осталась верна своей единственной любви. Она поступила на курсы медицинских сестер. И ассистировала доктору Кауфману в его виртуозных операциях по исправлению прикуса. Весь переулочек очень гордился Шурочкой. Испокон веков к ней ходили мерить давление. Других врачей в переулке не признавали. Шурочка вежливо постучала в дверь курятника.

– Давид, выходите. Вы забыли? У вас сердце. Не расстраивайте себя, Давид. Вам это вредно. Вы же разумный человек.

Давид, конечно, очень уважал Шурочку. Но не отозвался.

В дверь курятника бесцеремонно тарабанила тетка Фира. Завидев ее, Артабас исчез в конуре, а Рохеле проворно спряталась за спину тети Зины.

– Эй, Давид! – шумела Фира. – Какой пример ты показываешь детям, шлимазл? Что они себе вообразят?! – Фира брезгливо поморщилась. – Выходи немедленно...

В ответ ни звука.

К воротам Бернштейнов, тяжело переступая, шла бабушка Дора. Ее праправнучка, красавица-невеста, бежала следом с теплой шалью. Дора взглядом велела ей вернуться. Родная Давидова тетка была самой старой в переулке. Она говорила спокойным тихим голосом, но ее мягкость могла обмануть человека ну только совершенно постороннего. Будьте уверены, этот тихий голос так крепко отпечатается в вашей голове, что послушаться бабушку Дору станет делом невозможным. Женщины почтительно расступились, пропуская старуху к двери курятника.

ШЕСТЬ ПРОГУЛОК ПО ЕВРЕЙСКОЙ ПОМПЕЕ

Beitá Qáqáá

*Í íñéá í adáíñ ñò áéáí á ááííí ò á
ò ú áéáéóúí ááúé ò áééí é, éáééí é
ò ú òí: áóúí é ò áéááò ú; í íñéá áò òíñ
ò ú áéáéóúí é ò áééí é, éáééí é í í é
í á yááýpòñ; á éí í óá éí í óí á
ò ú í á: éí áóúí áéááò ú ááúé ò áééí é,
éáééá í í é áíò ú, é yò í ñáí í á óéáíí í á...»
Í ñéáð Óáééííí*

Так получилось, что по Праге мы гуляли с двумя книгами в рюкзаке, попеременно заглядывая то в одну, то в другую. Первой был, разумеется, путеводитель, а второй – «Шесть прогулок в литературных лесах» Умберто Эко.

Необходимость есть не что иное, как пересечение случайностей. «Шесть прогулок» оказались в моем рюкзаке достаточно случайно: таксист уже осторожно гуднул, напоминая о себе, и я схватил со стола первую попавшуюся книгу, дабы чем-то скрасить три часа самолетного безделья.

Не менее случайным можно считать замысел автора «Путеводителя по Праге», разбившего свою книгу на шесть маршрутов. После поездки я специально зашел в «Стеймацкий» и поинтересовался другими путеводителями: каждый из них предлагал другое число прогулок.

Соединившись, эти две книги побудили нас совершить все шесть предписанных маршрутов, разговаривая при этом о литературе.

Впрочем, оборот «так получилось» скрывает изрядную долю лукавства: Эко лежит на моем столе почти год, и я неоднократно перечитывал его, каждый раз со вздохом непонимания возвращаясь к началу.

Моя жена Анна, литературовед, лишь улыбалась, наблюдая страдания мужа. Ее всепонимающая улыбка не оставляла писателю никакой надежды, просто никакой, даже на самом дне кофейной ложечки.

Сегодняшние аналитики далеки от наивных представлений, будто критика должна уловить намеки, оценить литературную игру, расшифровать запутанные места. Аналитик воспринимает текст как первичный материал для построения собственной интерпретации, и чем резче она будет отличаться от трактовки автора, тем сильнее закивают головами собратья аналитики. Текст для него заготовка, на иврите – гелем, голем.

* * *

Он встретил нас у входа в еврейский квартал. Огромный, красный, цвета глины с берегов Влтавы. Его лицо кого-то напоминало, но кого, я никак не мог сообразить.

Отпраздновать долгожданную встречу мы отправились в соседнее кафе «У Голема».

Хозяин квартала остался рыжеть на противоположной стороне улицы. Выпить с нами он не мог.

Голодно соблюдающему кашрус еврею в гульливой Праге. Кроме кофе да пива, ничего не закажешь. Пришлось и на этот раз довольствоваться двумя чашечками «эспрессо» с рюмкой зеленого абсента в честь «со свиданьем».

О губительных свойствах этой полынной настойки ходит немало слухов. Однако при ближайшем рассмотрении большинство из них оказываются наветами.

Влияние абсента на европейскую культуру сравнимо только с влиянием литературы. Им увлекались Хемингуэй, Верлен, Рембо, Уайльд и, конечно, самый знаменитый его употребитель – Ван Гог.

Многолетнее исследование абсента, проведенное доктором Вульфом из калифорнийского университета, показало, что передозировка туйона, содержащегося в абсенте, изменяет восприятие цвета: человек видит все в желтых тонах. Знаменитая картина Ван Гога «Звездная ночь» с желтыми кругами вокруг звезд – типичный синдром отравления туйоном.

Пригубив, я бросил очередной взгляд в сторону Голема и замер. На противоположной стороне улицы стоял памятник тель-авивскому поэту Эли К. Сходилось все: осанка, каменная тяжесть плеч, взгляд.

– Уж больно крепкий кофе заваривают в пражских кофейнях, – покачала головой Анна, выслушав мои подозрения. Под кофе она имела в виду абсент.

– Если выпить достаточно этого напитка, – продолжила Анна, – то можно увидеть все, что захочешь увидеть, – прекрасные, удивительные вещи. Так утверждал Оскар Уайльд.

– Допустим, что Голем – это Эли К., – предположил я, пускаясь в опасное плавание между ассоциациями и утверждениями, – и представим себе, будто абсент лиминален. Он побуждает сознание реализовать спящие стимулы, суля возможность перейти незримую границу между миром присутствия и миром отсутствия. Но тогда литературное произведение тоже лиминально!

Подобно полынной настойке, литература – это вход в иную реальность, отличную от той, где в данный момент находится наблюдатель. Можно предположить, будто литературное произведение, погружающее читателя в такую реальность, есть своего рода абсент.

– Но тогда и Голем абсентен, – улыбнулась Анна, выслушав мои построения.

– Каким образом? – спросил я и заказал еще две рюмки. Судя по зачину, начинался интересный разговор. Рыжий Эли К. одобритительно посматривал на нас сквозь оконное стекло. Ему было приятно, что говорят о нем.

Анна вытащила из сумочки авторучку, и, черкнув по салфетке, протянула ее мне.

– Погляди.

На салфетке были всего два слова: absinthe и absent.

– Absent по-английски – отсутствующий, absence – отсутствие. С одной стороны абсент вызывает забытьё, с другой – при помощи галлюцинаций навевает воспоминания. Это катализатор, чудесный эликсир, способный превратить существующее в несуществующее, а исчезнувшее обратить в реальность. Абсент – символ Праги, города дрожащих теней прошлого.

– Продолжай! – воскликнул я, отхлебывая из рюмочки. – Мне нравится, как ты говоришь.

– Голем – тоже незримое присутствие, (absent presence), присутствие в отсутствии; сейчас его нет, но он повсюду, раньше он был, а теперь он нигде. Абсент – это волшебное заклинание, сначала оживившее комья глины, а затем заставившее великана рассыпаться в прах. Поэтому Голем – наполовину предание, наполовину легенда, абсентен.

– Да, – согласился я. – На этой рыжей фигуре космическим образом пересеклись бесконечности легенды и предания. Если принять абсент за мерило лиминальности, то Голем и литература, несомненно, абсентны.

Заказав еще по чашечке кофе, мы продолжили разговор. За окномплыли в жарком августовском воздухе раззолоченные особняки, возведенные на месте разрушенных еврейских кварталов.

Точная информация, заключенная в предании, обязывает, а цель легенды – превратить знание в игру, в ни к чему не обязывающую литературу. Голем у Мейринка – страшилка, разгуливающая по улицам; пражане произносят его имя, расширяя глаза и понижая голос. Он заполняет необходимое человеческой душе пространство ужаса, материализуя его на конкретном предмете. Страшно, но не очень. Вернее, и сладко, и страшно, и хочется этой жути еще и еще.

К преданию доверие слушателя абсолютно, отсюда и сила возникающих обязательств, в литературе же оно носит характер негласного соглашения, которое Колридж определил как «воздержание от недоверия». Читатель знает, что автор рассказывает вымышленные истории, но сие вовсе не означает, будто автор лжец. По словам Джона Селя, автор делает вид, будто говорит правду, а читатели делают вид, будто истории действительно имели место.

Поэтому, рассказывая о ночных прогулках Голема, пражане расширяют глаза от ужаса, но не более, ибо прекрасно сознают, что это вымысел, а евреи, взбираясь на чердак Староновои синагоги, никогда не наступают на пятую ступеньку, точно зная, что под ней лежит глина, в которую рассыпался Голем. И неважно, что при недавнем ремонте синагоги под этой ступенькой ничего не обнаружили – предание изменило жизнь так, чтобы она подтверждала предание. Соглашение переросло в закон.

Литература паразитирует на действительности, уплотняя и упрощая ее в угоду человеческому восприятию. Разницу между легендой и преданием хорошо иллюстрирует следующая история, записанная чехами. Я наткнулся на нее в книжке «Пражский Голем», купленной в магазине «У Кафки», в двух шагах от еврейского квартала, и прочитал, не сходя с места, прямо перед кассой. Белобрысенькая продавщица с удивлением наблюдала, как слезы умиления и восторга катились по моим щекам.

* * *

«Любуша, основательница Праги, считалась прорицательницей: на смертном одре она призвала своего сына Незамысла, и, удалив всех, зашептала холодеющими губами:

– Я возвращаюсь к предкам, и перед смертью хочу раскрыть тебе будущее. Во времена, когда твой внук станет властелином Чехии, в наших лесах станет искать убежище изгнанный маленький народ, верящий в одного-единственного Б-га. Пусть этих людей примут радушно, и пусть твой внук возьмет их под свою защиту, так как они принесут плодородие Чехии.

Незамысл поклялся исполнить волю матери. Прошло сто лет, много воды утекло во Влтаве, много крови пролилось, много буйных голов слетело с плеч, и наказ прорицательницы почти позабылся.

В ночь после коронации Гостивита Любуша явилась к нему во сне:

– Настало время, когда мое предсказание должно свершиться. Скоро маленький народ, верящий в одного Б-га, явится с просьбой о помощи перед твоим престолом. Прими его гостеприимно и возьми под свою защиту!»

Весной 850 года венды перешли через Лейту, вторглись в Московию, и, причинив немалые разрушения, изгнали еврейскую общину. Спустя десять лет, изъездив весь тогдашний мир и нигде не найдя жалости и пристанища, несчастные добрались, наконец, до Чехии. Двое старейшин попросили аудиенцию у Гостивита и были немедленно приняты. Князь разговаривал с гостями весьма милостиво:

– Кто вы и чего желаете? – спросил он после тщетных попыток угостить старейшин яствами с княжеского стола.

– Мы спокойный народ, – ответствовали гости, – малый по числу и слабый по силе и следуем учению Моисея. Веруем мы в одного-единственного Б-га, всеведущего, всемогущего, справедливого и милостивого, чья воля наполняет весь мир. Прими нас под свою защиту, князь, мы станем твоими верными подданными, и будем просить нашего Б-га, чтоб Он ниспослал твоему народу процветание, а тебе удачу и славу.

Князь сразу понял, что это тот самый народ, о котором возвестила ему Любуша, однако не стал быстро принимать решение, а заговорил мудро и величественно, как и подобает правителю:

– Подождите ответа два дня. Возвращайтесь послезавтра, и я сообщу, смогу ли внять вашей просьбе.

На следующее утро по велению Гостивита все владыки Чехии собрались в замке.

«Профессор Мориарти натуральнее Пьера Безухова, – пишет Эко, – потому что жизнь, вне всяких сомнений, куда больше похожа на “Улисса”, чем на “Трех мушкетеров”».

Мир, в который попадает читатель, вовсе не обязательно тот же самый мир, в котором находился автор произведения. Интерпретация текста читателем может завести его довольно далеко. В принципе автор заинтересован в наибольшем количестве интерпретаций: он мечтает об идеальном читателе, мучимом идеальной бессонницей, который угадает, достроит, развернет – то есть заставит работать на себя ленивый механизм текста. Для этого хитрый автор расставляет в тексте, словно капканы, разнообразные намеки, куда неминуемо должна угодить фантазия читателя и повести его по собственному пути.

* * *

В одном из моих рассказов я вытащил из давно несуществующего советского Вильнюса фигуру замдиректора по кадрам со странной фамилией Панка. Сочетание должности и фамилии показалось мне достаточно забавным, и я вставил его в «Хранителя могилы» таким, каким сохранила его моя память: от кончиков начищенных ботинок до лысеющей макушки. После опубликования рассказа в Интернете, я получил письмо из Вильнюса от бывшего сослуживца.

– Здорово ты описал Панку, – писал сослуживец, – прямо как живой получился.

Реакцию сослуживца я могу определить как нормальную реакцию нормального читателя. Случайно получилось, что он оказался знакомым с одним из персонажей рассказа, но другой человек на его месте легко бы представил своего замдиректора, наделив Панку его чертами.

Реакция идеального читателя, Миши Ю., оказалась принципиально иной.

– Панка это ведь пан К., – объяснил он мне, прочитав рассказ, – из «Замка» Кафки. И остальное сходится.

И тут идеальный читатель Миша развернул передо мной такую интерпретацию текста, о которой я даже не подозревал.

– Признайся, – спросил он, закончив полет и приземлившись возле меня, – я правильно все разгадал?

– Правильно, Миша, – только и смог пробормотать я, краснея от стыда. Рассказ читателя оказался куда интереснее моего.

* * *

* * *

Название произведения – тоже авторская интерпретация, подсказка, с помощью которой направляют или, наоборот, запутывают читателя, обращая его внимание на некоторые особенности текста. Автор, заинтересованный в максимально большем количестве интерпретаций, стимулирует фантазию читателя, например, заглавие «Капитанская дочка» фокусирует внимание на второстепенной фигуре повествования, хотя для повести Гринев или Пугачев представляют куда больший интерес.

Размышляя о названии, читатель волей неволей начинает думать, почему в центр поставлена фигура дочери капитана, и отыскивать объяснения, то есть – интерпретировать. Название «Замок» слегка притупевывает главную фигуру романа – Йозефа К., а «Голем» выводит из тени на первый план персонаж, вообще не участвующий в повествовании. О многозначности названия «Улисс» написана целая библиотека.

«Заглавие одного из самых знаменитых и читаемых романов за всю историю человечества – “Три мушкетера”, – пишет Эко, – повествующего на самом деле о четырех мушкетерах, можно отнести к гениальной оплошности, но такого рода рассеянность может позволить себе только очень большой писатель».

* * *

Мои разговоры с мэтром А. всегда заканчиваются одинаково.

Мальчишка явился спустя полтора часа и, положив на стол раввина Иццока два кусочка золота, понурил голову:

– Третий я дал матери, чтобы она рассчиталась с долгами. Но мы вернем и его, как только сможем.

– Почему ты не оставил себе все три куса? – спросил глава общины. – Ведь тебя никто не видел.

– Лучше я останусь бедняком, – ответил мальчишка, – чем получу богатство запрещенным путем.

“Небеса не ошибаются, – подумал рав Иццок, – ошибаются люди в своих предположениях и расчетах”.

На следующий день он отправил мальчика учиться в лучшую ешиву, а спустя четыре года обручил со своей дочерью. Пражские евреи были поражены странным союзом дочери самого уважаемого члена общины с сыном носильщика. Но раввин Иццок не обращал на пересуды никакого внимания, и спустя год пару повели под хупу во дворе Староновой синагоги.

После семи дней свадебного пира раввин Иццок решил, что пришло время забирать обещанный сундук. Вместе с Мордехаем он уселся в экипаж и отправился на то место, где несколько лет назад подобрал три куса золота. Зять с тестем провели в лесу целую ночь, но ни сияние, ни человечки, ни золото так и не появились.

Раздосадованный раввин Иццок вернулся в Прагу, утешая себя мыслью, что время, видимо, еще не настало.

Прошли годы, пролетели многие и многие ночи, проведенные в лесу, и глава общины начал считать происшедшее происками злого духа, смутившего его разум. Разочаровавшись, он стал все холоднее относиться к зятю, пока отношения между ними не стали раздражительными и тяжелыми. Тогда-то Мордехай Майзель вместе с женой покинул дом тестя и стал жить отдельно, открыв небольшое торговое дело. Благодаря честному характеру и незаурядному уму он всего за несколько лет сумел превратить дело в процветающий магазин.

Однажды к нему явился бедно одетый крестьянин и попросил о кредите.

– У меня сейчас нет денег, – сказал он, – но некоторые вещи, которыми вы торгуете, мне очень нужны. Не могли бы вы отпустить их в долг.

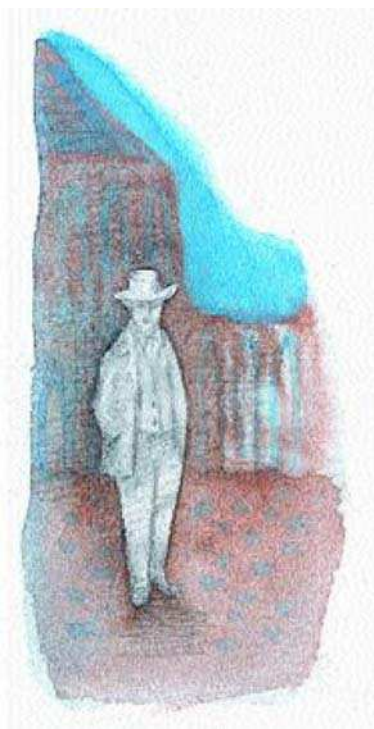
– Если они вам действительно нужны, – ответил Майзель, – возьмите их бесплатно. Появятся деньги, вернете, не появятся – считайте это подарком.

Обрадованный крестьянин собрал с полок нужные ему предметы и тут же предложил Майзелю выгодную сделку.

– У меня дома, – сказал он, – многие годы стоит огромный железный сундук, который никто не может открыть. В благодарность за вашу доброту я готов уступить его по цене лома.

Сундук Майзелю был ни к чему, но что-то в словах незнакомца заставило его принять предложение. На следующий день к магазину Мордехая подъехала телега с большим сундуком. Сундук еле стащили с телеги и водрузили на весы. Подсчитав полученные деньги, крестьянин обрадовался и уехал, благословляя Майзеля за щедрость, а себя за сообразительность. Больше его никто не видел.

Вечером Мордехай, вооружившись топором и долотом, приступил к взлому. К его удивлению, огромный замок слетел после первого удара. Удивление Майзеля переросло в оторопь, когда, откинув крышку, увидел, что сундук заполнен золотыми слитками.

* * *

Писатель способен увидеть то, чего нет, воссоздать отсутствующее, вдохнуть в него жизнь. Соединяя разрозненные факты, осевшие в его памяти, он формирует реальность, способную на несколько часов заставить другого человека отвлечься от существующего. Иными словами, писателю должно быть подвластно волшебство абсента.

Процесс создания текста можно разделить на два этапа. Первый – собственно написание, когда автор ведет диалог с прочитанными книгами. «Каждая книга говорит только о других книгах и состоит только из других книг», – утверждает Эко. Джойс хорошо вписывается в эту концепцию, Кафка куда хуже.

На втором этапе начинается диалог между текстом и читателем. Главный вопрос этого этапа: на какой диалог рассчитывает автор.

Один тип писателей ориентируется на удовлетворение вкуса публики, таким, как он есть. Другой тип – и в этом Джойс и Кафка сходятся – стараются сформировать нового читателя. Когда Набоков писал своего «Соглядатая», читателя, так подробно впивающегося в извивы текста, на русском языке еще не существовало.

В первом случае автор начинает с некоего исследования рынка, а затем подстраивается под его законы. Такого рода книги могут оказаться удачными и весьма читаемыми.

Ознакомившись с рукописью одной известной израильской писательницы, я обнаружил, что она невольно повторила сюжет новеллы Борхеса. Писательница Борхеса терпеть не могла и этой новеллы не читала; сюжет она придумала сама. Я пустился в длинные рассуждения о довольно известном в литературе феномене повторения, упомянул «удар со стороны классика» и предложил ей вплести имя Борхеса в ткань повествования так, чтобы вместо копирования сюжета получилась литературная игра.

– Дорогой мой, – сказала писательница, – оставьте меня с вашим постмодернизмом. Я хочу, чтобы мою прозу читали не только вы и Миша Ю., а обыкновенные люди, не понимающие всех этих штук.

Проблема в таком подлаживании под читательский вкус проявляется на второй или третьей книге; шаблон, избранный писателем, начинает сжимать его воображение подобно удаву.

равновесие между существующим (present) и не существующим (absent), наполняющим и опустевшим присуще Праге, и символом этого равновесия является абсент!

Кафе располагалось возле дома, куда ходил в литературную студию Франц Кафка. Наблюдая за бойкой торговлей, я думал, что Кафка, проработав больше десяти лет служащим страховой компании, не получил за все время своей службы даже трети вечерней выручки кафе, названного в честь его возлюбленной. Деньги и литература несовместимы.

Презрев религию, оставив общину, оторвавшись от семьи ради писательства на немецком языке, Кафка представлялся евреям Праги странным насекомым. Так же, как и Грегор Замза, Кафка перед смертью пришел к заключению о бессмысленности своего существования и приказал Макс Броду сжечь рукописи неопубликованных романов. Брод не выполнил завещания друга, в результате чего европейская литература обогатилась еще одним писателем. О вреде, нанесенном душе Кафки поступком Брода, нам предстоит узнать после наших ста двадцати.

«Путеводитель по Праге» лежал на столике между двумя чашечками «эспрессо». На одной из его страниц мы обнаружили небольшую записку.

«Современный абсент безопасен, – утверждал “Путеводитель”, – поскольку содержит незначительное количество туйона. Рассказы о якобы переживаемых галлюцинациях можно полностью отнести на счет воображения рассказчиков».

Мимо катили расфранченные экипажи пражских извозчиков: уши лошадей закрывали красные шапочки, гривы украшали разноцветные ленты, тихо звенели колокольчики в сбруе, а сами экипажи походили на сказочные кареты, везущие туристских золушек на королевский бал в картонный дворец. Ведь их платья, лошади, кучера, лакеи на запятках не более чем плод абсентного воображения.

Да и сам Кафка, главная туристская аттракция Праги, такой, каким его представляют себе десятки тысяч любителей литературы – миф, наподобие Золушки. Возможно, такого Кафки никогда и не существовало, также как и дурманящих свойств абсента.

«Сто лет назад, – утверждал “Путеводитель”, – стремительно растущая популярность этого напитка начала приводить к снижению потребления вина. Лобби производителей вина распустило слухи о “зеленой пагубе человечества” и добилось запрещения абсента».

Распровавшись с очередной иллюзией, мы перелистали «Путеводитель» вдоль и поперек, но больше не нашли ничего нового. Шесть рекомендуемых маршрутов были пройдены от начала и до конца.

Золотая Прага, золоченая еврейская Помпея, тихо погружалась в глубину памяти, несмотря на то, что вершины ее ратуши, подсвеченные прожекторами, еще сияли перед нашими глазами.

ЕВРЕИ, СЭР!

Ì áí äë Äèðø

#

È áúëë ì ù, è áñòÿ á éííóá éííóíá

Í àðíáíí ááçèääáðíúí è øóí íúí...

Ëèøúí áí ááèíòú äëóí óíá è ííäëáóíá

Øíééääò íáíé ííðÿáí-íúí è óí íúí.

#

Áá, éääáðáò óðá éðáíí íá áñò óí èò

Áííðíí çá-áí ááðáè ááçæáðò

Ëç ò íé ñòðáí ù, ääá «éóí èò -

çíá-èò éðáéò»

È ääá «áíÿòíÿ - çíá-èò ááçæáðò».

#

xèòàÿ Á.Á. Ðíçáí íáà

Òí ðàçí ùøëÿÿ, òí çààðÿÿ,

Òí íáí ààèÿÿ, òí éþáÿ,

Ðíñëÿ ñí í ò ðè òñÿ á ààðáÿ

È àè àè ò ñ óè àñí ì ... ñááÿ.

#

Ñ èè òà Ðñë Ñáÿ ò í é

Í í ÷ ò á í ù á ðááá ò á è è,

Æáèÿ ñí ù ò ù ñè áá ù

Áá è ðí áááí ò í ðàçáí è è í á

Óí ò á è è á ù á á ðà ò ù á á ðá á á

È á è ñ á è á á ò á è á è

È, ÷ ò í è ð è à è ò ù á á ó í é,

Í í ð ð ð -

Ñ í ó ÷ á ñ ò í è è í á

#

Í í á ð á æ á í è á è è á ñ è è á í

Í á ñ á á á á á è è í ì

Á á ç á ñ ò í ù é « ó ÷ á í ù é »

Çääöi ÷eäi öi öðè ò èèöi,

Ñòàòüþ ññ÷èíÿÿ

Î òîi, ÷òî ï àññíú

Ðññèþ çææèè á èíèüüi.

È ï íèòñÿ àí ó

×òî á çäi èá Öäí ààíñèíé

Ñèíí à ñèäÿò ï óäðäüü,

Ñòàòüþ ññ÷èíÿÿ,

Èæé èðíæ ñèäÿíñèíé

Áíáúòüèç ääðéíñèíé ï àüü.

#

«Î àòðèíòü», ññò äæé á çäíáü

è íàóíè,

Ðàçäíðí öèè ðàòðü ó Îñòáíèèíñèíé

áàóíè

È íääæþ òíèèèèññí ó ñòðæéíüð

äääðé,

×òíá ïíáíäàòüí àðíäü

÷òí Áèüðéí - áäðé.

#

Ñíðèèññí á ðÿääð

Öíðäüüè èðäñí üé òèää

Áíí è ò à è è ì ì í é í ò è è ì ì

È ã í è ì ù á

Á á ò è -

Í ò í á í ç ä ä ò á à ì ù é è à è á ò á á -

Ñ í á à è í y à ò

Í á ì á à è í è ì í á

#

Á ò í ò í á í í á ò á æ á í è á è è à ì ñ è á ì

Æ è è í á ì ñ á ò á á ò ò ì ì á í,

Á ò á ò ì ì á í í ò á à ò ñ ò á á,

È ì ñ ç ä ä æ á í è ù ó í é ò ì ì á í,

Í í è í ù é æ è á ì á à ñ ò á á

À á í ò è á á - ó ñ ò í ò ò á í á

Á á á í á ñ ò í ò à ì ñ í í á

Í á à è í y è á ì á ì ì æ è á í á

È á ò á è ò í á ì ñ í í á

Í Ñ è í í ñ è ò í ó á ò á ò á ò

Ð à ì ñ è á à y ò ò y í í,

È à è á ì á ñ á ç à ì è è è í í ò á ò

Á á à y ò ò ò è ñ ò è á í á ì .

È í í á à , á í é à y á á ç à ò ,

Á ó á - è á á à á ò á

Í éæ íí áæéé í ðí òàçàð

Èèè í Áæò àðá

Ðááæò è ðý æóðí àë,

Í ó, í ííã ò è ðæ í úé,

Æéáíáíþ ò àí í ðí éé í áé

Í á ñò ðáí è ö á è à æ á í é.

Áíë è áðæ è è í ò á ðáíþ

Ó í áá í í ðíþ,

Óí, éí í á: í í, «æ è á í á íþ»

Í á áááæ í í é í þ.

Í í á í è í á ý ò í ñò «ç á á áí -

Æéçí è óéðá ó á í úá!» -

Áíá ðáá í í óí áé æ è á á í

Áíò áæ è ò ú í í í í ó á í ú á

È í ðí ñæ á æ á í á ðá ò í í á í

Áúé áðáçíýí è áíú è...

Óí ò ú ó á ú, í á ç á ò à è á í ò,

Á ç á á á í í ñò ú ò á í á

#

Ðáæ è ò ú «í á ò ð é í ò á í »

í í ð á á ú í á ñ í ç á á ð,

Ñí á í á í ý á í ñò í é í ñò á á

δαιμόνια δαιε, -

Ίπνοάπεού i'εέαού á i'ηέi'áρεé

í i'áúq'áá

È áúy'í èòú ÷òí çá «i' áñí ú»

òài ááyò.

#

Ί áúá òài èàé áí çéááòú

ññ è áóéáò ú,

«Ί àò ðé i'ò ú» i'í i'áááááééññ

éóúà òí,

Ðáçúí àòú i'ú òáy'ññ

Ί yòúé i'óí èò áí éáòú

Á «éé ÷ í í ñ ááéá»

Ί àé çááò í í á

Ñí éááò á

#

«Ί àò ðé i'ò» ááññ í í éóáé òí éí -

Ί éðí áí á çéí í áí éááááò.

È ááé áò ññ áí ó ÷òí éí ññ éí

«Ñé í í éñò ñééé óáí ò ð» í áé ááááááò.

«Ί àò ðé i'ò» í á áé áé ò ñé ááééò ññ í á..

Á ò èò éí á í í ÷ í í é, çáí y'ù áé á áñí á

Íí ñ:èòààò àíàíá íáñéíííá

Ñ:àò àíàò àààíí à Ñíáíàðéíí á

×òí íàí á í è ò í á í ð à à è ò ñ ÿ...

í à è áí ù è à ÿ í í ÿ à í í í í ò è à à í á í í è í á í í é é í é ã Á à ñ è è ÿ Ó è ù ù é í á

Á à ð à è, á é Á-á ÿ - í ð í ò è á í ú é í á ð í á

Ó í : ó ÿ ç à í à ò è ò ù á í à : à é á

Í ó à í á á ù, ñ è à æ è ò á - é à

á ù ò è í è ì á ð í ò,

Í ð è è -: í ú ò à à ð à á á á ñ ò ð á : à è ?

Í í á ÿ í á í à è í í í è ò ð à ñ è à ç à ò ù

Á í á ñ ò è ò à à è à ò ð à ç í á ð à ò ù ñ ÿ...

È í ò í è ù é í á ù... í è ð í á ç à í á ð à ò

í è ñ ò ù

Ñ é á í à à è è ò ù à à á ð ÿ ç í í ð à à ò ù ñ ÿ.

Ç à : ò í ÿ á à ð à á á à ù á í á è ð á è ð -

ç à ñ è í í í í ñ ò ù é à é í ó è à ð à é á

È ò í í ó æ á á à ð à è á ó é í ú á í ò ì á è ð

È è à ç ò à ç í í á í á à á à ð à é á

Á í á á á í é á à ð à è, ñ è ð í á á ÿ ò è ò ð í

È í ð à á í ñ í è, è í ð è á í : è è,

Ð à ò ñ ò á í ù ñ ñ ò á í á à ñ í í á í à ò ð í,

Á ð í ÿ ò í á ò í á ò ÿ é à è ò ð è : è è.

È ð à ò ò à è ñ ò í í ú é á í ð ò ó í í á ð è,

Ñ ò ð à è ÿ ÿ í í í è ì è ç ð í á ò è è...

Í ð í ò è á í ú á ñ à è á ð, í í è è á í ò ò ð è

Í á í á í á í á ð ç è è è à à è è.

Ñ í è í ò ù á é í æ á í ú ò é ó ð ò è à ò,

á í ð è : á í è à ò - á ñ á í ÿ ò,

Nò ðàí ú ï ï ï è ð à ÿ ç à è ï í ú,
Í í ã ð í á ó á ð í á ÿ ò á ó à ï ÿ è ð à ï í ÿ ò
È á Ò ð à ï à ò ã ð ð ò è è ï í ú.
À ã ð è ÿ ã ã ò ï ñ è ï á à è ó à è ã è,
Á à ð è ð è è è è ð ð ï á í ú,
Ó á à ð á í: à à ð è ÿ è è è ñ è ï á à è
Á à ð è ñ è è ð ð à à è ï í á ð à ï á í ú
Á ñ ó: è ï ï ú, ó: è ï è ò,
ò à è à à ó ï à ò ï
Í í ð à ç á í í è ï ï ï è ï ð ò?
Í ð è á í è è ñ ñ è ñ è ï á ã ã è ï ï à ò ï
È á í à ð è á ò ñ è ï á í á è è è ï ï ð ò.
Í í ñ ï ó á ã ñ ò è ï è ó à ð á ï ð á ç è ï í ó à,
È ð à á ò á í ï ï á ð à ò ï ï è ï ò á í ó à..
Á ï ò ï ð à á á á í í è ò!..
È á è ò ï, ÷ ò ï ï à ò à
Á ï ò ï à è ò ï ÿ ñ è ð ï á ï ð ï è à á á í ó à

Á í ó ï ð ï è á í è è è ñ ï í è ï ð ï á ò ï ÿ á ñ à ó è è à Á. È ï è ï í ñ è ï á

МАЛАХОВКА. СНЫ

עֵתָהּ אֲבִימֵךְ

Некто Зайцев был моим врагом.

Побуждаемый тщеславием, я предпринял действия, смысл которых – опередить время: из седьмого класса пошел прямо в девятый. И вынужден был сменить школу.

Расставались без сожаления.

Документы выдавал завуч – плотная женщина по фамилии Худая. Никогда меня не любила. В классе, кажется, пятом наша учительница опаздывала на урок. Мы шумели. Я выскочил в коридор, увидел завуча и заорал:

– Тощая идет!

Вот эту «тощую» не могла простить. В канцелярии, подписывая характеристику, сказала:

– Тяжелый ты человек, Гуревич...

Я ответил: столько-то килограммов, Марианна Сергеевна...

Она встала. Серый костюм – металл в складку – разгладился и натянулся, распираемый мощным казачьим телом. Черные волосы природно блестели. Пробор рассекал их надвое. Голова гордо откинута, как у девочки, которая уставилась в небо. Весомый пучок волос – круглая гиля – свисал с затылка.

– Ну, до свидания! – сказала МС. – Будь счастлив...

* * *

Лет до семнадцати жизнь стремительна. Без особых хлопот получаешь то, что положено: прибавляешь в росте, переходишь из класса в класс... И линия жизни кажется тебе вертикальной.

И вот я лежал в лесу, у разбитой плотины, где тысячи людей в разные времена строили планы. Лежал на траве, окруженный учебниками, и купался по расписанию. От солнышка upолзал в тень, на сосновые шишки, и женщины плескались в воде.

Но к осени прояснилось: школа не допустит меня сдать экстерном. Тут было много причин. А формально сослались на прецедент: дескать, такому-то разрешили, а он не тянет...

И авиаконструктор Гуревич (мамин двоюродный брат) нашел новую школу. А я отправился к «тощей» забирать документы. Она выдала их и пожелала счастья.

* * *

В новой школе обо мне говорили, тыкали пальцем.

Слава бежала за мной, переодетая в школьный передник, в коричневое платье с кружевным воротничком. Слава по-настоящему была Слуве – девочка из нашего двора.

Я, Гуревич, стал знаменитым. И гордым.

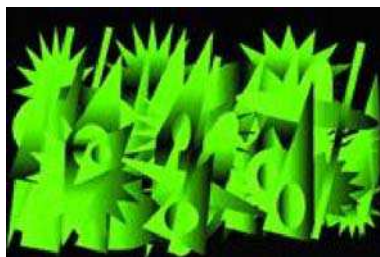
Но утерять бойцовские качества, не сработавшие автоматом, когда некто Зайцев, выпятив нижнюю губу и скаля белые прекрасные зубы, подошел и встал рядом.

За его спиной, между сараями, ветер крутил бумажки. А у нас на солнышке и не дуло. Небо было синее и сухое.

Помню себя у доски, на перемене. Что-то объясняю длинному Ф. (Фердману), который впоследствии, вопреки фамилии (Дураков), за одно лето выучил математику до пол-института... Что-то ему толкую... вроде бы даже из математики...

И грязная тряпка, раскручиваясь, как ракета, летит ко мне из дальнего угла. Хлопается о новую черную рубашку.

Зайцев скалит белые зубы. Пыль медленно оседает.

* * *

Какое-то время спустя (да, ровно через столько-то, тоже осенью) я находился в лечебном учреждении, где соседом моим по койке был человек с псевдонимом Сидоров. Я знаю о нем слишком мало, чтобы рассказывать особую историю. Здесь самое время и место.

Псевдоним Сидоров (Семен Маркович) интересовался мной по сходству болезней. Его дочь, которую я позже увидел, – тоненькая и бледная, будто родители накачали ее худосочием, оставив себе румянец, громкие голоса, ширину плеч и бедер, – тихая девочка Фая маялась той же болезнью, что и я.

Наверное, ей звонили уже мои сверстники, и папа Сидоров, густо фукнув в телефон, – его речевой аппарат устроен так, что звук сперва прорывается носом, достигая гортани и связок, – папа Сидоров вежливо рывкал, пустив сильную носовую струю:

– Кто спрашивает?

И мой сверстник молчал.

Как молчал бы и я, Гуревич.

А тут мы беседовали. Почему-то о ворье, о бандитах. И речь моя шла в сопровождении носа, который, рыча и воя, гнался за каждым словом.

– Скажите, – спросил псевдоним Сидоров, – сколько раз вы ударили человека по физиономии?

– Два, – соврал я.

– Вот видите – два. – Он усмехнулся. – И до сих пор помните... А этот – пауза, – выходит с ножиком. Ему ничего не стоит пырнуть вас и – долгая пауза – мигом забыть.

Так сказал псевдоним Сидоров (Семен Маркович) – военный писатель, сочиняющий книги про Суворова и Кутузова, про местную боевую славу... А я, Гуревич, боялся признаться, что ни разу не смазал Зайцеву по физиономии.

* * *

Когда он скалил белые зубы и пыль клубилась вокруг новой моей рубашки, я не кинулся между партами достать его кулаком. Мой ботинок не ткнулся с размаху куда-нибудь под ребро. И маленький рост не сослужил верную службу... чтобы с разбега... затылком...

Стоял, скрежеща молнией на рубашке. Зубцы заело. Молния не шла... дергал и дергал...

Зайцев смеялся.

Я потащил его вниз, на первый этаж. В тихую комнату. На мягкий диван. У меня хватило сил приволочь родителей. И даже директора – Петра Петровича П, включенного мною в реестр вещей, изготовленных черт-те когда до нашей эры, но продолжавших служить.

То были: кассовые аппараты «Національ», электросчетчики Сиенсь-Шукерть, белая ручка pull (тащи) в нашем коммунальном клозете, ярко-синяя эмалевая табличка Троицкій перь и директор школы Петр Петрович П, бывший латинист, преподававший в гимназии мертвые языки, – Петр Петрович П, «кирпич в кубе», ибо Петр на древнегреческом «камень»... и вот – покоился в мягком кресле, произносил тихую речь...

Зайцев с матушкой улыбались. Мои родители чутко внимали, наморщив лбы для вящего усвоения. ППП говорил, далеко откинувшись и прикрывши веки. Быть может, сочувствовал. А может быть, как древний римлянин – каменно презирал.

Мать Зайцева подтолкнула сына. Мы сошлись. Рука втиснулась в руку. И Зайцев пощекотал меня, эдак, мизинчиком...

– Pax vobiscum! – сказал ППП. – Мир с вами!

* * *

В целях дальнейшего сближения нам поручили совместный доклад. Зайцев отбарабанил свое по бумажке. Потом вышел я. С пустыми руками.

– Где ваша тетрадь? – спросил ППП.

– Какая? – не понял я.

Ребята засмеялись. А это нечасто бывало на уроках нашего «кирпича».

– Я спрашиваю про доклад...

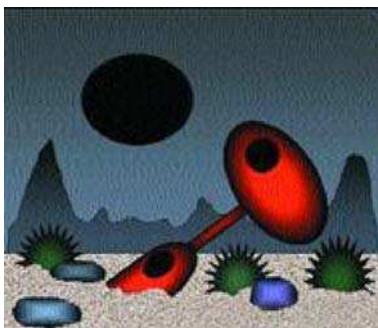
– А-а, – сказал я, – тут.

– Где?

Возможно, было прибавлено «покажи» – слово, которого не хватает мне для полного счастья. Но и без «покажи» я, Гуревич, сделал бы так, как сделал. Мой палец согнулся крючком и трижды простучал по лбу, выбивая особенный гулкий звук, которым и по сегодня славится моя голова.

«Кирпич» вздрогнул. Я стоял у доски, скромный, как победитель.

– Хороший доклад, – одобрил директор. – Но зачем двойная работа? Принесли бы тетрадь и прочли. Совершенно излишне вызубривать наизусть... – Ubi mel, ibi fel, – сказал по-латыни. – Где мед, там и яд... Где ум, там и глупость.

* * *

Некто Зайцев был моим врагом.

Служил в спортроде, играл в хоккей за сибирский СКА и по три месяца кряду гостил у матери в Троицком переулке. А я бегал вокруг музыкального ящика, который командовал «запевай!», – и добежался до госпиталя, где и встретил премудрого Сидорова.

Я, Гуревич, рассказывал про товарища, про близкого друга, который (воображаемый близкий друг) раскрыл череп однокласснику. Того – одноклассника – в больницу: сотрясение. Этого – близкого друга – из школы...

Так плел я псевдониму Сидорову (Семену Марковичу). Рано утром. На рассвете. До завтрака и обхода.

А Зайцев взял у отца машину – армейский списанный «газик» – и газанул.

А я лежал в госпитале, в другом часовом поясе, и утешался байками. И видел сны.

Как стою на школьном дворе, за сараями. Зайцев веселым шагом, звякая случайною консервной банкой, пасует с левой ноги на правую... Выхожу навстречу. Бах, трах и опять бах!

«Газик» мчится по автостраде. Сворачивает на Малаховку. Спуск. Мостик. Подъем... В аккурат – «керосинный день», и автобус подбирает пассажиров с бидонами.

Малаховский мальчик Яша с канистрою на багажнике, вихляя рулем, пересекает шоссе. Давя на педали, выскакивает из-за автобуса...

А Зайцев, конечно, обьезжает на скорости...

Я же не сплю по ночам в чужом часовом поясе и верю в судьбу. Которая непременно сведет нас. Где-нибудь. Когда-нибудь. Обязательно. «На земле, в небесах и на море!» – как орали мы, маршируя с полною выкладкой вокруг музыкального ящика, украшенного погонями.

* * *

Услыхав наступающий гул, Яша оглянулся. Потянул руль на себя, и велосипед встал на дыбы, как в цирке.

«Газик» бросило в сторону, хлопнуло об асфальт. И зеленая мокрая земля брызнула сквозь лобовое стекло. А брезентовый верх затрясся, будто от хохота.

Зайцев улыбался. Лежал свежий, нетронутый, даже с румянцем... Думали, просто потерял сознание...

А на шоссе хозяйничала милиция. И укрытый синей шинелью, дрожал малаховский Яша, вцепившись в велосипед, непрерывно и черноглазо моргая...

Но люди кругом радовались. Ведь канистра у Яши полная. Пронеси и помилуй, могло бы взорваться. Случился б пожар. Огонь перекинулся бы на автобус. И сколько б погибло малаховского народа. А так – один лишь водитель в «газике»...

Яша мигал и всхлипывал, и от дрожи, как в лихорадке, прыгал велосипед. Керосин колыхался в канистре. Бултыхалось, бурлило и булькало. Будто какого-то, извините, Гуревича мучила жажда, и никак ему, бедному Г, не удавалось выпить.

Ī ðei á:áíéá

Ī áéáðíáá – «ĭĭáĭ ĭñéáĭ úé Éáðñáéèĭ». Áá-ĭ úé ĭñééĭé, éçááĭ á ĭáñéáĭ ĭ úé ááðáĭ é.

ОСЕННИЕ ПРАЗДНИКИ

Èëàí à Àðè

«À ñàù ìí ì àγγὼά àí àðàñé ààí ü áðàò ò áàñ ï ðàèðàíàí éà ò ðáñá ï àí γὸ ïààí éà ò ðáñá üí ãëàñí, ï àðà-áí éàí ñàγὸüí. Í èëàêñé ðáñáòü ï á àáëàé ò á, è ï ðéí ï ñé ò á ï àí àí àéè ï ðñ æ àð ò á á Æ-ñ í á ó» (À à è è ðñ, 23:25).

«À ààñγὸüé ààí ü γὸ ï àí ñàù ï àí ì àγγὼά - Àáí ü Èñéñí éàí èγ, ï àðà-áí éà ñàγὸüí áúúò ó áàñ è ñ è ðñé ò á áðè è áàøé, è ï ðéí ï ñé ò á ï àí àí àéè ï ðñ æ àð ò á á Æ-ñ í á ó» (À à è è ðñ, 23:27).

«À ïγὸí ááðàòüé ààí ü γὸ ï àí ñàù ï àí ì àγγὼά - ï ðáçñí èé Èóíáé, ñàí ü áí áé Æ-ñ í á ó. À ï àðàñé ààí ü-ñàγñáí ï ï á ñ àðàí éá: ï èëàêñé ðáñáòü ï á àáëàé ò á...»

(À à è è ðñ, 23:34 35).

«È áñçñ è ò á ñàáá à í àðàñé ààí ü ï éñá áàðááá áèèèééáñí í àí, áàð áé ï àéññ ï áñá è ï ò ðñí ð è è áðááá áñò ï è è ñ ò á á í í í áí, è áàðá ðá-í ü ò è ðááðé ò áññí ï àðáá Æ-ñ í á àññé èññ üí ààøéí ñàí ü áí áé» (À à è è ðñ, 23:40).

ÀËÏ Í-ΘÁÓÓ

Прямо из аэропорта на больших автобусах нас доставили в «Алон-Швуг» – поселение «Дубки» по-русски. Вокруг песчаник и полынь, а за оградой – зеленое, просто райское место – маслины, гранаты, розы. Под ногами травяной ковер.

Все дома без лифта. А у меня был большой баул и рюкзак. Вдруг подбежал парень в кипе, спросил: на какой этаж? Схватил вещи и вмиг – на четвертый. Раз – и он исчез. Я даже «спасибо» ему сказать не успела.

Сидим в столовой, влетает кто-то из нашей группы, глаза квадратные, на лбу испарина, еле выдохнул:

– Хевре! Ой! Ребята! Здесь у местных на воротах написано: «НЕ ВОЗДЕРЖИВАЙТЕСЬ ОТ СРЫВАНИЯ ВИНОГРАДА!»

Ну мы и не воздержались. Потом совершили набег на плантации нектарина. Смоковница одарила нас сказочным инжиром.

Объяснялось всё просто: поездка сов

пала с годом Шмиты, когда в Израиле все сады, поля и виноградники как бы «ничи»; жаль, что бывает это только раз в семь лет.

В центре поселка – ешива. Вокруг нее бежит ручей. Он сделан специально, чтобы в конце праздника Рош а-Шона, еврейского Нового Года, выполнить обряд Ташлих – вместе с крошками из карманов выбросить грехи. Живущие в ручье декоративные рыбки эти крошки съедают.

דָּיּוּ אֶשְׁרָא

Рош а-Шона, 1 и 2 тишрея (16 и 17 сентября в 2004 году) – начало еврейского года. Основная идея – Коронация Всевышнего. Мы принимаем Его власть, провозглашая Его Царем Вселенной.

У нас, евреев, целых четыре Новых Года. Все они связаны с сельским хозяйством.

1 нисана (весна, знак зодиака Овен) начинается отсчет месяцев, праздников и т. д. В нисане приносился в Храм первый сноп ячменя (омер). И только после этого можно было пользоваться зерном нового урожая.

1 элула (конец лета, знак зодиака Дева) – «Новый Год» для отделения десятины от скота; нельзя было резать животину, пока не отведешь десятую долю от своих стад в храм. («Заплатил налоги – спи спокойно».)

1 тишрея (осень, знак Весы) – Новый Год!

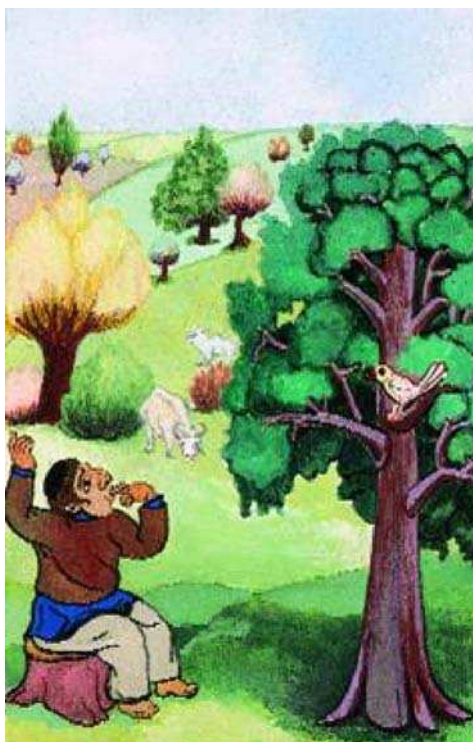
15 швата (Ту би-шват), зимний месяц, созвездие Водолея) – Новый Год деревьев.

От этой даты отсчитывают три года. На четвертый собирают плоды и везут в храм.

В Рош а-Шона мы были в синагоге и слушали трубление в шофар – бараний рог. Молитва была долгой, но мы выдержали.

В любой еврейский праздник на столе хлеб и вино.

В Рош а-Шона в столовой ешивы нас ждала праздничная трапеза, украшением которой были круглые халы. Соль на столе мы не нашли. Стали спрашивать, а нам говорят: «Макайте халу в мед!» После халы все взяли по кусочку яблока и, тоже обмакнув в мед, съели. А раввин пожелал нам, чтобы Новый Год был сладким. Еще подали гефилте-фиш, а раввину – голову рыбы. Перед тем как ее попробовать, он пожелал всем быть в этом году головой, а не хвостом. На блюде у него лежала свекла, на иврите – селек (от корня «пропадать»), и он провозгласил: «Чтоб сгинули наши враги!» Затем поднял гранат и пожелал всем, чтобы заслуг у каждого было столько же, сколько зернышек в гранате.

Один из гостей спросил у раввина:

– Почему же мы – евреи – празднуем Рош а-Шона именно 1 тишрея?

И вот что мы услышали в ответ.

В этот день Б-г завершил Творение Мира созданием человека – Адама. А еще сотворил для него жену – Хаву. Сделал ей потрясающую прическу и привел к супругу. Родились – без каких бы то ни было усилий – первые на свете дети: Каин и Эвель. Змей-искуситель подбил Хаву нарушить единственный запрет Б-га. Чтоб не нести ответственность в одиночку, женщина заставила мужа тоже отведать запретный плод с дерева познания добра и зла.

А мидраш говорит, что она приготовила для Адама виноградный сок.

Создатель их строго наказал: люди стали смертны. А потом сшил для них кожаные одежды и изгнал вместе с детьми из Райского Сада. С тех самых пор мужчина в поте лица добывает пропитание, а женщина рожает в муках.

1 тишрея стало Днем Суда для всего человечества.

Тут же потянул руку другой:

– А отчего мы празднуем Рош а-Шона два дня?

– Каждый новый месяц, – был ответ, – освящался в Израиле согласно постановлению мудрецов Священного Собрания. А те принимали решение на основе показаний свидетелей. Два еврея, прибежав к мудрецам, сообщали, что видели молодую луну. От этого зависел еврейский календарь. Для того чтобы святость первого дня праздника не нарушалась, пророки Израиля постановили всегда праздновать Рош а-Шона два дня. (Иерушалми, Эрувин, 83).

– Почему мы трубим в шофар? – не утерпел третий гость.

Раввин степенно огладил бороду:

– Тора назвала 1 тишрея «Днем Гласа Трубы». В ней написано: «В седьмой месяц, в первый день, соберите Священное собрание, он станет у вас днем трубления» (Бемидбар, 29).

В мидраше говорится, что когда настанет полное освобождение, придет Мошиах, будет трубление в большой шофар. Когда в Рош а-Шона и Йом Кипур мы трубим в бараний рог, ангел-обвинитель думает, что Мошиах уже пришел, пугается и не доносит Творцу о наших прегрешениях.

Рош а-Шона существует для отсчета лет, а также для суда Создателя над отдельными людьми и целыми странами. В этот день решается: будут дожди или засуха. Урожай соберут или его сожрет тля и саранча. Даст скот приплод или начнется падеж. Найдут ли холостяки невест, родятся ли у женатых дети. Заработает ли торговец или обанкротится.

В Рош а-Шона Творец открывает три книги жизни: одну для злодеев, другую для праведников, а третью – для обычных людей. В эти книги он вписывает судьбы на год вперед.

Праведникам тотчас скрепляет печатью решение о продлении жизни, злодеям сразу утверждает смертный приговор. Третью же книгу – для обычных людей – откладывает Он на десять дней, до Йом Кипура – Дня Искупления. Тогда уже решение обретает силу закона.

Терпеливый нам попался раввин, жалко русского языка не знал – переводчик умаялся.

В период между Рош а-Шона и Йом Кипуром нужно совершить как можно больше хороших поступков, просить прощения у всех, кого обидел. Всевышний особое внимание уделяет отношениям между людьми!

В Йом Кипур – пост. Раскаивались, вспоминали, как Авраам приносил Ицхака в жертву. Хорошо, что в последний момент его бараном заменил, а то не было бы еврейского народа. Вот мы и трубим в шофар – бараний рог, напоминаем Творцу о событиях. Авось, вспомнит и нам грехи простит. В синагоге молились весь день с небольшими перерывами. Чтоб не думать о еде, рассказывали друг другу сказки, соответствующие моменту:

СУД

Жил-был в местечке еврей. Имел тощую, вечно всем недовольную жену и орону детей. Постоянной работы у него не было. То приезжому вещи от тарантаса до постоянного двора доставит, то покупки с рынка хозяйке поднесет, то еще что.

– Ну почему так? У других все, а у меня хоть шаром покати! В чем я провинился? Жена болеет, кормить детей нечем. Пойду к раввину, спрошу: как быть?

Народу в приемной много. Занял очередь и заснул. И видит: зал заседания, весы с громадными чашами. Слышит голос:

– Сегодня судим такого-то.

– Ой, это же меня.

– Есть у него добрые дела – мицвойс?

Впорхнули белоснежные крылатые создания и разместились по краям левой чаши весов. Та слегка опустилась.

– А как обстоят дела с грехами?

Ввалились похожие на рыцарей в черных доспехах чудища и влезли в правую чашу. Та моментально плюхнулась наземь.

– Дело – дрянь. Но, наверное, у него были в жизни цорос – беды и несчастья?

Появились «рыцари» в серых доспехах.

– Пусть встанут рядом с добрыми делами.

Чаша почти уравнилась, но остался небольшой зазор. Грехи слегка перевешивали.

Встрепенулся подсудимый, да как заорет:

– Добавьте мне еще цорос!

Тут бедняга проснулся. А из раввинского кабинета вышел секретарь и говорит:

– Ваша очередь, пожалуйста.

– Не надо, я уже все понял.

Нахлобучил картуз и был таков.

ÑÂÈÑÒ

В одном еврейском местечке на Волыни жил маленький мальчик и звали его Мотл-сирота. В хедер он не ходил, а целыми днями коров пас да с соловьями в свисте соревновался. Ростом мал, худ, глазенки карие, в нечесаных волосах репей. Ноги босы. Из одежды – одни порты да рубаха холщовая, веревкой подпоясана.

Настало время Йом Кипура. Пришел Мотл в синагогу и видит: все в талесах на полу сидят, молятся, рыдают. Захотелось ему вместе со всеми в службе поучаствовать. А как это сделать? Так горько и обидно стало, что даже слезы из глаз полились.

В зале воцарилась тишина. Вдруг раздался заливиственный свист. Все повскакали со своих мест, зашумели. Служка уже схватил нарушителя за ухо и собрался вывести из синагоги, но тут подошел раввин. Он обнял мальчика за плечи, погладил по голове и сказал:

– Весь этот день мы провели в посте и рыданиях, но видел я, что все наши старания напрасны. Небеса были глухи. Только когда раздался твой свист, открылись небесные врата и пропустили наши молитвы к Творцу. Спасибо тебе, Мотл.

* * *

Недалеко мы от этого Мотла ушли. Многого еще не знаем.

Шелест олив навевал мысли о бренности жизни. Поблизости, прямо над столовой виднелся пост-беседка. В ней сидит ешива-бохер с автоматом. Внутри ешивы – еще один пост. Парни времени зря не

теряют: на столе раскрытый том Талмуда, рядом УЗИ. Ворота поселка встроены в забор из колючей проволоки и тоже охраняются. А над головой безоблачное синее небо, только самолеты иногда низко пролетают.

ÈÁÐÓÑÀÈÈÌ

Первый раз нас отвезли на Шабос в Иерусалим и поселили в старом городе. Познакомили с местной религиозной еврейкой. Вечером она провела нас по узким улочкам к Западной Стене – Котел а-Маарави. В России ее называют «Стеной плача». Площадь перед Стеной разделена на женскую и мужскую половины. Вся площадь тогда была заполнена народом. Какие-то хасиды, обнявшись и образовав большой круг, весело танцевали и пели.

Желтая луна выглянула из-за башни Давида и осветила Стену. Я прижалась к ее большим и теплым камням. В голове вспыхнуло: как мечтал мой прадед приехать в Эрец Исроэл и помолиться на этом месте! Поглядев вправо, я увидела, что несколько женщин в платках уходят с площади, пятась задом. Я удивилась. Остановила одну из них и выяснила, что поворачиваться спиной к Стене нельзя, поэтому принято уходить с площади таким странным способом.

Как только на небе появились три звезды и кончилась суббота, мы побежали на арабский рынок. Зашли в лавку ювелирных украшений. Присмотрели было кольцо из цветного итальянского серебра. Потом оно показалось нам коротким. Продавец с круглым лицом уговаривал нас примерить украшение. Он подвесил кольцо к мочкам своих ушей. Оно болталось у него под подбородком. Масляные глазки смеялись:

– Посмотри, как красиво!

– Найди подлиннее. Это же собачья удавка.

– Вот это, наверное, вам подойдет.

– Почему?.. Да мы ж студенты, нет у нас таких денег! Пойдем! – сказала я подруге. – В другом месте дешевле купим.

– Стойте, не уходите! – запричитал торговец, – Сколько дадите? Ну хорошо. Ни вам, ни мне. – Цена упала вдвое.

ÑÓÊÊÌÑ

На Суккос нас опять привезли в Иерусалим. Мы обязательно должны были побывать в районе «Меа шеарим», где находился рынок «Четырех видов растений» – «Арбаа миним». Степенные отцы семейств в мохнатых шапках – штраймлах – важно вышагивали по улице, останавливались у лотков с эрогами – цитрусовыми плодами, похожими на крупные лимоны. Вспомнились сказки, которые мне в детстве читала бабушка:

יְנִדְיָא

В одном местечке пошел раввин на рынок покупать эсрог. В лавке горы цитрусовых. Выбрал себе красивый и большой эсрог.

– Сколько?

– Я знаю, что ты мудрец и праведник. Отдай мне за этот плод твою долю в будущем мире.

Задумался раввин. Заповедь следует исполнять с собственным эсрогом. Ну как вдруг отдать награду за праведно прожитую жизнь? Может, выбрать эсрог поменьше?

– По рукам.

– Э, так не пойдет. Зови свидетелей, подпишем договор.

Так и сделали.

Наступил Суккос. Родные раввина заметили, что он светится от радости. А утром, когда держит эсрог, прямо-таки воспаряет. Стали допытываться:

– В чем дело?

– Поскольку свою долю в будущем мире я уже продал, я выполняю мицвойс из любви к Творцу, а не из-за награды.

И тут все услышали Голос с неба:

– Долю твою в будущем мире удваиваю.

יִיְשׁוּעֵי

Жил-был в местечке бедняк по имени Хаим. Жена, семеро по лавкам. Случайно грошик за подкладкой отыскался. Пришел к раввину посоветоваться.

– Что делать? Как быть? Где добыть денег?

– Выше голову! Соглашайся на любую работу, не отказывайся от первого попавшегося предложения. Вперед!

Проходит мимо корчмы. Гудеж стоит – богачи пьянствуют.

– Эй, шлепер, кум цу мир!

– Зачем?

– Гешефт сделаем. Купи коня.

– Мошны не хватит.

– Тогда купи шапку.

– Да и на нее не хватит.

– А сколько есть?

– У меня всего один грош.

– Хочешь, я продам тебе свою долю в будущем мире? Давай грош сюда. Держи расписку. Ха-ха-ха! Во дурень, верит в награду на небе за праведную жизнь на земле!

Хаим молча положил бумажку в карман и возвратился домой. Не прошло и часу, как прибегает протрезвевший махер:

– Слушай, Хаим, я пошутил. Верни бумажку. Жена из дому выгнала. Говорит, что это и ее место в будущем мире я продал. Развод требует. Спрашивает, где я был, когда мозги раздавали. Говорит, что такой балабус ей не нужен. Чтобы я – шлемазл – без расписки не появлялся. На, возьми свой грошик. Видишь, я его не потерял.

– Давай миллион, получишь расписку.

– Фар вус? За что? За этот клочок бумажки? Пошли в раввинский суд! Пусть нас там рассудят.

Раввин выслушал обе стороны и говорит:

– Так не шутят. Тебе место в будущем мире ничего не стоило? Теперь плати. Да смотри, по пьянке душу не продай.

Ì ÁÀ ØÁÀÐÈÌ

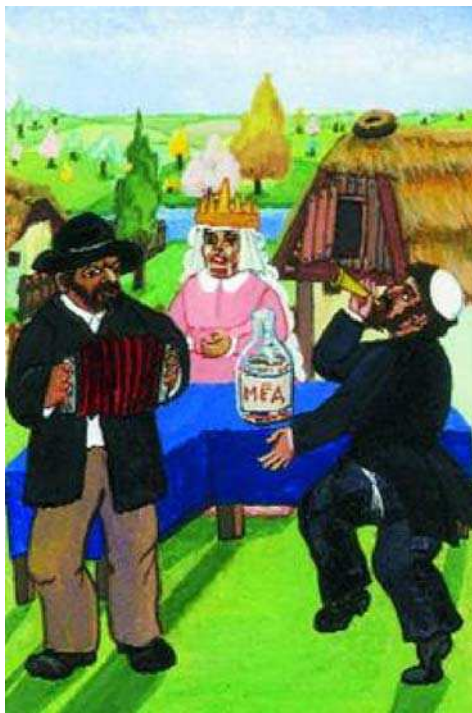
Что только не придет в голову, когда прогуливаешься по тесным улочкам района «Меа Шеарим» («Сто Ворот»). Книжные и ювелирные лавки на каждом шагу. Только заглянула в одну, как с улицы раздался писк, визг. Выскакиваю обратно. Что такое? Одна из наших стоит вся мокрая. Оказывается, попыталась сфотографировать хасидов, а на нее из окна сбросили «водяную бомбу» – пакет с водой.

Но «мокрая курица» не унялась и продолжила фото-охоту за колоритными типами. Увидела маленького хасида, выбирающего веточки мирта, только нацелилась объективом, как перед ее носом выросла его старшая сестренка. И кулаки сжаты. Следующей «жертвой» стали два отца семейств в меховых штраймлах. Они были большие и грузные – бежать не собирались... Именно из этой коллекции ко мне попал снимок, на котором молодой хасид рассматривает на свету этрог.

ÑÈÌ ÕÀÑ ÒÌÉÐÁ

Конец Суккос и Симхас Тойра мы провели «у себя» в «Алон-Швуте».

Ожидали бурного веселья, кувыркания через голову, песен и шуток. Но все было тихо и скромно. Прошли положенные круги – акофос, покатали деток на плечах и – по домам. Ну ничего, на следующий год наверстаем. А тогда сидели возле синагоги под оливой, и вот такие сказки рассказывала мне подружка:

ПРИНЦЕССА

Жил-был Царь. Была у него дочь-красавица. Настала пора ее замуж отдавать. Принялись женихи один за другим ко двору подкатывать. Первый сватается...

Нет, царской дочке он не по нраву.

– Этикету не признает! Нос рукавом утирает! Что на столе – все в рот прямо руками тянет. Не хочу такого!

Второй прискакал.

– За пьяницу не пойду! Он все приданое пропьет и по миру меня пустит!

Пыль еще не осела – третий жених пожаловал.

А принцесса опять ворчит: «Происхождением не вышел, родители-идолопоклонники, только что с пальмы слезли...»

– Ах, так! – Царь рассердился. – А позвать сюда первого попавшегося!

Тот как из-под земли вырос.

– Эй, малый, ты не женат?

– Никак нет, Ваше Величество.

– Дочку мою в жены возьмешь?

– С радостью.

Стол накрыли, свадьбу справили. Молодые в деревню уехали.

Принцесса в деревенской избе надрыдается, слезами горячими заливается. Вокруг глушь да топь непролазная, домой во дворец не убежишь. Затосковала... Попробовал муж ее развеселить. Медовуху сварил, соседа с гармошкой позвал, сам на дудке сыграл. Не тут-то было. Принцесса горюет пуще прежнего.

Делать нечего – мужик к Царю подался:

– Дочь твоя любимая пропадает, тоскует. Навести нас, родимый тестюшка...

Царь в золоченой карете к самой избушке подкатил. По саду с дочкой погулял, про мужа расспросил: не обижает ли?

– Да что ты, батюшка! Добрый он, заботливый...

Тут прямо на травке скатерть-самобранку расстелили, всякой всячины нанесли. Народ в пляс ударился. Деревенские – кто во что горазд, дудят, бренчат... Водят с принцессой и Царем хороводы. А там и меду с пивом поднесли угоститься. Сел Царь в карету и укатил восвояси.

Так и мы ежегодно с Торой-царевной танцуем, показываем Царю нашему – Всевышнему, как любим и почитаем его дочь. Праздник так и называется – Симхас Тойра.

ИЗРАИЛЬ

Путешествовали мы по всей стране. Где только не побывали! От Хеврона на севере до Эйлата на юге. Перешли по мосту через «великую» реку Иордан. Она сейчас воробью по колено.

Привезли нас к пещере времен Хасмонеев, где евреи прятали оливковое масло от римлян. Там был такой узкий лаз, что продвигаться можно было только на пятой точке. Проводник предложил выбраться наверх через сухой колодец, где в стены вбиты скобы, за которые можно зацепиться. Дальше, мол, будет еще у же. Поскольку я – не дюймовочка, то быстро поднялась и устроилась в тени. Остальные решили проползти до конца. Каково же было мое удивление, когда я узнала, что в конце лаза застряла самая стройная девушка из нашей группы. Ее еле выдернули, и вся группа, пятась, приползла к сухому колодцу.

От всех поездок остались фотографии и фраза на иврите: «Кедай лакахат коваим вемаим». Что означает: «Стоит захватить панамы и воду».

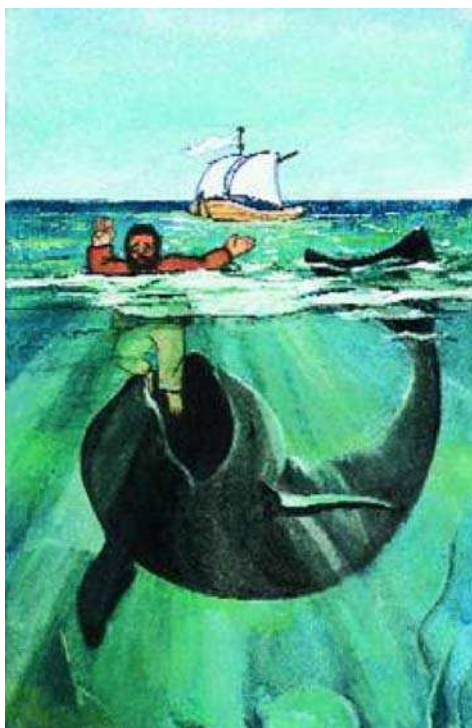
יֵי אֵי אֵי אֵי וְעֵי יוֹנָה

Подходила к концу наша стажировка в Израиле, и мы стали канючить:

– Прилетим в Москву – снегу по пояс. Хотим в Эйлат!

И вот, наконец-то, знаменитый залив. Приехали ближе к вечеру. Сначала нас повели в подводный музей. Там все наоборот: люди в аквариуме, а рыбы вокруг плавают. Рассматривают нас, как диковинку. Удивляются. Громадная морская черепаха прижалась носом к стеклу, решая, отдать нам золотой ключик или подождать. Акула презрительно повернулась к нам хвостом и нырнула в фиолетовую глубину своего бассейна.

Вдруг в моей голове родилась мысль: а как выглядела рыба, которая проглотила Иону? Ну, того самого, помните? Сейчас расскажу.

עֵי יוֹנָה

Жил-был в портовом городе Яффо пророк. Звали его Иона. Однажды услышал он голос с неба:

– Вставай, иди в Ассирию, в город Ниневию. Объяви народу:

«Очень прогневали Б-га жители. Еще три дня, и город полетит вверх тормашками!»

Собрался Иона в дорогу. Сел на корабль и поплыл в противоположную сторону – в Таршиш. Почему? Ведь пророки всегда делают то, что велит Создатель. Но Иона предвидел, что жители Ниневии испугаются Б-жьего гнева, раскаются, – и землетрясения не будет. Они-то спасутся, но потом нападут на евреев и угонят их в плен, в Ассирию. За что? За все хорошее.

Заволокло небо черной тучей. Началась на море буря. А Иона отправился в трюм – спать. Корабль стал тонуть. Капитан уже груз за борт выбросил. Всех на палубу поднял, молиться богам заставил – не помогает. Тут кто-то вспомнил про Иону. Разбудили его. Спрашивают:

– Ты почему, паразит, не молишься?

– А зачем? Бесполезно. Эта буря из-за меня. Посмотрите, она ведь только вокруг нашего корабля. Я должен был по воле Творца всего сущего плыть в Ниневию, но я не хочу. Ваш корабль держит курс на Таршиш. Совсем в противоположную сторону. Мне это и нужно: быть подальше от Ниневии. Вот Создатель и насылает бурю.

– Эй, так это из-за тебя мы тонем?! Проси немедленно у твоего Б-га прощенья!

– Не хочу. А чтоб нам вместе не погибнуть, бросьте меня в море.

Опустили Иону в воду по колено – буря прекратилась. Вытащили – опять кругом ненастье, и молнии сверкают. Так трижды проделали. Иона в волнах – кругом полный штитель, и солнце светит. Иона на палубе – десятый вал готов обрушиться на угловое суденышко. Делать нечего. Отправили Иону в свободное плаванье. Тут же появилась гигантская рыба и проглотила его. Буря стихла. На корабле все запели хвалу Единому Б-гу. Иона трое суток прожил в брюхе рыбы. Характер показывал. Но потом не выдержал и взмолился Творцу:

– Отец милосердный, да будет воля твоя! Смилуйся над рабом твоим.

Тут же рыба выплюнула его на берег. Встал Иона и пошел в Ниневию. Стражники его увидели – чуть концы не отдали: страшный, весь зеленый от водорослей, глаза горят. Сам, не переставая, вопит:

– Раскайтесь, люди, а то через три дня от Ниневии камня на камне не останется!

Услышал это правитель и издал указ: «Всем одеться в мешковину, самим не есть и не пить три дня и скотине не давать! Может, еще помилует нас Б-г!»

Прошло три дня. О землетрясении не слышно. Обиделся Иона на Б-га:

– Столько мук из-за тебя претерпел, а ты этих идолопоклонников простил! Не хочу больше жить!

Вышел Иона за город. Построил шалаш и улегся на голой земле. Тут ниспослал Творец жару. А ветру приказал отдыхать. Стало Ионе невмоготу.

Вдруг над его шалашиком выросло деревце клещевины. Оно укрыло его от палящего зноя. Но недолго пророк наслаждался прохладой. Завелся в стволе жучок – дерево засохло. Опечалился Иона. Раздался голос с неба:

– Почему горюешь? Дерево жалко? Ты же его не сажал, не растил! И все равно жалко? Как же мне не пожалеть целый город, тем более, что люди исправилась?

Иона тяжело вздохнул:

– Ох, напрасно я выбрался из рыбы!

Почему евреев сравнивают с рыбами? Рыбы живут в воде, а на суше погибают. А мы не можем без Торы. Без нее ассимилируемся и исчезнем.

УЕЕАÒ

Музей хорош, все в нем плавают, и нам поплескаться охота. Быть в Эйлате и не окунуться в море – преступление. Звезды светят, море шепчет. пляж дикий.

– Мальчики – направо, девочки – налево!

Встали в кружок, переодеваемся в темноте. Вдруг слепящие лучи двух прожекторов освещают нашу девичью группу. Визг, писк – прожектора погасли. И тут мы рассмотрели грузовичок, стоящий на сопке. Прожектора опять принялись нам подмигивать, но мы уже переоделись и врассыпную бросились в волны. Помня про ежей, я плыла в кожаных сандалиях на толстой подошве. Власть наплававшись, вышли на сушу. Наши ребята на углях в мангале жарили соевые сосиски. Кто-то брэнчал на гитаре. Затянули нестройно «Золотой Иерусалим».

Хорошо съездили. Весь Израиль посмотрели. Жалко – мало. Хочется еще. Страна, текущая молоком и медом, зовет меня к себе.

РАББИ ШМУЭЛ А–НАГИД

Маркус Леман

ĀĒĀĀ Ī ĀDĀĀB

ĒĪ DĀĪ ĀĀ

Приходилось ли тебе, любезный читатель, бывать в стране, где после разрушения Храма нашли пристанище и покой чада Израилевы, где жизнь еврейской диаспоры казалась подчас воистину благословенной? Знакомы ли тебе эти края, под небом которых отцы и братья твой становились, бывало, первыми советниками, министрами и вельможами? Вершили судьбы государства? Если земля эта тебе до сей поры не знакома, – давай отправимся туда вместе. Умчимся, как ветер, от нашего тревожного времени, навестим далекое прошлое, эпоху, когда по воле небес случалось большим людям избирать себе советников из народа, верившего в Тору Всевышнего.

Итак, решено. Отрясем от ног своих прах нынешних дней, скроемся от насущных забот под сенью кипарисовой рощи, среди густых зарослей мирта, где над речной гладью слышится трепетание неведомых крыл и порхают бабочки, раскрашенные в диковинные цвета. Где душа полнится сладкими мечтаниями, а на губах ощутишь вкус райских плодов. Пусть оживут перед нашим мысленным взором картины минувшего, благородные лица вельмож, мудрецов Израиля, бессмертных поэтов, сыновей гармонии, умевших славить на святом языке величие и праведность Творца.

В западной области Испании, носящей название Сьерра де Кордова, на правом берегу реки Гвадалквивир расположен древний город, окруженный крепостными стенами и высокими башнями. Еврейская община в Кордове существует с незапамятных времен.

Еще в Талмуде, в трактате Иевомойс, упомянут некий Ицхак Рейш Галута, который отправился в Картаву (древнее название Кордовы). Сегодня это город средней величины; там имеются кое-какая промышленность и плохо развитая торговля. Однако в те давние времена Кордова переживала небывалый расцвет. Столица государства, основанного в 515 году пятого тысячелетия халифом Абдаррахманом I, она значительно разрослась и за короткое время превратилась в самый крупный и процветающий мегаполис Иберийского полуострова. Мусульмане, бывшие в те поры властителями всей Иберии, относились к этому городу с особым уважением, почитая его священным для своей религии. Территория Кордовы была столь велика, что обойти ее целиком пешеход мог лишь за шесть часов. В городе обитало около миллиона жителей, а число мечетей доходило до шестисот. Он насчитывал примерно шесть тысяч крупных строений и девятьсот общественных купален. Имелся в нем также монументальный Ученый Дом, а при Доме – огромная библиотека (там хранилось около шестисот свитков из обработанной кожи). Почти восемьдесят общеобразовательных школ были открыты в Кордове. Двор Халифа блистал сказочным великолепием. Центральный дворец украшали четыре тысячи триста мраморных колонн, опиравшихся на золоченые основания. Да и прочие постройки, прилегавшие к дворцу, блистали не меньшей роскошью.

Кроме того, Кордова считалась центром науки, а также поэзии и искусств. Даже властители Флоренции не могли похвастаться столь же богатыми собраниями живописных шедевров и коллекциями ценных рукописей, таким же количеством постоянно гостивших в городе знаменитых ученых, художников и философов. Сами правители Кордовы не чуждались занятий поэзией и науками. Сведущие в разных учениях и искусствах люди стекались в этот город не только со всех концов мусульманского мира, но и из многих христианских стран.

Естественно, расцвет и слава Кордовы благоприятствовали обстоятельствам, в которых существовала еврейская община города. И хотя большинство евреев ютились на узких и тесных улочках, сбегавших по склонам горы, были среди них и такие, кто имел собственные красивые дома и даже летние дворцы в предместье, где сады благоухали запахом апельсинов. Пьянящий этот аромат и вода, бьющая из фонтанов, наполняли воздух необыкновенно приятной прохладой.

То был период особенно углубленного изучения Торы в Кордове или «Добром граде», как нарекли ее основатели-финикийцы. Во главе ешивы стоял рабби Ханох бен Моше, который обучал своих учеников Талмуду, толкуя его в меру собственных сил, поскольку комментарий Раши тогда еще не был создан. В те же времена в городе жил рабби Иеуда Хайюдж, знаменитый грамматист, к которому отовсюду стекались молодые люди, жаждущие познать законы святого языка. Кроме самой Торы, многие еврейские мудрецы изучали науки, необходимые для того, чтобы знание Торы стало совершенным, – математику, физику, медицину. А еще появились в Кордове несколько великих еврейских поэтов.

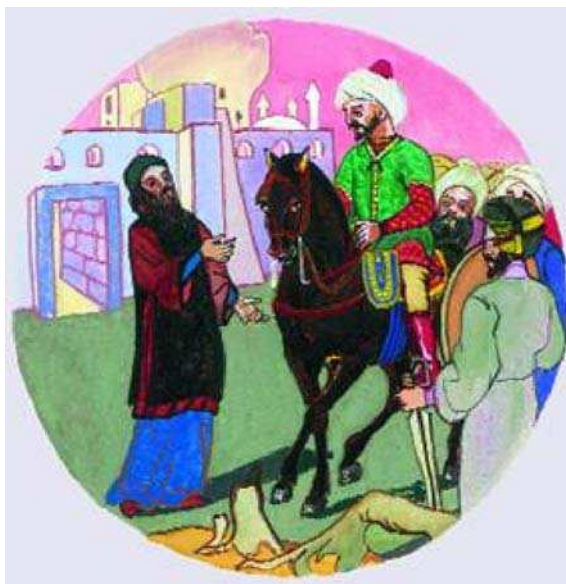
Но чтобы до конца понять, как именно жил в Кордове наш главный герой, рабби Шмуэл а-Нагид, нам придется вернуться назад и понять, что способствовало перемещению центра изучения Торы в Испанию.

ĀĒĀĀĀ ĀŌĪ ḌĀḂ

ŌĪ ḌĀ Ā ĀĒĀĀĪ Ī ḌĀ

Самый крупный во всех отношениях центр изучения Торы за пределами Израиля находился в Вавилоне. Еще до разрушения первого Храма вместе с «изгнанниками Иехонии» пришли туда «и пахарь, и кузнец», которые, как говорили наши мудрецы, «ежели начнут пахать (поле Талмуда) – всяк станет сеятелем (семян знаний), а коль скуют (зададут вопрос позакoveryистей) – никто не раскует». Открыли нам мудрецы и то, почему первыми в изгнание ушли умнейшие из народа, учителя Торы: ушли, чтобы сохранить знания, чтоб не забылась, не дай Б-г, Тора в Израиле. Потому-то, когда Храм был разрушен, когда учителя и ученики покинули Святую землю и кончилось изучение Торы, многие из мудрецов Израиля уже долгие годы жили в вавилонской диаспоре, жили в покое и достатке и основали у себя многочисленные ешивы. Так была спасена Тора от забвения. И уже более не прекращалось изучение Святой Книги в земле вавилонской, и во времена, когда был построен второй Храм, многие из еврейских мудрецов и учителей оставались в Вавилоне. Но высшего расцвета достигла вавилонская диаспора, когда знаменитый Аба Ариха, благодаря своей образованности, широкой известности и великому числу учеников прозывавшийся Равом, поселился в Вавилоне и основал ешиву в городе Сура. Рав употребил все свои силы на распространение Торы. Весьма интересен случай, сподвигший его выбрать для своей ешивы именно Суру. Однажды, проходя там, услышал он, как одна еврейка спрашивала другую, сколько нужно молока, чтобы сварить определенное количество мяса. Рав был потрясен тем, насколько забылась Тора в народе Израиля. Даже известнейший запрет, трижды повторенный в Торе ясным и каждому понятным языком, оказался неведом простым евреям! Рав решил непременно основать ешиву в этом городе. Так он и поступил, и в Суру начали стекаться ученики, тысячи и тысячи учеников. С тех пор двумя важнейшими центрами учения стали Сура и Негардея. В последнем находилась ешива мара Шмуэла. Но, кроме них, существовали крупные ешивы и в других вавилонских городах – таких, например, как Пумбедита или Мата Мехасия.

Когда с распространением христианства из земли Израиля один за другим исчезли центры изучения Торы, ешивы Вавилона остались единственными в мире специальными заведениями, где учение продолжало жить. Порядок вещей не изменился и после того, как рав Аши и Равина закончили запись Геморы, и после эпохи савораим, добавившей в Гемару ряд существенных замечаний и алохических постановлений. Он сохранился и тогда, когда началась эпоха гаоним – таким титулом обладали главы вавилонских ешив. Несмотря на то что еврейская диаспора постепенно распространилась по всему миру, нигде больше не возникла ни одна сколько-нибудь важная ешива, и Вавилон по-прежнему пребывал единственным центром еврейского учения. Со всех концов земли в вавилонские ешивы приходили письма с вопросами, с просьбами разъяснить самые разные места Торы. Одни просили растолковать трудный абзац в Геморе, другим требовалось решение алохического вопроса, третьи никак не могли постигнуть смысл предания. Вавилонские гаоны исправно отвечали на все письма, и некоторые из их ответов сохранились поныне. Были гаоны, что оставили после себя целые тома комментариев и алахических установлений. Но ни одного такого же глубокого и исчерпывающего комментария к Талмуду, какой написал впоследствии Раши, не появилось. Не было и ни одного полного собрания установлений во всех областях алохи, подобного Мишне-Торе, написанной впоследствии Рамбамом. Поэтому в те стародавние времена у всякого, кто хотел удостоиться венца Торы, имелся лишь один путь – получить весь Талмуд вместе с комментариями, что называется, «из уст» какого-нибудь выдающегося учителя, запомнить его и научиться свободно ориентироваться в многочисленных, устных же, толкованиях. Возможность такая, увы, редко кому выпадала. Таким образом, единственным местом, где она была реальна, оставался Вавилон.

Но и там наступили трудные времена. Страну завоевали арабы. Гаоном в Суре в тот момент был рав Ханинай, гаоном в Пумбедите – рав Хана, гаоном в местечке Перуз Шавур – мар Ицхак. Гаон мар рав Ицхак вышел навстречу завоевателю Али бен Абутлабу, и тот встретил его благосклонно. Поначалу арабское завоевание даже принесло евреям избавление от многих антиеврейских законов и правил, принятых в конце персидского правления. Но со временем отношение арабских властей к евреям изменилось. У них отняли предоставленную им было почти неограниченную автономию. Ведь Рейш Галута, глава изгнанников из семени царя Давида, с согласия арабских властей был полновластным правителем еврейского населения, и гаонам предоставили самые широкие судебные полномочия. Однако постепенно положение евреев сделалось воистину плачевным.

В результате изучение Торы пошло на спад, и появилась реальная опасность забвения Святой Книги. Должность Рейш Галуты перестала быть почетной, уважаемой и, естественно, утратила прежнее значение. Арабские власти продавали и перепродавали ее каждому, кто мог предложить большую цену; нередко случалось так, что во главе общины оказывались люди, вовсе того не достойные. Между гаонами и теми, что занимали должность Рейш Галуты, возникали разногласия и распри, подчас весьма опасные, чреватые бедой для всего еврейского сообщества. Росло влияние секты караимов, отрицавших учение мудрецов, записанное в Мишне и Геморе, и признававших только письменную Тору. Секта эта появилась на свет, разумеется, как следствие упомянутого выше бедственного положения. Некто по имени Анан, желавший занять должность Рейш Галуты, не получил на то согласия гаонов и решил в отместку им основать секту, которая отрицала бы их мудрость, авторитет и была прямой наследницей секты садукеев, существовавшей в период второго Храма и со временем сошедшей на нет.

Однако по милости небес незадолго до того, как положение стало поистине критическим, вавилонская диаспора дала миру двух гаонов, чьи мудрость и величие поставили их выше всех предыдущих гаонов. То были рав Шрира и его сын рав Хай-Гаон. Когда рав Шрира состарился, он назначил рава Хай-Гаона главой раввинского суда. Рав Хай-Гаон отдавал столько сил обучению своих соплеменников Торе и так в этом преуспел, что про него говорили, будто подобного учителя не бывало дотоле. Он был из семени царя Давида, происходил от потомков Зерубавела сына Шалтиэла, а на печати его красовался лев, украшавший в свое время и герб колена Иеуды, и флаг царей Иеуды. Однако конец рава Шриры был скорым и ужасным: арабский правитель заточил его вместе с сыном, Хай-Гаоном, в темницу и конфисковал все их имущество, а под конец велел повесить столетнего рава Шриру за руку. Именно на это намекает текст свитка Эйха, где сказано «Вельможи за руку повешены будут». Вскоре не стало больше гаонов в земле вавилонской.

Но еще при жизни рава Шриры Всевышний по великой своей доброте позаботился, чтобы знание Торы распространилось по всему еврейскому миру. Произошло это благодаря одному весьма странному случаю.

Наряду с понижением общего духовного уровня ухудшалось и материальное благосостояние вавилонских ешив. Поскольку ешивы в городах Вавилона считались центрами знаний всего иудейского мира, то многие еврейские общины (Испании, Северной Африки, Египта и земли Израиля) посылали им пожертвования для поддержки мудрецов и учеников. С приходом в упадок системы образования решено было послать четырех из величайших вавилонских мудрецов в остальные страны рассеяния, чтобы собрать для ешив дополнительные деньги. Для этой миссии были избраны рабби Хушиэл (отец рабейну Хананиэла, известного комментатора Геморы), рабейну Моше бен Ханох (вместе с ним в трудное путешествие отправились его жена и грудной сын Ханох), рабейну Шмарья, сын рабби Элханана, и еще один мудрец, чье имя до нас не дошло.

Корабль, на котором плыли еврейские мудрецы из Вавилона, был достигнут в открытом море флотом знаменитого морского разбойника Ибн Дмахина, состоявшего на службе у владыки Испании араба Абдаррахмана Аль Нацара. Он бесчинствовал по всему Средиземному морю – от берегов Италии и до берегов Израиля. Неподалеку от Италии четверо еврейских мудрецов попали к пиратам в плен. Потрясенный красотой жены рабби Моше бен Ханоха, Ибн Дмахин решил завоевать ее силой. Узнав об угрожающей ей опасности, женщина обратилась к своему мужу с вопросом на святом языке. Она хотела знать: встанут ли в час воскресения мертвых утонувшие в море. Муж ответил: «Встанут, ибо сказано: “И с Башана верну, и верну из глубин морских”». Услышав эти слова, праведница тут же бросилась в пучину и погибла, подобно четыремстам отроков и отроковиц, упомянутых в трактате Гитин.

И решено было на небесах, что четверо мудрецов будут проданы пиратами в разные страны, дабы по всем концам Земли распространить знание Торы. Рабби Шмарья попал в Александрию, где местная еврейская община сразу же внесла за него выкуп и сделала его главой ешивы. Рабби Хушиэла продали в Африку, и он стал главой ешивы в Кайруане – самом укрепленном городе среди западноафриканских арабских поселений. Там и родился его сын, рабейну Хананиэл, великий комментатор Талмуда, трудами которого пользовались мудрецы последующих времен. Рабби Моше и сын его Ханох были отправлены пиратами в Кордову; там их выкупила еврейская община города – даже несмотря на то что отец никому не сообщил, кто они такие.

Израильский народ всегда усердно исполнял заповедь о выкупе пленных и о спасении своих братьев из рабства – будь то мудрецы или самые обыкновенные смертные.

В то время в Кордове существовал большой Дом Учения, носивший название «Кнесет а-Мидраш». Под его сводами творил суд и, насколько хватало его знаний, разъяснял Тору своим ученикам рабби Натан Хасид. Туда и пришел рабби Моше со своим мальчиком сразу по освобождении. Это был день, когда евреи изучали действия первосвященников в Йом Кипур. Присутствовавшие дошли, наконец, до места, где сказано: «И на всякое разбрызгивание – окунание». Сие значило, что всякий раз, когда первосвященник стряхивал с пальца жертвенную кровь, он должен был снова окунуть палец в рану жертвы, ибо нельзя, однажды погрузив его туда, совершить сразу несколько разбрызгиваний. И тут рабби Натан ошибся: объявил ученикам, что после каждого стряхивания первосвященнику следовало самому окунуться в микву. Услышав это, рабби Моше, одетый в рвань, который до того безмолвно сидел в углу, встал и спросил: «А тогда как же с другими окунаниями?» Он хотел сказать, что ежели объяснять слова Мишны так, как это делал рабби Натан Хасид, то первосвященник должен был окунуться в микву гораздо больше назначенных пяти раз, поскольку жертвенная кровь из раны стряхивалась бы и стряхивалась.

Окружающие замерли. Неожиданно для всех чужак, выкупленный из плена и молча сидевший у стенки, оказался великим знатоком и толкователем Талмуда. Ученики тут же, окружив его плотным кольцом, принялись задавать ему вопросы на самые разные темы и просили разъяснить непонятные места в тексте. Всем им он отвечал подробно и обстоятельно.

Так было заведено, что ученики по окончании занятий всякий день расходились по домам, а рабби Натан оставался и вершил суд, выслушивая каждого, у кого были тяжбы, обиды или прошения. Однако на сей раз рабби Натан собрался уходить вместе с учениками, даже не взглянув в сторону людей, ожидавших суда. Те бросились вслед за ним, требуя объяснить, в чем дело. И рабби Натан ответил с великим смирением: «Не смею я более быть судьей вам. Вон тому нашему гостю, одетому в рубище, ему быть судьей вашим отныне и впредь. Он – учитель мой, а я лишь его ученик».

Слова эти, сказанные совершенно серьезно, были и восприняты с полным пониманием. Кордовская община назначила рабби Моше судьей и главой ешивы. В соответствии с высокой должностью ему принесли подобающую одежду, предоставили в его распоряжение колесницу и назначили достойное жалование. Видя, с каким сокровищем расстался он за бесценно, пират, привезший рабби Моше в Кордову, снова похитил его и затребовал с общины небывало высокий выкуп. Однако община обратилась к правителю с жалобой, где особо подчеркивалось политическое значение того факта, что евреи Кордовы не будут более зависимы от евреев Вавилона, поскольку один из самых ученых людей на свете станет отныне жить в их городе и превратит его в главный центр еврейской мудрости – на зависть остальным странам Европы и Северной Африки. А это, в свою очередь, сулит немалую экономическую выгоду. Обращение к властям принесло желаемые результаты: тотчас воспоследовало высочайшее повеление о незамедлительном освобождении рабби Моше.

Описанные выше события, происшедшие по воле небес и ради великой цели – спасти Тору от забвения в народе Израиля, прежде чем исчезнет последний гаон земли вавилонской, стали причиной коренных изменений во многих областях жизни евреев. До сих пор центром их духовной жизни считался Вавилон, хотя еврейская диаспора появилась в странах Европы в очень давние времена. Рамбам, например, свидетельствует, что его предки поселились в Испании вскоре после изгнания из земли Израиля, да и в германских землях, как пишет Рош, еврейская община существовала издревле, а изучение Торы там процветало всегда. Тем не менее, тамошние учебные заведения имели второстепенное значение по сравнению с вавилонскими ешивами. Теперь же положение дел изменилось. Пребывание одного из величайших еврейских мудрецов Вавилона в Испании превратило всю страну и Кордову в частности в основной центр еврейской духовности, в центр особенно углубленного изучения Торы.

С кончиной рабби Моше его место занял Ханох, сын покойного. Он и поныне считается продолжателем династии вавилонских гаонов, а вот его учеников относят уже к следующему историческому периоду – периоду рабанута.

Ἄῆἄἄ ὀδᾶ ὀῦβ

Ῥ ἱ ἱ ῆ ὀῦ

В те времена в Кордову переселился некто рабби Йосеф а-Леви, чьим ремеслом была обработка кожи для книжных переплетов. Его родной город Мерида стоял на правом берегу реки Гвадианы. В Мериде царили антиеврейские настроения, и рабби Йосеф вместе с женой перебрались в Кордову – подальше от ярости толпы. Он слышал, что его ремесло в Кордове в большом почете, особенно среди евреев, сильно к тому же усовершенствовавших процесс обработки кож. Будучи настоящим мастером, он надеялся на новом месте упрочить свое финансовое положение. Подобно рабби Йосефу, ремесленники постоянно стекались тогда в Кордову, где легко можно было найти себе заработок и снискать недурное пропитание. На левом берегу реки расположились мастерские кожевников; люди там трудились от зари до зари. Трудились, не покладая рук. В их ряду заняла свое место и лавка рабби Йосефа. Весьма скоро завелись у него в большом количестве постоянные покупатели, охочие до великолепно выделанных кож.

Благосостояние рабби Йосефа увеличивалось день ото дня, и он был бы вполне доволен жизнью, если бы не одна вещь, без которой счастье казалось неполным. Жена рабби до сих пор не порадовала его потомством. Когда благочестивая и пригожая женщина плакала, жалуясь на свою долю, он привычно утешал ее словами Элькана, отца Шмуэла: «Зачем тебе плакать и отказываться от пищи, зачем хранить печаль в сердце своем? Разве не лучше я для тебя, чем десять сыновей?» Она же отвечала ему словами Ханы-Пророчицы: «Если только воззрит Г-сподь на скорь рабы своей и даст мне плод от семени мужа, то будет он раб Г-спода, спаситель и защитник братьям своим!» Кстати говоря, семья рабби Йосефа, подобно пророку Шмуэлу, вела свой род от семейств Кораха.

Прошло, однако, не так уж много времени, и жена рабби Йосефа родила в 4753 году здорового и красивого мальчика, которого нарекли, конечно же, Шмуэлом.

Рабби Йосеф с женой всеми силами старались вырастить своего единственного сына согласно Торе и заповедям. Их труды увенчались успехом, и всякий, кто видел отрока, сразу вспоминал стих: «По деяниям узнаешь отрока, поймешь – чист ли сердцем он и прям ли помыслом». Еще в раннем детстве Шмуэлу были скучны игры сверстников; не по возрасту развитый, он стремился к вещам более серьезным, нежели обычные ребяческие забавы. Впитанная с молоком матери любовь к Б-гу оставила на прекрасном лице его отпечаток благородства. Во время молитвы он замирал на своем месте в великом сосредоточении и молился с усердием, вдумчиво, словно взрослый. Похоже, способность молиться с такой поглощенностью в святые слова перешла к нему от матери, о которой говорили, что лишь губы ее шевелятся, но голоса не слышно. Еще в совсем юном возрасте он бегло читал любое место Торы, находя единственно нужные интонации. Будучи десятилетним отроком, Шмуэл уже считался одним из лучших учеников ешивы рабби Ханоха. Глава ешивы говорил об этом мальчике, что он создан для великих свершений, и всегда вспоминал слова рабби Ханани: «Многому научили меня учителя, еще больше взял я от своих товарищей, но не счесть, сколько знаний досталось мне от учеников моих». Грамматику святого языка сын рабби Йосефа изучал у рабби Йеуды Хайюджа и преуспел в ней, как и в любой науке, за которую брался. Насытив ум премудростью Торы, принялся он за прочие науки, необходимые для совершенного понимания Торы, и особых успехов достиг в медицине и в физике – да таких, что вызывал удивление и восхищение у многих арабских ученых. Когда он был еще юношей, один известный арабский физик сказал о нем: «Ученик с превосходной памятью, но лишенный духа мудрости и не способный к самостоятельному творчеству, напоминает осла, везущего воз книг. Ты же, сын мой Шмуэл, подобен скакуну благородных кровей, одаренному всеми достоинствами сразу».

Когда Шмуэл подросток, люди уже говорили, что он создан для великих дел, что любезен и небесам, и Земле. Однако вскоре юноша встал перед вопросом – какое избрать ремесло для постоянного заработка и пропитания. Не хотел он превращать Тору в резец ремесленника, потому-то и подыскивал себе, по совету мудрецов, «чистое и легкое» дело, чтобы было у него довольно времени для занятий Торой, чтобы Тора стала главным делом его жизни, а ремесло – лишь житейской опорой. В конце концов, он решил открыть бакалейную лавочку, ибо это не требовало больших расходов. А при лавочке держал заодно уж и аптеку. В те времена в Испании отдельных аптек, как правило, не имелось, поскольку аптекарское дело было неотъемлемой частью лекарского, и каждый врач был сам себе еще и аптекарь. Один знаменитый арабский ученый, обитавший в Кордове, рекомендовал, правда, разделить аптекарское ремесло от докторского. Но хотя уже тогда кое-кто торговал вразнос простейшими лекарствами, любое хоть сколько-нибудь сложное снадобье нельзя было достать иначе как у врача. Один из друзей рабби Шмуэла, рабби Йона бен Ганах (впоследствии он сыграл в судьбе нашего героя не последнюю роль), написал на латинском языке книгу, посвященную лекарственным составам, а также системе применяемых в аптекарском деле мер веса и объема. Под впечатлением этой книги рабби Шмуэл и решил открыть первую в Испании отдельную аптеку. И, по-прежнему считаясь обыкновенным торговцем, стал, в сущности, аптекарем.

Аптекарское ремесло действительно сулило возможность «чистого и легкого» заработка; заработок, в свою очередь, позволял посвящать большую часть дня изучению Торы. В результате покупатели, заходившие в лавку рабби Шмуэла, иной раз чувствовали себя неловко и даже начинали извиняться за то, что отрывают его от занятий Талмудом. Рабби Шмуэла на каждый товар устанавливал твердую цену, дабы не тратить времени на торг, без которого не могли обойтись остальные продавцы. Если покупателя цена устраивала, они ударяли по рукам, если же нет – рабби Шмуэл тотчас поворачивался к

нему спиной и возвращался к своим книгам. Этот метод общения с посетителями приносил хозяину лавки явную пользу. Прежде всего, хозяин экономил драгоценное время и мог посвятить его занятиям, – вместо того чтобы разбазаривать в пустых разговорах. Кроме прочего, он вскоре стяжал славу честного и надежного торговца, на чье слово можно полагаться не задумываясь. Вскоре у него уже не было отбоя от клиентов. Рабби Шмуэл имел обыкновение шутить по этому поводу: «Видно, Сатана сна лишился, оттого что я сижу и занимаюсь Торой; вот и шлет мне народ с самого утра. А до других торговцев ему дела нет: они и так большую часть дня бездельничают. Какой интерес донимать их покупателями?»

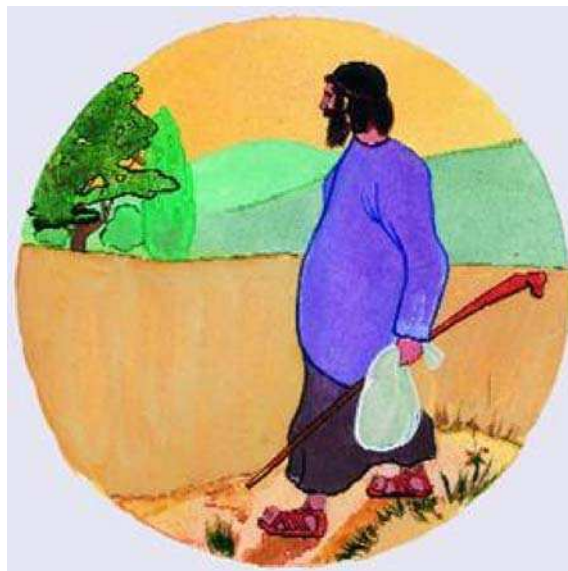
Так и жил себе рабби Шмуэл год за годом в покое и достатке, получая немалый доход от своей аптеки и совершенствуясь в понимании Торы. Жил бы и дальше, если бы однажды не потемнело небо над Кордовой и страшные события не потрясли безмятежное бытие кордовской общины.

Халиф Кордовы, Хейшам II, был человеком слабохарактерным. На трон он, что называется, взошел прямо из темницы. Предыдущий халиф пал жертвой заговора, и заговорщики-салабиты (они служили в войске) решили сделать правителем Хейшама, как сказано, сидевшего в ту пору в тюрьме. Хейшам, который полностью зависел от бывших заговорщиков, вел себя нерешительно и даже трусливо. Он вообще имел переменчивый нрав, умом и твердостью духа не отличался. В общем, ситуация соответствовала поговорке: «Если правитель склоняет слух свой ко лжи, все прислужники его – нечестивцы».

В самой Кордове у него было множество недоброжелателей. Когда внутренний конфликт между жителями Кордовы и халифской стражей (а она целиком состояла из бывших заговорщиков) обострился, умиады – одно из племен, населявших тогда Кордову, – обратились к берберскому халифу Сулейману и известили его, что готовы открыть ему ворота города, если он со своим войском выступит против Хейшама II. Сулейман решил не упускать такой выгодный шанс, и тайный сговор состоялся. В самый разгар осады, шестого ияра 4773 года, ворота города по приказу охранявшего их подкупленного умиадами военачальника распахнулись, и берберские орды хлынули в город со стороны предместья.

Верные Хейшаму войска отступили, видя численное преимущество противника, и захватчики начали резать и грабить людей без разбору, отдавая, как водится, предпочтение беззащитным евреям и их достоянию. Этот день стал черным днем для еврейской общины Кордовы. Свитки Торы и синагоги были осквернены, многие выдающиеся мудрецы города убиты с неслыханной жестокостью. Погиб старый рабби Ицхак, судья, праведник и мудрец, погиб рабби Шалом бен Дурьяд из семейства Маймона, составитель талмудического словаря. Во освящение Имени отдал свою жизнь рабби Иеуда бен Йосеф бен Хасдай, известный своими недюжинными познаниями в физике и медицине... Устав от грабежей и убийств, захватчики, в конце концов, подожгли Кордову, подавив тем самым последние очаги сопротивления и лишив горожан еще не отнятого у них имущества.

На следующий день Сулейман торжественно въехал во дворец халифа. Те несчастные люди, что чудом избежали смерти, были согнаны, дабы приветствовать завоевателя приветственными кликами. Растерянные, измученные, ограбленные, лишившиеся близких, стояли они понурой толпой, нехотя восклицая: «Да здравствует халиф!» Сам Сулейман, прекрасно понимая всю фальшь происходящего, к месту процитировал слова поэта: «Они желали мне дней долгих и счастливых, но будь во власти их глава моя – ее снесли бы с плеч». Поначалу берберы (евреи, кстати сказать, называли их филистимлянами) выбрали себе местом жительства предместье Секунда, но по прошествии трех месяцев всем жителям Кордовы было приказано покинуть город, а их имущество объявили конфискованным в пользу завоевателей. Среди изгнанников-евреев был и рабби Шмуэл. В чудовищной суматохе, царившей в день убийств и грабежей, в дыму и пламени он потерял своих родителей и с тех пор безуспешно пытался их найти. Теперь же ему пришлось покинуть город вместе со всеми остальными, разоренным и осиротевшим. По всей вероятности, родители его были убиты, а тела их сгорели дотла во время пожара, устроенного берберами.

ĀĒĀĀĀ × ĀÒĀĀÐÒĀB

ÿ î ä î ð î Ā Ā Ā Ā Ā Ā Ā

«Как птица улетает из гнезда своего, так и человек уходит с насиженного места». Одинок брел рабби Шмуэл полем, не имея никаких вестей ни о семье, ни о друзьях, ни о знакомых. У него не было даже ясного представления о том, куда направить стопы и где искать пристанища. Заприметив на пути небольшую тенистую рощу, он решил немного отдохнуть под сенью деревьев и, собравшись с силами, облегчить смятенную душу в молитве перед Всевышним, который обещал своему народу пребывать с ним в час бед и прийти на помощь всякому, кто воззовет к Нему от чистого сердца. Сойдя с дороги, чтобы случайные прохожие не могли его потревожить, рабби Шмуэл углубился в рощу и там вознес Творцу милосердному мольбы свои, пребывая в слезах и в неизбывной тоске.

«Сколь завидна участь погибших во освящение Имени Твоего, – говорил он с горечью. – Души их пребудут в покое в долине жизни вечной. Почему не выпало и мне умереть скорой смертью, чтобы вместе с праведниками мог я наслаждаться присутствием Б-жественной Шхины в саду Эдена? Теперь же, медленно угасая, обречен я влачить свое существование в муках и страданиях, пытаюсь совладать с жестокой жизнью. А жестокость ее так страшна, что может, не приведи Б-г, заставить человека свернуть с праведного пути и быть за то дважды наказанным – и при жизни, и после смерти».

Рабби Шмуэл увидел хороший знак в том, что молитва легко, свободно излилась из уст его, ибо это, как учат нас создатели Мишны, есть верный признак, что Всевышний преклонил к ней слух свой и принял ее благосклонно. Ему даже пришла в голову утешительная мысль, что если небеса судили ему остаться в живых, то, наверное, для того, чтобы он мог в будущем выполнить некое важное предназначение. Рабби Шмуэл знал и сам про свои выдающиеся способности, но всегда держался скромно и сдержанно перед теми, кому уступал ученостью и положением. Однако, видев своими глазами смерть людей, чья мудрость и знания превосходили его собственные, он решил, что священный долг преподавания Торы и воспитания учеников возлагается отныне на его плечи несмотря на молодость. Что теперь именно он обязан передать другим знания, полученные от рабби Хануха, любимого наставника, и употребить дар, которым наделил его Всевышний, на благо братьев своих – сынов Израиля.

В памяти рабби Шмуэла всплыли слова отца, с давних лет неустанно призывавшего сына посвящать занятиям как можно больше времени: «Сын мой Шмуэл! Учи Тору не только прилежно, но и с превеликим усердием, ибо в наши дни не имеет человек в этом мире никакого надежного имущества, кроме мудрости и знаний, которые приобрел». А еще отец любил цитировать мидраш рабби Танхума: «Как-то раз оказался один благочестивый мудрец на корабле среди купцов. Стали они допытываться у него: “Где товары твои и богатство?” Отвечал им мудрец: “Богатство мое куда больше вашего”. Осмотрели купцы весь корабль и не нашли ничего, кроме собственного имущества. Начали они смеяться над незнакомцем. Но тут напали на них пираты и забрали все, что отыскиали в трюме. И когда корабль пристал к берегу, не было ни у кого из купцов ни денег, ни еды, ни запасной одежды. Мудрец же спокойно отправился в Дом Учения и приступил к толкованию священных текстов. Поняли люди, сколь велик он в знании Торы, и отнеслись к

нему с почтением, и положили ему достойное содержание. И самые уважаемые горожане повсюду сопровождали его. Увидев это, подступили к нему бывшие попутчики-купцы и стали просить: “Сделай милость, замолви за нас словечко перед горожанами – расскажи им, кто мы были и сколько потеряли. Пусть сжалятся и дадут нам хотя бы хлеба, дабы не умерли мы с голоду”. Сказал им в ответ мудрец: “Видите, говорил я вам, что мое богатство больше вашего; ваше пропало, а мое – при мне!”».

Потом рабби Шмуэлу вспомнилась история рабби Моше, отца рабби Ханоха, благословенного учителя. Она сильно напоминала историю, рассказанную в Мидраше. Ведь после всех его бед рабби Моше удалось основать но вый центр учения...

«Кто знает, – размышлял про себя герой нашего повествования, – для какой важной и высокой цели оставил меня Всевышний жить в здешнем мире? Смогу ли я проникнуть в эту тайну?»

В тот день решил рабби Шмуэл целиком посвятить себя Учению, а еще исполнить волю Творца – помогать страдающим и угнетенным братьям своим, нимало не заботясь о собственной пользе.

Внезапно он вспомнил о золотом перстне с драгоценным камнем, который успел спрятать в туфле, едва берберы ворвались в его лавку и принялись ее грабить. Несчастья, падавшие с той минуты ему на голову одно за другим, совершенно изгладили из его памяти воспоминание об этом. Но теперь быстрым движением он стянул с ноги туфлю, стал ее ощупывать и к своей великой радости обнаружил кольцо – целое и невредимое. Глаза его засветились. Он больше не был нищим, как казалось ему поначалу. Этот перстень стоил кучу денег. И от всего сердца возблагодарил рабби Шмуэл Всевышнего, который преклонил слух к его молитве и послал ему лекарство раньше наступления болезни. Ибо сказано: «Прежде чем воззовут ко Мне, я уже отвечу».

Он решил идти в Малагу, отдать перстень в залог и на вырученные деньги снова открыть небольшую лавочку. Малага стояла на побережье, богатых торговцев было в ней хоть пруд пруди, и в этом городе он вполне мог тем или иным путем сбыть с рук любую ценную вещь.

Там, где в наши дни проходит железнодорожная ветка Кордова – Малага, существовала в те времена лишь узкая пешеходная тропа, местами заросшая или чудовищно изрытая. Берберские орды, которые обретались в этих местах, поскольку отсюда им сподручнее всего было устраивать набеги на Кордову, довели дорожку до самого плачевного состояния: путникам подчас приходилось брести по ней, по щиколотку утопая в грязи.

По этой разбитой тропе двигался неторопливо рабби Шмуэл, то и дело вытаскивая ноги из густой жижи и утешая себя упованием на Всевышнего. Чтобы занять свой непривыкший к праздности ум, он читал вслух отрывки из Мишны, которую знал наизусть. Так имел он обыкновение делать всякий раз, когда был занят чем-то несерьезным, не требующим слишком пристального внимания. К великой своей радости он обнаружил, что память у него ничуть не ослабела после пережитого. Он по-прежнему точно помнил весь текст Мишны и ни разу не ошибся, ни в одной строке. И вполне мог повторить слова царя Давида, да пребудет благословенна память праведника: «Не стань Тора Твоя моим развлечением, так и погиб бы я в бедности своей».

Пробираясь понемногу по скверной дороге, ступая с большой осторожностью и негромко повторяя текст священной книги, рабби Шмуэл привычно опускал глаза долу, чтобы никакое постороннее зрелище не отвлекало его. Тем сильнее было его удивление, когда, невзначай подняв глаза, он заметил впереди на приличном удалении двух евреев; те, по всей вероятности, тоже направлялись из Кордовы в Малагу. Рабби Шмуэл ускорил шаг, желая поскорее их нагнать. Когда расстояние между путниками сократилось, он хорошенько взгляделся в этих людей и вдруг понял, что один из них – не кто иной, как его брат рабби Ицхак.

«Подождите, подождите!» – громко закричал рабби Шмуэл. Путники остановились, обернулись... Рабби Ицхак не меньше рабби Шмуэла был поражен, увидев брата.

Оба бросились друг к другу с ликующими возгласами, с радостью в сердце и крепко обнялись. Конечно же, первый вопрос рабби Шмуэла был о судьбе родителей.

– Увы, – отвечал грустно рабби Ицхак, – к великой моей беде, ничего о них мне неизвестно. Не знаю, живы ли они, и если живы, то даже придумать не могу, где могут находиться.

Спутник рабби Ицхака, в свою очередь, оказался добрым знакомым рабби Шмуэла. Рабби Йона Джанах звали его. Все трое продолжили путь в Малагу.

Расчувствовавшись по случаю неожиданной-негаданной встречи с братом и повинуясь внезапно охватившему его вдохновению, рабби Шмуэл принялся сочинять стихи на святом языке, которым превосходно владел. Таково было его обыкновение – по всякому грустному или веселому поводу слагать рифмованные строфы. Три стихотворения, сочиненные им на пути из Кордовы в Малагу, дошли до нас. Они напечатаны в его сборнике «Молодая книга псалмов».

Долгий путь, разбитая дорога вконец истощили силы путников. Но однажды ясным солнечным днем их взорам открылся город, безмятежно раскинувшийся вдоль побережья какого-то из заливов Средиземного моря. Еще немного – и они очутились на берегу реки Гвадалмедины, той, что на расстоянии нескольких миль от Малаги разливается во всю свою необычайную ширь. Странники поднялись на гору Гибралфери, с вершины которой, увенчанной небольшой крепостью, прекрасно просматривался город. Они долго любовались дивной картиной. Рабби Шмуэл при виде моря произнес благословение «Свершивший Творение», спутники ответили ему «Амен!» Рабби Ицхак тут же заметил, правда, что, по его мнению, следовало предпочесть другое благословение: «Создавший море великое».

– А я думаю, – возразил рабби Шмуэл, – что это благословение следует вспоминать лишь при виде океана, но никак не при виде Средиземного моря, хоть в Торе оно и называется «морем великим». Ибо трудно предположить, будто лишь ради одного этого моря мудрецы создали особое благословение.

Братья еще долго спорили, доказывая друг другу свою правоту, и в пылу спора на какое-то время даже забыли о своих горестных утратах. Обоим до глубины души радовало, что после столь долгого перерыва им снова выпала возможность беседовать о законах Торы.

Ухоженные грядки и клумбы с цветами, красовавшиеся по сторонам, указывали на близость города. Однако, едва путники миновали городские ворота, в глаза им бросился резкий контраст между самой Малагой и ее окрестностями. Казалось, жители намеренно старались, чтоб Малага пришла в запустение и выглядела как можно непривлекательнее. Кривые узкие улочки были грязны, повсюду валялся мусор, что, впрочем, довольно типично для портового города. Неказистые дома без всяких украшений, сгрудившись, словно налезали друг на друга. Похоже, их строили, не имея никакого плана и замысла. Почти перед каждым домом валялись тюки и громоздились бочки с изюмом, вином, оливковым маслом, миндалем и прочим расхожим товаром. Пахло вокруг весьма скверно. Матросы и грузчики сновали взад и вперед, целиком поглощенные своим нелегким трудом и ни на что вокруг не обращая внимания.

Миновав, наконец, зловонную припортовую часть города, рабби Шмуэл и его спутники оказались на широкой рыночной площади. Вдруг глаза у всех троих широко раскрылись от удивления: что за человек, явно знакомый всем трем, движется им навстречу? Ба, да это, конечно же, не кто иной, как их добрый друг из Кордовы, это рабби Иеуда ибн Гвириоль!

Едва заметив земляков, рабби Иеуда остановился точно вкопанный, потом глаза его наполнились слезами он громко произнес благословение «Воскрешающий мертвых». Путники сердечно обняли старого приятеля и приветствовали его самыми теплыми словами. Рабби Иеуда подробно расспросил друзей о судьбах общих знакомых. Он поведал им, каким чудом вместе с женой спасся от верной смерти во время штурма и разграбления Кордовы и каких ужасных опасностей удалось избежать обоим. В конце концов, какой-то человек, объяснил он, из неевреев, за хорошую плату посадил их на быстрых, как ветер, верблюдов и домчал до берегов Гвадалквивира. Там им удалось попасть на идущий в Малагу корабль.

Рабби Иеуда ибн Гвириоль, известный среди арабов под именем Аюб бен Йихйа, умудрился сохранить большую часть своего имущества. В Кордове он торговал драгоценностями и сам занимался ювелирным делом, поэтому при приближении опасности сумел спрятать большую часть товара прямо в собственных одеждах. В Малаге он тотчас открыл ювелирную лавку и через короткое время уже жил в достатке, можно даже сказать, процветал.

Для рабби Шмуэла, естественно, оказалось весьма кстати встретить на чужбине друга, чьим ремеслом была торговля драгоценными камнями. Рабби Иеуда сразу дал ему в долг, под залог перстня, вполне приличную сумму, с тем чтобы вернуть перстень по уплате долга, поскольку он представлял собой фамильную ценность и продавать его рабби Шмуэл не желал. Брата его, рабби Ицхака, рабби Иеуда взял помощником в свою лавку. Для рабби Йоны бен Джанаха он тоже подобрал работу – у знакомого торговца.

Рабби Шмуэл открыл в Малаге небольшую лавочку с аптекой – по образцу той, что была у него в Кордове. Как и прежде, он всякий день имел достаточно времени для занятий Торой, поскольку торговля отнимала у него не более нескольких часов. Он перестал наконец скромничать и отнекиваться, и вскорости вокруг него собрались многочисленные ученики, с которыми он щедро делился сокровищами своих знаний, обучая их всем разделам учения – Торе, грамматике святого языка, Мишне и в особенности – Геморе. Тех учеников, что делали особые успехи в грамматике и языковедении, он пытался обучить еще и стихосложению. Сам рабби Шмуэл был настолько искусен в этом искусстве, что мог выразить стихом практически любую мысль, причем почти с той же легкостью, что и прозой. Личные письма писал он, как правило, рифмованным стихом. Старшим ученикам, овладевшим Мишной и Геморой, рабби преподавал еще физику и логику.

По прошествии нескольких лет у рабби Иеуды ибн Гвириоля родился сын; нарекли его Шломо. Когда мальчик подрос, его отдали в учение к рабби Шмуэлу. Спустя короткое время Шломо уже числился среди лучших учеников. Он обнаружил незаурядные способности, и рабби Шмуэл предрекал ему большое будущее. Даже сулил великие свершения. Обучив отрока всем талмудическим премудростям, он стал заниматься с ним стихосложением. К вящей радости учителя и родителей, мальчик с лихвой оправдал возлагавшиеся на него надежды и стал со временем известным мудрецом и поэтом. Стал тем самым знаменитым рабби Шломо ибн Гвириолем. Стрфы его до сих пор украшают наши молитвенники.

Незачем говорить, что рабби Шмуэл не брал со своих воспитанников никакой платы – ни деньгами, ни любым другим образом, обучая их только во исполнение заповеди о распространении Торы в Израиле. Пропитание он добывал себе привычным ремеслом аптекаря.

אַעֶאַאַ יִבּוֹאַב
אַעֶעֶץ נוֹוֶ עֶ אַעֶאַוֶ

Прошло довольно много времени, прежде чем рабби Шмуэл привык к своему новому существованию. Очень трудно было ему примириться с мыслью, что его родные убиты захватчиками или погибли во время пожара. Иногда он утешал себя мыслью, что, быть может, каким-то чудом им удалось спастись и он еще встретится с ними. Но это только увеличивало его страдания, и он мучился сомнениями, поскольку сказано, что память о мертвых должна изгладиться из памяти человеческой. О мертвых – но не о живых.

Ему удавалось забыться и отвлечься от грустных мыслей, лишь занимаясь Торой или преподаванием. Часто вспоминал он стих: «Счастлив муж, которому Всевышний пошлет беды и испытания, но Торе своей научит». Кроме того, он находил облегчение в том, что изливал тоску на бумаге, создавая прекрасные стихи. Часть свободного времени рабби Шмуэл употребил на то, чтобы собрать все свои труды, в том числе и ранние, в единую книгу из трех частей: «Молодая книга псалмов», «Молодой пропо-ведник» и «Молодая книга притч». Тогда же начал он писать знаменитое «Введение в Талмуд», предназначенное для начинающих обучение. Однако и лучшие из его учеников, и даже многие мудрецы (того времени и последующих поколений) считали это небольшое по объему, но бесценное по глубине и смыслу сочинение в высшей степени полезным. Оно дошло до наших дней и обычно печатается в большинстве изданий Талмуда в конце первого трактата – Брохойс.

Все жители Малаги, включая и неевреев, уже знали, что рабби Шмуэл не слишком радуется покупателю, которому нужно сложное лекарство, требующее для приготовления много времени и сил. Ведь в этом случае ему приходилось освобождать рабочий стол от книг и рукописей и надолго отвлекаться от учения. Когда же в лавку приходил человек за разъяснением какого-нибудь места из Геморы, с вопросом, касающимся учения и Торы, – такого посетителя рабби Шмуэл встречал с нескрываемым энтузиазмом и старался помочь ему как только мог.

Малага была очень древним городом, и еврейская община в ней существовала со времен римского владычества. Первые евреи вообще пришли сюда еще вместе с финикийцами; финикийцы и основали город. В ту эпоху, о которой идет речь, Малага считалась одним из крупнейших торговых центров. А поскольку значительная часть торговли сосредотачивалась в руках евреев, то сюда приезжали еврейские торговцы со всех концов света. Даже из такой далекой страны, как Германия, в Малагу привозили на продажу диковинные для Испании товары – медвежьи шкуры, щиты, копыя и медь. Из Испании же вывозились цитрусовые и вина.

Все эти еврейские купцы, конечно, слышали о рабби Шмуэле и непременно посещали его лавку. Они являлись и по торговым делам, и для того, чтобы задать вопросы, связанные с Торой. Возвращаясь в Германию, где знатоки Святой Книги жили еще со времен разрушения Храма, торговцы рассказывали о новом светочке еврейской учености, воссиявшем в земле Испанской, и, таким образом, имя рабби Шмуэла сделалось известно далеко за пределами страны. Беседуя с соплеменниками, приехавшими из других земель, рабби Шмуэл старался узнать как можно больше о жизни и традициях разных народов и стремился понять, как правильно вести себя с людьми, чьи обычаи кажутся, на первый взгляд, странными и непонятными. Редкое для тех времен свойство; оно немало помогло ему в дальнейшем.

Рабби Шмуэл свободно владел несколькими языками и, в частности, блестяще знал арабский. В ту эпоху лишь немногие были обучены грамоте; кое-где умением читать и писать могли похвастаться считанные единицы. Поэтому к рабби Шмуэлу частенько обращались с просьбой составить, а то и растолковать какую-нибудь купчую или, скажем, судебную бумагу. Он соглашался помочь, соглашался за небольшую плату, и это занятие тоже было бесспорно «чистым и легким», дававшим хлеб насущный, но не

требовавшим слишком длительного отрыва от страниц Торы. Документы приходилось писать на разных языках, ибо и сам город был населен выходцами из множества стран, а купцы, приезжавшие со всех концов света, делали эту смесь еще более пестрой.

Однажды к нему заглянул еврейский торговец из Египта. По своим торговым делам он должен был отправить множество писем сходного содержания купцам и чиновникам разных государств. Рабби Шмуэл написал ему письма по-арабски, по-арамейски, по-гречески, на иврите, латыни и на кастилианском наречии. Этот купец, оказавшись в Вавилоне, рассказал рав Хай-Гаону о рабби Шмуэле, и вскоре между двумя мудрецами завязалась оживленная переписка. Почту тогда, разумеется, не отправляли на слишком большие расстояния, посему письма сперва шли рабейну Нисиму в тунисский Кайруан, а уж от него – к обоим адресатам.

В те времена на больших городских площадях, ничем не защищенных от изнуряющей испанской жары, в изобилии можно было видеть прилавки писцов и лотки мелких торговцев, – точно так же в наши дни то там, то здесь стоят киоски газетные и с газированной водой, мороженым и прочим. Аптека рабби Шмуэла тоже располагалась на площади – прямо против дворца Ибн аль-Арифа, визиря и главного писца гранадского халифа Хабуса. Практичный визирь пристально надзирал за своим имуществом, включавшим в себя, кроме прочего, огромные сады и виноградники в окрестностях Малаги. От своих слуг и управляющих он требовал содержания хозяйства в образцовом порядке, а во время своих частых и продолжительных отлучек в Гранаду заставлял их регулярно высылать ему туда подробные отчеты о положении дел. Он совершенно не желал считаться с тем «незначительным» обстоятельством, что никто из его слуг и управляющих не умел писать. В поисках выхода слуги визиря, в конце концов, обратились однажды к рабби Шмуэлу, – благо его лавка располагалась в двух шагах от дворца. Рабби Шмуэл тотчас достал письменные принадлежности и составил требуемые визирем бумаги в наилучшем виде.

Написанный превосходным арабским языком, толковый и подробный отчет буквально ошеломил визиря. В особый восторг его привели замечания на полях: речь шла о том, что именно следует исправить или улучшить и как собрать еще больший урожай с виноградников и фруктовых садов. Подобной рачительности визирь никак не мог ожидать от своих слуг, чье скудоумие было ему хорошо известно.

Дождавшись момента, когда дела не требовали его непосредственного присутствия в Гранаде, визирь испросил у халифа позволения отлучиться. Прискакав в Малагу, Ибн ал-Ариф немедленно потребовал у своих слуг ответа – кто тот мудрый человек, что составил для него отчет. Слуги назвали рабби Шмуэла, и визирь немедленно потребовал его к себе.

– Послушай меня, о муж ученый, умудренный разнообразными знаниями! – обратился он к рабби Шмуэлу, едва тот предстал перед ним в парадной зале дворца. – Не пристало человеку с твоими талантами просиживать свой век в лавчонке. Соболаговоли помогать мне в трудах моих и займи должность моего писца!

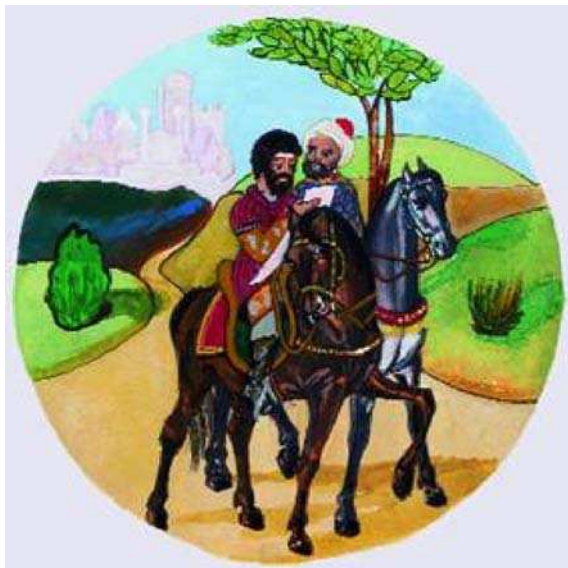
Рабби Шмуэл не посмел, конечно же, напрямую отвергнуть предложение властного вельможи, бывшего фактическим правителем страны, поскольку халиф Хабус никогда не предпринимал ничего хоть сколько-нибудь серьезного без согласия своего визиря и главного советчика. Рабби Шмуэл прекрасно помнил предупреждение мудрецов: «Не становись известным сильным мира сего». Но возможности отговориться не было, и он понял, что придется соглашаться. При этом он втайне понадеялся, что сумеет использовать свою близость к визирю во благо соплеменникам.

Уже в те дни рабби Шмуэл считался величайшим мудрецом своего поколения во всех еврейских общинах Испании. Его учитель, рабби Ханох бен Моше, отошел в лучший мир еще до изгнания евреев из Кордовы. Произошло это при довольно страшных обстоятельствах. В день праздника Симхас Тойра, в 4775 году от сотворения мира, он поднялся к Торе, сопровождаемый наиболее уважаемыми членами общины. Внезапно старые, прогнившие от времени доски в нижней конструкции бимы надломились и все, кто находился на биме, попадали вниз. Рабби Ханох, в ту пору уже глубокий старик, падения не пережил, ибо получил перелом позвоночника. Эту трагическую историю долго переживали все евреи Кордовы. Позже, когда над их головами разразилась небывалая дотоле беда и берберы практически уничтожили город, многие говорили, что смерть избавила праведника от созерцания ужасных несчастий, постигших общину.

После кончины рабби Ханоха ученики его рассеялись по городам и весям и основали повсюду множество новых центров изучения Торы. Среди учеников же самым блестящим и одаренным твердо

считался рабби Шмуэл. Вскоре он фактически стал духовным лидером всего еврейского населения страны. Тем больше значило в свете всего этого его приближение к сильным мира сего.

Рабби Шмуэл был вынужден покинуть Малагу и отправиться в Гранаду вместе с визирем. Тот с каждым днем все больше проникался восхищением к новому своему помощнику. Авторитет рабби Шмуэла в его глазах рос буквально не по дням, а по часам. Однажды визирь заговорил с ним о сложностях большой политики, рабби Шмуэл и тут обнаружил завидную осведомленность. Он знал и понимал очень многое. Обладая незаурядными способностями, наш герой отличался к тому же великим прилежанием в работе. В любом деле, ему порученном, он был абсолютно надежен.

Халиф, любивший шумные пиры и вообще всяческие увеселения больше всего на свете, постоянно испытывал нужду в деньгах. Однажды ему потребовалась особенно крупная сумма, и он повелел визирю взыскать ее с десяти самых богатых своих подданных. Под каким предлогом? Это волновало халифа меньше всего. Да пусть хоть отправят всех десятерых на плаху, если нельзя иначе, а имущество конфискуют. Визирь попал в весьма затруднительное положение. Приемлемого решения он не видел. Но знал, что и без того не слишком любим в народе. Того и гляди – влиятельные и смелые сограждане подошлют к нему наемных убийц... С другой стороны, если не исполнить приказ, правитель прикажет казнить его самого.

В отчаянии визирь обратился за советом к рабби Шмуэлу.

– Чего стоит твое достояние? – спросил его рабби Шмуэл.

– Если обратить все мое имущество в наличность, то, конечно, нужная сумма наберется, – отвечал визирь.

– Ежели так, то лучше отдать халифу все, что имеешь, но только не возбуждать против себя гнев гранадской знати. Капитал можно нажить, утраченное имущество – вернуть. Однако если потеряешь голову...

По зрелом размышлении визирь решил последовать совету своего писца. Вскоре слух о его благородном поступке распространился по всей стране, и отношение людей к нему резко переменилось. Сам халиф, узнав все обстоятельства, был до того доволен преданностью своего слуги, что пожаловал ему богатые дары. В конечном итоге предприятие оказалось для визира весьма прибыльным: он с лихвой вернул себе то, что отдал.

Но однажды визирь тяжело заболел, и в жизни рабби Шмуэла вновь произошли крутые перемены.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה יְחַיֵּנוּ וְיִשְׁמְרֵנוּ. יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה יְחַיֵּנוּ וְיִשְׁמְרֵנוּ.

ПРОЛЕТАЯ НАД ГНЕЗДОМ КУКУШКИ

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Удивительная все-таки страна – Израиль! Солнечно-бойлерная Страна! Где ангину лечат мороженым. Где шомеры, метапели и никайонщики – люди с метлой и половой тряпкой! – как правило, с высшим образованием! Где... Где еще много разных «где»!

Дурдом какой-то!

А тут еще – заголовок в одной из газет: «СВОБОДУ ДЕЛЬФИНАМ ИЗРАИЛЯ!»

Конечно, я готов признать, что дельфины очень умные существа, готов даже согласиться с тем, что они братья наши старшие, имеют право на жизнь и получение отдельной квартиры от государства. Что их надо любить... Но не до такой же степени!

В Хайфе есть дельфиний бассейн, и в нем, не знаю уж от чего – у дельфинов болячек, что у человека! – афалина по имени Голиаф отдала Б-гу душу. Почила в бозе.

Б-же мой, Б-же праведный, что тут началось! Защитники дельфинов из различных обществ как будто только и ждали смерти своего ближайшего друга Голиафа. И все как один, единым фронтом, выступили на защиту дельфинов Израиля, томящихся в застенках ШАБАКА! То бишь, дико извиняюсь, в застенках дельфинария!

Но их, местных боевых единиц, было явно недостаточно, чтобы бороться с теми, кто самым бессовестным образом наживается на бедных животных, на умных животных, почти без пяти минут людях, которые если не сегодня, то завтра уж точно заговорят на языке своих младших братьев, и языком дельфинов станет древнейший язык... Догадались, какой?! Правильно, иврит! И из Америки, самой Америки, для поддержки дельфиньих обществ «Тну ле-хайот лихъёт», что переводится как «Дайте животным возможность жить», и «Нах» – «Покой» прибыл самый известный в дельфиньих и капиталистических кругах борец за свободу дельфинов – по всей видимости, избранный единогласно афалинами на своем подводном собрании! Прибыл О'Бари.

О'Бари весь свой праведный гнев излил на известного – сплошные известные, о которых мы даже не слышали! – деятеля шоу-бизнеса Хаима Слуцки.

Что такого сделал этот Хаим? А ничего особенного – любой простой израильтянин поступил бы на его месте так же! Хаим Слуцки вложил несколько миллионов долларов в создание уникального дельфинария в Тель-Авиве. А дельфинов с дрессировщиками привез с Черного моря.

Один из дрессировщиков, дополнивший эту историю, просил не называть его фамилию – может выясниться, что он вовсе не еврей, а чистокровный украинец, живущий по тем документам, которые купил в Одессе. Но вернемся к нашим дельфинам.

О'Бари прибыл для поддержки своего коллеги из добровольного общества защиты животных – Бени Шлезингера. Известный уже нам Слуцки обидел Бенью, сказав – за точность слов ответственности не несу, а за смысл ручаюсь, – что видел Бенью в гробу со всеми его коллегами и в белых тапочках!

Не выдержав подобных оскорблений, пылкий Бенья в отместку разбил палатку у входа в тель-авивский луна-парк и объявил голодовку.

Лично у меня выпад Бени вызвал странные ассоциации: в свое время депутат крымского парламента Юрий Мешков тоже разбил палатку у входа в парламент и тоже вознамерился голодать. В результате Мешков-таки стал первым президентом Республики Крым. Первым и – последним. Скovyрнули его крымские парламентарии при почти полном согласии народа, которому в случае своего избрания Юрий многое обещал...

Мало ли что кому обещают до!

И если завтра вместо Биби – он тоже много чего обещал – к власти придет Бенья (а израильские дельфины и им сочувствующие Бенину кандидатуру поддержат обязательно), я не удивлюсь.

Так вот, чтобы Шлезингер не голодал в гордом одиночестве, к нему присоединился – правильно! – О'Бари.

Но у О'Бари оказалась кишка тонка, он проголодал только несколько дней и был отправлен в больницу с сильным истощением.

О'Бари – вот что значит известный человек! – голодал всего ничего, а шуму наделал на весь Израиль. И муниципалитет Тель-Авива, и министерство сельского хозяйства (как будто дельфины не пахари моря, а пахари земли), и все общества защиты животных дружно заскандировали: «Позор Хаиму Слуцки! Свободу Макс, Бубе и Федре!» (для тех, кто не знает, поясню: так зовут коренных обитателей дельфинария).

Попутно замечу: в Израиле защищают всех животных – плавающих, летающих, живущих на земле. Вот бы эту энергию да на защиту хомо сапиенса!

Когда вы заходите в магазин, то там непременно имеется большущий отдел кормов для собак, кошек и прочей твари. Продавец огромного специализированного магазина в Хайфе, исконный израильтянин (но худо-бедно шпыхающий по-русски), поинтересовался у меня, откуда я приехал. И, узнавши, пошутил:

– Если бы все тамошние коты-собаки прослышали о моих продуктах, то немедля сделали бы себе обрезание и прибыли на ПМЖ в Израиль.

Юморист! Но вернемся к нашим баранам, то бишь к дельфинам.

В защиту дельфинов, томящихся в неволе, прошли митинги. На одном из них выступал широко известный в узких кругах Дан Альмагор. И заявил буквально следующее: «Во всех развитых странах прекращена эксплуатация дельфинов с целью развлечения...»

Ах, Дан, Дан, хотя у тебя и еврейский нос, но дальше Израиля он не вытягивается. Я не стану говорить обо всех краях, где дельфинов используют как раз за ради развлечения, но о Крыме скажу. Приезжай, Дан, в Севастополь, и ты увидишь, как полуголодные дельфины прямо в центре города, в специально отведенном месте, крутят свои бесконечные сальто-мортале, выкачивая гривны из карманов народонаселения. И вправду, Дан, посети Севастополь! Да не забудь прихватить с собой пару-тройку тонн продуктов в качестве гуманитарной помощи голодающим дельфинам Черноморья, прямым родственникам Макса, Бубы и Федры!..

Есть очень странные защитники животных. Один из них закрыл грудью вход в пещеру, когда мы, группа туристов, пытались проникнуть внутрь. Крупный малый, растатуированный снизу доверху, зычно прокричал:

– Куды прете, лярвы?! (На деле он выразился еще более грубо).

На минуту забыл я, что я все-таки писатель и даже интеллигентный:

– А ну, отзынь на три лаптя в сторону!

– Да вы русские! – расплылся в улыбке Сема Шлаен (это потом мы с ним познакомились поближе). – Что ж ты сразу не сказал? А те фераера, что с тобой приканали, тоже русские?

Сема, улыбаясь во все тридцать два излеченных зуба («мне за мой оскал вывернули из кармана четыре тысячи шакалов») и открывая баночное пиво, рассказал о своей жизни.

Родом он был из Джанкоя, только в городе его мало знали, ибо Семен, как он сам выразился, «сверял жизнь по Ильичу» – то есть провел значительную часть жизни по тюрьмам-лагерям. И иврит, точнее, половину языка иврит, выучил там же. Сема доказал мне, что вся феня, то есть блатной жаргон, и есть чистый иврит. А остальную половину иврита он уже добыл здесь. И, если вновь попользоваться Семиными словами, «этот пивка Израиль приобрел для себя одного из лучших представителей развитого социалистического общества».

– Сема, а почему ты нас не пускаешь в пещеру?

– А ты знаешь доктора Беню Шальмона?

Никакого Беню я не знал. Тогда Сема с присущими ему вежливостью и изысканностью поведал, что доктор Шальмон – глава Центра информации о млекопитающих при израильском обществе охраны природы и большой специалист по летучим мышам. И что в этой пещере, в которую мы по нахалке хотели проникнуть, как раз и живут летучие мыши.

– Сема, но мы же приехали на экскурсионном автобусе именно в гости к твоим мышам!

– Проведу с вами инструкцию и... пожалте стричься-бриться-умываться! То есть тогда прошю настоятельно в пещеру!

Сема – сама изысканность и бездна вкуса.

И Сема Шлаен, достойный ученик Бени Шальмона – между прочим, за это шекели платят, и неплохие! – прочел великолепную лекцию о летучих мышах. И я вместе со всеми прослушал то, что Сема скромно назвал лекцией. Оказалось, что эти зверюшки с симпатичными мордочками – о вкусах не спорят! – очень даже полезные твари. Без них в Израиле не росли бы многие растения – ни манго, ни гуайява, ни мушмула японская. А абрикосы с персиками захирели бы, если б не летучие мыши.

Даже израильские ученые, которые мнят себя самыми умными, долгие годы считали летучих мышей разносчиками всяческой заразы и истребляли этих крох как класс. Газами травили несчастных! А пришел Бенцион Шальмон и сказал тем ученым... Нет, эту брань заборную я повторять не стану...

Слушать Семена Шлаена очень даже интересно, но я все же его пламенные речи передаю в строгой обработке. Сема иногда забывал, что перед ним «русские», которые понимают малейшие нюансы его словотворчества.

– Человек, как сказал один основоположник, это звучит гордо. Но если б он был знаком с летучей мышью, он бы пересмотрел свое мнение на корню, и эти слова относились бы к мышке. А все потому, что строение нашего мозга и глаз точь-в-точь как у нее. В Израиле тридцать два вида летучих мышей, и почти все они насекомоядные. Вес самой крупной – сто граммов, самой малой – два с половиной грамма. Крохотулечки-красавицы!

Сема мечтательно закатил свои босяцкие глаза, слегка подернутые алкогольным туманом, и выдал тираду:

– Шо касается моей личной персоны, то я согласен стать летучим мышем мужского пола. Мыши, как известно, живут коммунами... – Сема внимательно и бесовски глянул на самую молодую часть нашей тургруппы: – То есть гаремами. Мыша-самец первым влетает в пещеру, отхватывает приличный кусок территории, а потом приглашает дам, то есть самок. Для самого что ни есть совместного проживания...

В пещеру мы входили чуть не на цыпочках, боясь потревожить сонмище летучих мышей.

А когда прощались с Семой Шлаеном, когда он, прослезившись, пожимал руку каждому «земеле»... Честное слово, расставаться с ним не хотелось.

Меня он отозвал в сторону и тихонько зашептал на ухо:

– Ты, писатель, грамоту, наверное, знаешь. Посмотри, нет ли тут ошибок?

И Сема Шлаен, проживший в СССР жизнь по Ильичу, познавший холод Колымы и жару Израиля, показал мне кусок картона, на котором печатными буквами было выведено: «Руки прочь от летучих мышей!»

– Правильно, Сема! Во всех смыслах правильно! Но я бы добавил: «...и от человека!»

Все-таки удивительная страна – Израиль! Ша-ма-шед-шая страна!

Ойю-Аса

НАШИ СЕНТЯБРЬСКИЕ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

1 СЕНТЯБРЯ

60 *עָאָד מִן אִיּוֹ דְּאַעֲאִיעֵי* дирижера и музыкального директора Вашингтонского национального симфонического оркестра и Симфонического оркестра радиостанции Би-би-си **Леонарда Слаткина** (Slatkin; 1944, Лос-Анджелес).

90 *עָאָד מִן אִיּוֹ דְּאַעֲאִיעֵי* иммунохимика, академика АН США, профессора Колумбийского университета в Нью-Йорке, автора трудов по химическим механизмам иммунологической реакции организма **Элвина Эбрэхама Кабата** (Kabat; 1914, Нью-Йорк – 2000, Фелмоут, США).

3 СЕНТЯБРЯ

110 *עָאָד מִן אִיּוֹ דְּאַעֲאִיעֵי* педиатра, академика АМН СССР, профессора Ленинградского педиатрического медицинского института, автора трудов по проблемам периода новорожденности, гематологии, питания здорового и больного ребенка, лауреата Государственной премии СССР **Александра Федоровича Тура** (1894, Новгород-Северский Черниговской губ. – 1974, Ленинград).

4 СЕНТЯБРЯ

395 *עָאָד מִן אִיּוֹ מִן אֲדוֹעַ* (18 элула) общественного деятеля, одного из ведущих алохических авторитетов своего времени, главного раввина Познани и Праги, автора трудов «Нетивойс Ойлом» («Тропы мира»), «Тиферес Исроэл» (Слава Израиля), «Нецах Исроэл» («Вечность Израиля») и др., которому легенда приписывает создание «пражского голема», **рабби Иеуды-Ливы (Лейба, Лёва, Лёба) бен Бецалела** (Маарал ми-Праг; 1512, Познань – 1609, Прага).

70 лет со дня рождения эстрадного певца, народного артиста РСФСР **Эдуарда Анатольевича Хилия** (р. 1934, Ленинград).

6 СЕНТЯБРЯ

275 *עאַרן מן איינע פילאָסאָפֿ* философа, духовного вождя еврейского Просвещения (Гаскалы), популяризатора школы Лейбница-Вольфа, автора трудов «Об ощущениях», «Трактат об очевидности в метафизических науках» и др., который перевел Пятикнижие и др. книги Танаха на немецкий язык, **Мозеса (Моше) Мендельсона** (1729, Дессау – 1786, Берлин).

7 СЕНТЯБРЯ

240 *עאַרן מן איינע מן אַדוֹע* (21 зула) общественного деятеля, одного из ведущих алохических авторитетов своего времени, главного раввина Меца и «Трех общин» (Альтоны, Гамбурга и Вандсбека), автора труда «Шем ойлом» («Вечное имя») **рабби Йонатана Эйбеншюца** (Эйбшюц; 1690, Краков – 1764, Альтона).

80 *עאַרן מן איינע פילאָסאָפֿ* композитора, автора музыки к фильмам «Барри Линдон» (премия «Оскар» за лучшую песню к фильму 1976 года), «Направляющийся к славе» (премия «Оскар» за лучшую песню к фильму 1977 года) и др. **Ленарда Розенмана** (Rosenman; р. 1924, Нью-Йорк).

8 СЕНТЯБРЯ

80 *עאַרן מן איינע פילאָסאָפֿ* физика-теоретика, члена-корреспондента АН СССР, автора трудов по квантовой теории поля, физике твердого тела, сверхпроводимости, физике плазмы и теории ядра **Виктора Михайловича Галицкого** (1924 – 1981, Москва).

12 СЕНТЯБРЯ

60 éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ государственного деятеля, экономиста, министра экономики и вице-преьера РФ, автора трудов по проблемам макроэкономического моделирования и прогнозирования **Якова Моисеевича Уринсона** (р. 1944, Москва).

15 СЕНТЯБРЯ

215 éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ (29 элула) общественного деятеля, третьего Любавичского Ребе, одного из ведущих алохических авторитетов своего времени, автора трудов «Цемах Цедек» («Поросль благочестия»), «Ор а-Тора» («Свет Торы») и др. **рабби Менахема-Мендла Шнеерсона** (Цемах Цедек; 1789 – 1866, Любавичи Могилевской губ.)

17 СЕНТЯБРЯ

60 éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ Героя Советского Союза младшего лейтенанта **Владимира Борисовича Прыгова** (1924, Киев – 1944, Тукумс, Латвийская ССР).

18 СЕНТЯБРЯ

80 éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ дирижера, народного артиста СССР, профессора Новосибирской консерватории, создателя, художественного руководителя и главного дирижера симфонического оркестра Новосибирской филармонии, лауреата Государственной премии РФ Арнольда Михайловича Каца (р. 1924, Баку).

22 СЕНТЯБРЯ

95 ёаò ì ãÿ ðæããéÿ социолога, представителя либерального крыла психоаналитической ориентации в социологии, профессора Чикагского и Гарвардского университетов, автора трудов «Гражданские права в переходный период», «Одинокая толпа» и др. **Давида Рисмана** (Riesman; 1909, Филадельфия – 2002, Бингемтон, США).

24 СЕНТЯБРЯ

65 ёаò ì ãÿ ì ãðòè одного из создателей американской кинопромышленности, основателя и владельца кинофирмы «Юниверсал Пикчерз» (ныне «Юниверсал Студиез») **Карла Лэммла** (Laemmle; 1867, Лаупгейм, Германия – 1939, Лос-Анджелес).

25 СЕНТЯБРЯ

35 ёаò ì ãÿ ðæããéÿ гребца на байдарках и каноэ, обладателя золотой олимпийской медали 1992 года **Джо Джакоби** (Jacoby; р.1969, Бетесда, США).

27 СЕНТЯБРЯ

130 ёаò ì ãÿ ðæããéÿ биолога, профессора Симферопольского и Московского университетов, директора Института экспериментальной биологии АМН СССР, автора трудов по цитологии, эмбриологии, биофизике, теоретической биологии, открывшего митогенетические лучи – сверхслабое УФ-излучение ряда живых тканей, стимулирующее деление клеток, разрабатывавшего

теорию биологического поля, лауреата Государственной премии СССР **Александра Гавриловича Гурвича** (1874, Полтава – 1954, Москва).

28 СЕНТЯБРЯ

80 ёаò ìí äíŸ ðíæääíëŸ альтиста, дирижера, создателя Московского камерного оркестра, руководителя Израильского камерного оркестра и Канадского симфонического оркестра **Рудольфа Борисовича Баршая** (р. 1924, Лабинская Краснодарского края).

29 СЕНТЯБРЯ

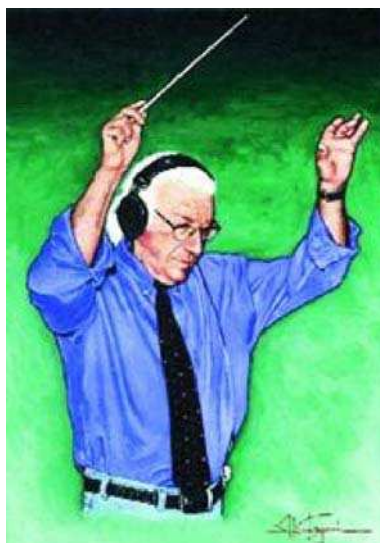

55 ёаò ìí äíŸ ðíæääíëŸ специалиста физикохимика, члена-корреспондента РАН, профессора Института общей и неорганической химии им. Н.С.Курнакова РАН, автора трудов по катализу комплексами металлов **Александра Ефимовича Гехмана** (р. 1949, Москва).

110 ёаò ìí äíŸ ðíæääíëŸ юриста, члена-корреспондента АН СССР, иностранного члена АН Польши, автора трудов по уголовному процессу и теории права **Михаила Соломоновича Строговича** (1894, Петербург – 1984, Москва).

ДЖЕРРИ ГОЛДСМИТ. ФАНФАРЫ «ОСКАРА»

Утром 22 июля американское информационное агентство «Ассошиэйтед Пресс» сообщило, что скончался один из самых известных голливудских композиторов Джерри Голдсмит.

Ему было семьдесят пять, уже несколько лет он был болен раком, и его смерть не стала неожиданностью. Но для Голливуда уход такого человека – огромная потеря. Вряд ли найдется хоть кто-то, не знающий его работ. Достаточно назвать несколько картин: «Секреты Лос-Анджелеса», «Вспомнить все» (саундтрек к этому фильму Голдсмит считал лучшим своим творением), «Основной инстинкт», «Планета обезьян», «Мумия», «Стар Трек».

Джерри Голдсмит родился 10 февраля 1929 года в Лос-Анджелесе и уже в неполные шесть лет решил стать музыкантом. Сначала он брал уроки у пианиста Джейкоба Гимпеля и композитора Марио Кастернуово-Тудеско, а затем окончил музыкальную школу по классу рояля. Спустя какое-то время юный Голдсмит поступил в университет Южной Калифорнии. В те годы там преподавал небезызвестный голливудский композитор Миклош Роша, написавший музыку к таким фильмам, как «Бен Гур» и «Айвенго». Именно он заинтересовал Джерри занятиями музыкальной композицией и кино.

Встреча с Роша стала решающей в творчестве Джерри Голдсмита. Не зря многие отмечали, что даже в последних его работах заметен стиль учителя: в напряженные моменты в качестве основных инструментов используются, как правило, басовые барабаны и струнные. Хотя сам Голдсмит в одном из интервью сказал, что наибольшее влияние на него оказала музыка Дебюсси, Стравинского и Бартока, но никак не кинокомпозиторов.

Карьера молодого Голдсмита после университета складывалась очень удачно. Уже в 1948 году, когда Джерри было всего девятнадцать лет, его музыка зазвучала в телевизионных и радиосериалах. А первым опытом в большом кино стала работа над вестерном «Черная полоска» (Black Patch), вышедшим на экраны в 1957 году.

Голдсмит работал на радио CBS, где в 1962 году встретился с легендой американской киномузыки Альфредом Ньюманом, который пригласил его на совместную работу над фильмом Дэвида Миллера «Одиноким отважным» (Lonely are the Brave) с Кирком Дугласом в главной роли. Именно с этой картины начался взлет Джерри Голдсмита, хотя за предыдущие четырнадцать лет карьеры его музыка прозвучала в двадцати восьми различных постановках.

В том же году Голдсмита ждало первое признание – его музыка к фильму «Фрейд» была номинирована на «Оскар».

За почти полвека работы в Голливуде композитор написал музыку к более чем трем сотням кинокартин, телепередач и радиопьес. За это время он получил пять премий «Эмми», девять номинаций на «Золотой Глобус», четыре – на приз Британской киноакадемии и семнадцать раз выдвигался на премию «Оскар». Обладателем одной золотой статуэтки Голдсмит все же стал: в 1976 году успех ему принесла леденящая кровь музыка к нашумевшей экранизации триллера Дэвида Зельцера «Омен» («Предзнаменование») режиссера Ричарда Доннера.

В 1998 году диснеевский мультфильм «Мулан» – романтическая история приключений отважной девушки, жившей в древнем Китае, – принес композитору премию «Энни»: награда за достижения в области анимационного кино.

Вообще, этот год оказался для Голдсмита самым урожайным на награды. На международном кинофестивале в Палм Спрингс ему вручили приз за заслуги в кинематографе.

В том же году Американская киноакадемия заказала композитору музыкальную тему, под которую уже шесть лет проводятся ежегодные вручения главной премии американского кинематографа – «Оскара».

За эти годы Голдсмит успел поработать еще над тремя десятками картин; последняя (Picasso at the Lapin Agile) находится в работе.

Джерри Голдсмит скончался в своем доме в Беверли Хиллз (Лос-Анджелес). Он умер очень тихо, во сне, в присутствии жены Кэрол, которая работала с ним в качестве автора текстов песен на нескольких картинах, в том числе и на «Омене». У него было пятеро детей, шесть внуков и правнук.

Согласно его завещанию похороны не были слишком пышными.

Ἰ ἀεὶ Ἄϊεῖαι εἶ

ИЗ НАШЕЙ СЕНТЯБРЬСКОЙ ПОЧТЫ

יֵשׁוּעָה לְיִשְׂרָאֵל...

Я – Маруженко Ольга Ивановна. Родилась 27 января 1933 года в Хмельницкой области в селе Раловка, Шепетовского р-на.

То, что написано в статье «Память, ответственность, будущее» в журнале «Лехаим» за январь 2004 года, касается и меня.

В нашей семье к началу войны было семь человек: Иван Чайчук – отец; Чайчук Ярина – мать и мы, пятеро детей! Мы скрывали семью евреев: мать и двух дочерей. Скрывали бо льшую часть Отечественной войны на оккупированной территории Украины. Эта жизнь была еще опаснее, чем в гетто. Если бы хоть кто-то узнал, что в нашем доме прячутся евреи, мы были бы уничтожены все – и они, и мы. Большой был риск, но человек разве не должен помогать человеку? Мы бы их ни за что не выдали!

Мать и девочки после освобождения Красной Армией уехали. Сейчас они живут в США. Мы с ними переписываемся. Но и у нас, и у них поумирали родные. Что делать, годы берут свое...

В данное время я живу с мужем в г. Рудный Костанайской области. Живу уже 45 лет. Муж мой, Степан Маруженко, – инвалид I группы по зрению. В 34 года он ослеп, работая газосварщиком. Я, – инвалид II группы с 1989 года. У меня косоартроз тазобедренных суставов. Правая нога оперирована, вставлен искусственный сустав. Передвигаюсь я с помощью костылей.

Моему отцу, маме и мне присвоено звание «Праведник мира». Нас троих в Иерусалиме наградили почетными грамотами от 3 февраля 2000 года. Но мать и отец умерли, так и не дождавшись грамот. Мама жила со мной, а не стало ее 17 августа 2000 года. Старшие братья тоже умерли. Осталось две сестры. Младшие. Одна живет на Украине, другая – в Казахстане, в 150 километрах от меня.

Раньше мы были молодые и здоровые. Жили благополучно, не нуждались ни в чьей помощи. А теперь попали в очень трудное положение. Своих детей у нас нет. Помощь нам оказывают посторонние люди.

Пожалуйста, если это возможно, поставьте нас на учет Фонда «Память, ответственность, будущее». Пусть решат вопрос о разовой компенсации для нас.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

י. י. אֲדָמָה עִי,

דָּוִד וְעֵי, עֲשֵׂה לָנוּ

Ī òĕóää äĕääĭñòĭ ĭñòù?

Читая еврейские издания на русском языке (газеты, журналы), испытываешь некоторое недоумение. То ли редакторы сверх меры благодушны, то ли наши дела идут словно по маслу.

Есть, признаться, еще одно предположение. В советские годы, когда далеко не все обстояло в лучшем виде, узнать о малейшем неблагополучии не представлялось возможным. Разве что спустя десятилетия. Однако такой срок отпущен далеко не всем нынешним читателям. А не получая ответа на законные вопросы, начинаешь испытывать беспокойство. Словно тебя по давней привычке советской прессы держат за придурка.

Но зачем это сегодняшним редакторам и издателям, призванным выкладывать правду и ничего кроме правды? Остается допустить, будто они безотчетно вводят читателей в заблуждение, полагая, что такая манера всего более подходит для разговора с ними. А всякие сложности – не их, то есть не наша, печаль.

Согласиться с подобной позицией крайне трудно. Она чревата большим или меньшим разладом между изданием и читателями.

Нас слишком часто убеждали в нашей... неполноценности, что ли, когда водили за нос, потчuya благостным чтивом и даже не пытаясь сколько-нибудь изменить положение.

Но коли издатели и редакторы ставят перед собой серьезные, честные задачи, они не могут следовать примеру советской прессы.

Этот вопрос представляется мне достаточно серьезным, и было бы вполне естественно, если бы на него внятно ответил главный редактор.

Ī. Āāđōĭāē, Ī ĭñĕää

СЪДААНЪОАОЕОА, АІ ДІ АОЕА І ІЕ АДОСЪБ!

Позвольте назвать весь коллектив журнала именно так. Пишу это письмо с одной-единственной целью – поблагодарить вас за ваш труд, за все то, что вы делаете для нашего общества, страдающего от тяжелых ран, нанесенных ему в течение многих столетий российской истории.

Читаю ваш журнал не очень регулярно. Беру его иногда у знакомых. Я не еврей; по национальности я русский, по вероисповеданию – римо-католик. Но ваше издание вызывает у меня живейший интерес и горячую симпатию. Прежде всего оттого, что вы открываете мир великой еврейской культуры, которая сотни лет была гонима и уничтожаема по известным причинам. Я уверен, что главной причиной ксенофобии и, мягко говоря, нелюбви к чужим народам является невежество. Знание соседа, дружба с ним всегда открывают сердца людей друг другу, уничтожают недоверие и страх. Ваш прекрасный журнал как ничто другое способствует этому.

Еврейская культура, культура мирового уровня, увы, непопулярна ныне. Имена писателей Переца Маркиша, Бориса Слуцкого, Иосифа Уткина, Исаака Башевиса-Зингера и многих других писателей мало что говорят современному читателю, к сожалению, воспитываемому на дешевых детективах и «дамских» романчиках. Как непопулярна, пожалуй, и любая другая серьезная литература, заставляющая размышлять. Но вы продолжаете популяризировать ее. Статьи об истории еврейского народа, традициях его – все это читается с громадным интересом и служит – во всяком случае, для меня – источником интереса к еврейству. Материалы на религиозные темы тоже вызывают неподдельный интерес: думаю, их нужно было бы читать некоторым христианам, дабы убедиться в полной несостоятельности доморощенной теории: иудей – враг христианина. Уверен, что именно просвещение, рано или поздно, в какой-то степени будет способствовать искоренению мерзости юдофобства в нашем обществе. И это уже, слава Б-гу, чувствуется в реальной жизни за последние лет десять. Во всяком случае, в Днепропетровске длиннобородые люди в черных сюртуках, в широкополых шляпах или маленьких кипах уже не вызывают ни насмешек, ни враждебности. И ваше издание вносит огромную лепту в это доброе дело.

С сердечной благодарностью и пожеланиями больших успехов в работе, а также личного счастья всем, кто причастен к существованию этого журнала.

А. Нітєрєа

Аі аі ді ао еа і іе адо с ъ б!

ÓÀÀÆÀÀÌ ÀΒ ΔΑΪÀËÖÈΒ!

Большое спасибо за то, что вы отметили в журнале 95-летие моего отца Ниссона Адольфовича Шкаровского. Это было в 1999 году В этом году ему исполнилось бы сто лет. Кроме данных, имеющих в энциклопедии, есть еще кое-что, о чем хочется написать.

Он был скрипач. Скрипач-вундеркинд. Гастролировал в разных странах. В американском журнале его однажды называли «русским Паганини». А ему тогда только-только исполнилось шесть лет. В тринадцать он уже закончил Лейпцигскую консерваторию по классу скрипки. Но революция разрушила все его радужные планы – как, впрочем, у многих.

В войну оркестр Мравинского был эвакуирован в Новосибирск и отец работал в этом оркестре вторым дирижером. Сохранились многочисленные программы тех концертов. И. Соллертинский писал о нем как об одном из ведущих периферийных дирижеров. Когда знаменитый Курт Зандерлинг уезжал в Германию и, таким образом, освобождалось место главного дирижера в ленинградском Малом оперном театре, он назвал моего отца единственным кандидатом на этот пост. Но отец к тому времени был уже болен, и только телеграмма с приглашением напоминает об этом.

К сожалению, записей никаких не осталось, – кроме «Золотого петушка» Римского-Корсакова на Всесоюзном радио. Да, и сохранилась ли она?

С 1948 по 1963 год Н. Шкаровский работал в Саратовском оперном театре, это был настоящий расцвет театра...

Спасибо еще раз!

Â. Ðéàðíàíéé,

Àéààééààéàç